

Эдуард Лимонов

Дисциплинарный санаторий

Вместо предисловия: Размышления по поводу самой черной книги века

1. Старое hard НАСИЛИЕ

Винстон Смиф, герой романа “1984”, “верил, что он был рожден в 1944 или 1945 году”, то есть мы с ним ровесники. Поскольку 1984 год давно просвистел мимо и ничего похожего на общество, созданное воображением Оруэлла, на поверхности глобуса не обнаружено, я перечитал приключения человека моего возраста.

Сюжет глуп. В Великобритании 1984 года (в Океании) внебрачный секс между членами партии запрещен. Винстон Смиф нарушает запрет (уже пять лет тюрьмы, минимум). Чуть раньше он начинает вести дневник (двадцать пять лет или смерть). Снимает комнату для свиданий с Джулией (над антикварным магазином, в квартале “пролов”) у (как позже оказывается) агента Полиции Мысли. Вместе с Джулией поддается провокации злодея О’Брайяна и вступает в заговор (словесный) против Партии (смертная казнь). Получает запрещенную книгу Голдстина (еще раз смертная казнь). Смифа арестовывают, пытаются, подавляют его волю. В последней главе он отпущен “на свободу”, но читателю ясно, что тотчас за пределами книги его неминуемо арестуют и ликвидируют. Ясно и то, что глупый сюжет используется Оруэллом, дабы продемонстрировать читателю общество будущего — Великобританию-Океанию 1984 года. Считал ли автор продукт своего творчества пророчеством или лишь возможной моделью будущего, к оценке книги отношения не имеет. Так же, как и причины ее написания.

Смиф во мне сочувствия не вызвал и в высшей степени мне не понравился. По сути дела, он стандартный персонаж английской литературы — маленький человек (пять фальшивых зубов, язва на ноге). Забыв об Океании, видим типичного английского клерка среднего возраста. (Вспомним Т.С.Эллиота: “Я старею, я старею / Я постель бутылкой грею / Можно ль мне носить пробор?..” — или протагониста романа Грэхэма Грина “Человеческий фактор” — Кастла, советского шпиона.) Оруэлл уверяет нас, что ужасная история его клерка разыгрывается в будущем — в 1984 году. Внимательный читатель обнаружит, что в книге паразитически удобно устроилось прошлое (роман написан в 1948 г.). Судите сами.

Падающие через каждый десяток страниц на Лондон “ракетные бомбы” заставляют вспомнить ФАУ-2, посылаемые германцами на Лондон в 1942—1944 годах. Винстон и Джулия встречаются на колокольне, в местности, куда “30 лет назад упала атомная бомба”. Банды юношей “в рубашках одного цвета” и “крепкие мужчины в черных униформах с железом подбитыми сапогами и дубинками в руках” заимствованы из германской истории 1920—1945 годов. Туда же относятся голубые и (для высшей иерархии партии) черные комбинезоны героев книги. “Плавающие крепости” Океании, конечно же, содраны с американских бомбардировщиков “Летающая крепость”. “Трехлетний план” и “колонии для бездомных детей” отсылают пас безошибочно к истории СССР. Давно установлено, что Голдстин с козлиной бородкой списан с Троцкого. “Две минуты ненависти” и “неделя ненависти”, вероятнее всего, заимствованы из ритуалов какой-либо из фрейдистских сект. “Великие чистки 50-х и 60-х годов”, без сомнения, ведут свое происхождение от сталинских чисток. (Какими бы абсурдными эти процессы ни казались с Запада, они были следствием и необходимостью борьбы за власть. Дабы процессы над лидерами партии не превратились в процессы над партией, Сталин был обязан

выдумать все эти невероятные “предательства” и связи с иностранными разведками. Цели своей он достиг...) В “1984” — засилие деталей прошлого и лишь пара деталей (предположительных) будущего. Прежде всего, знаменитый телескрин, о котором известно, что его нельзя выключать (член Высшей Иерархии Партии О’Брайян имел право выключать свой на полчаса). Во время написания романа телевидение уже существовало, пусть и в зачаточном, полужэкспериментальном состоянии. Оруэлл избрал новое изобретение главным персонажем будущего и основным средством контроля. (Он было заикнулся на первых страницах во поводу полицейских вертолетов, висящих над улицами, полиция заглядывала в окна, но, поняв, насколько сей метод глуповат, поправился: “Вертолеты были не важны, однако. Полиция Мысли была важна”.) Установка в жилищах членов партии принимающе-передающих телевизионных аппаратов теоретически возможна. Однако, не говоря уже о цене проекта, центр обработки информации должен быть чудовищно велик, и, может быть, половине наблюдаемых придется наблюдать за другой половиной партийного населения. Даже компьютеры не решают проблему, так как программирование разрешенных и неразрешенных движений и текстов — сизифов труд. (Не говоря уже о бесцельности всей затеи — наблюдения. Разве при отсутствии телескрин современный цивилизованный европейец или американец позволяет себе в стенах своей квартиры экстравагантное поведение? Самое большее, на что может рассчитывать наблюдающий Big Brothe¹ или его служащие,— секс-сцены и скандалы.) Современное теле, безусловно, контролирует население. Но не наблюдая, а показывая.

“Ньюспик”, вместе с телескрином обязанный постоянно напоминать читателю, что дело происходит в будущем, действительно принадлежит настоящему (и Оруэлла и нашему) и будущему. Вульгаризация, упрощение и смешение языков — феномен нормальный. Происходит это повсюду, со всеми сразу языками мира и во множестве форм. Например, вкрапление английского в языки мира. “Франгле” — испорченный английским французский существует, и плацдарм его расширяется. Но вовсе не с помощью “мужчин в черных униформах и с дубинками в руках”, но добровольно, согласно необходимости и желаниям масс.

Основную предпосылку, на которой держится интрига “суперкниги”, то, что в будущем внебрачный секс будет караем “пятью годами исправительных лагерей” (в лучшем случае), Оруэлл придумал сам, а не заимствовал из опыта прошлого, посему неправдоподобность резко бросается в глаза. Не говоря уже о воспеваемом всеми режимами семейном содружестве противоположных полов (семья — священная единица для советского и гитлеровского режимов, для Петена вчера и для Раймона Барра и Рейгана сегодня), секс был законным и заслуженным правом немецкого солдата, офицера и партийного чиновника: публичные дома сопровождали немецкую армию. Второй человек в СССР после Сталина, глава грозного НКВД Лаврентий Берия, разъезжал в авто по улицам Москвы, выискивая красивых юных девушек. Идиоту известно, что сексуально удовлетворенный гражданин менее склонен интересоваться социальными проблемами. Казалось бы, уже находящаяся у власти партия должна быть заинтересована в том, чтобы население сублимировало часть своей энергии (хотя, разумеется, власть всегда предпочитает упорядоченный секссоюз). Лишь сумасбродная, умопомешавшаяся власть способна вдруг запретить секс (хотя бы и только членам правящей Партии) и сурово карать за нарушение запрета. Фраза Оруэлла, характеризующая сексуальный акт Винстона и Джулии: “Это был удар, направленный против Партии. Это был политический акт”, — нонсенс. Звучит, однако, красиво, как “встреча швейной машинки и зонтика на столе для анатомирования трупов”. (Кстати говоря,

между лотреамоновскими “Песнями Мальдорора” и “1984” существует определенная, неменяемая, летучая похожесть, как один кошмарный сон похож на другой.)

У персонажей Оруэлла отсутствует честолюбие, нет у них даже человеческой жажды власти или ненависти к тем, кто эту власть оспаривает. (Ее, впрочем, никто в книге и не оспаривает.) Они повинуются машинной логике или, может быть, даже квантовой механике. Непонятно, почему О'Брайян выбирает в жертвы совсем ничтожного Винстона Смифа, почему он и Полиция Мысли затягивают Смифа в сеть, словно агенты ФБР, затягивающие американского сенатора в скандал с целью свалить его. К середине книги выясняется, что за Смифом следили с самой первой страницы, читали его дневник, следовали за ним в кварталах “пролов”, подослали агента — хозяина антикварного магазина, наблюдали (через спрятанный за гравюрой телескрин) его акты любви с Джулией... Арестованному Смифу “готический” злодей О'Брайян (образ следователя-инквизитора, позаимствованный у Достоевского?) адресует театральные речи, простительные разве что школьнику, выкручивающему руки другому школьнику в темном углу здания школы. “Когда вы наконец сдадитесь нам, это должно быть сделано по вашей собственной, свободной воле...” — шипит он. Невозможно поверить в серьезность супервласти, один из высших чиновников которой ведет себя, как опереточный злодей. Знаменитая сцена пытки (несостоявшейся) крысами сделана мэтром Оруэллом в манере Эдгара По, устарело-патриархальной. (Но эффекта он добивается, ибо само слово *rat*² у большинства населения земного шара вызывает неприятнейшие эмоции.)

Все большее число людей занимается Смифом по мере приближения конца книги, и все большее раздражение вызывает Винстон Смиф. Почему они возятся с больным варикозом с пятью вставными зубами, не могущим наклониться без боли в костях, преждевременно состарившимся чиновником министерства Правды? Фактически, Смиф — законопослушный гражданин. Он аккуратно ходит на работу и даже находит в своей работе известное удовольствие. Подавлять волю Смифа нет нужды, она у него подавлена еще на первой странице книги. Все, чем занимаются О'Брайян (государство Океания в его лице, Партия и Большой Брат) и Оруэлл, следя за уже бескрылой мухой на стекле, время от времени ловят ее и отрывают по одной ножке мухи. Отпущенная опять на стекло, как она станет себя вести?

Если муха (Винстон Смиф), может быть, и убедителен в своей ничтожности, то отрывающий ей ножки Большой Брат (О'Брайян, Партия) неудался. Не хватило таланта у мистера Оруэлла. Ясно, что он хотел сделать книгу о “чистом” насилии. Но получилась карикатура, будущее в стиле романов для консьержек. “Божественный” маркиз в “120 днях Содома” преуспел в той же цели куда больше. (Что до меня, я предпочитаю футуролога Герберта Уэллса и его “Машину времени”).

Творца “1984” вдохновляло превратно понятое чужое, не английское прошлое. Оруэллу казалось, что общества Германии и сталинской России были скреплены исключительно насилием. Государственное насилие, вне сомнения, присутствовало необходимым элементом в структуре обоих режимов, но количество и значение насилия преувеличено и Оруэллом в 1948 году, и вообще иностранцами, не жителями Германии или СССР. (У других — всегда Ад.) Мифологические “тоталитарные” системы были воздвигнуты Западом в своем воображении с невинной грацией. Дабы вызвать в себе необходимую для борьбы с врагом ненависть, следовало хулить врага, и в результате на месте реальных стран и систем прочно обосновались Монстры. Путем отсека реальных мотивировок поведения остался лишь феномен уродливой абстрактной жестокости. Партия в “1984” столь же жестока и злобна, как скальпирующий белого индеец в вестернах.

Если забыть о всемирной славе “1984” и попытаться оценить книгу по стандартам литературы, то удивляет инфантильность и мелодраматичность книги — качества, присущие поп-литературе. Никогда таковым не объявленный, “1984” написан, по сути дела, в жанре бестселлера. (Понятно, почему “Book of the Month Club” потребовал в свое время от Оруэлла, чтобы он убрал главы из книги Голдстина и Аппендикс, объясняющий принципы “Ньюспик”. Только эти два куска написаны не в поп-стиле.) Вполне закономерно также, что “1984” вдохновил поп-звезду Дэйвида Боуи на создание шоу. “1984” — это будущее, каким оно представлялось популярному, вскормленному дешевыми газетными мифами воображению, всегда отстающему от реальности на полстолетия.

2. Новое soft³НАСИЛИЕ

Мягкие методы управления массами зародились задолго до окончания второй мировой войны. Подавляя населения других стран, своих германцев Гитлер соблазнил нацизмом. Арестантом в крепости Ландсберг, еще в 1924 году, он набросал модель популярного автомобиля “фольксваген” и проект идеального дома среднего германца: пять комнат с ванной. Своей нацией он, кажется, собирался управлять с помощью мягкого насилия.

Испуганные проявлениями своего собственного каннибализма в первую и, более всего, во вторую мировые войны, “цивилизованное” человечество отшатнулось от hard к soft режимам. (Плюс сыграли роль еще два важнейших фактора: 1. сдерживающее агрессивность влияние ядерных вооружений и 2. появление новых технологий производства, сделавших возможным закармливание масс.) Если сущность hard заключается в физическом подавлении человека, soft основано на поощрении его слабостей. Идеал жесткого насилия — превратить мир в тюрьму строгого режима, идеал мягкого — превратить человека в домашнее животное.

Soft оперирует не черными униформами, дубинками или пытками. В его арсенале: фальшивая цель человеческой жизни (материальное благополучие), страх unemployment⁴, страх экономического кризиса, страх и стыд быть беднее (хуже) соседей и, наконец, просто лень — присущая человеку, как энергия, инертность. Самоубийства безработных — пример могучей хватки мягкого насилия, степени психологического давления, того подстрекательства к PROSPERITY — ПРОЦВЕТАНИЮ, которому подвергается гражданин цивилизованных частей планеты.

В витрине современной цивилизации завлекающе светятся экраны теле, компьютеров и минителей.⁵ Публика ослеплена избытком информации и могуществом моторов автомобилей, в которых она весело несется (12 тысяч смертей в год на автодорогах Франции) в порыве коллективного безумия передвижения. Портрет Большого Брата на стенах выглядел бы убого в сравнении со все более могущественными трюками паблисити. Ослепленный жонглированием ПРОЦЕНТОВ, под дробь барабанов СТАТИСТИКИ (цивилизация отдает решительное предпочтение относительной математике, блистательным цифрам, в которых у публики нет времени разобраться), под грохот ставшей обязательной поп-музыки все более худшего качества (эмоции музыки как противоположность мышлению) совершает “цивилизованный” житель счастливых “развитых” стран свой

3

4

5

скоростной пробег от рождения к retirement.⁶ Необыкновенно высокий материальный уровень жизни, любит повторять счастливы сам себе, достигнут лишь в Европе, Соединенных Штатах, Австралии и в нескольких других, белых в большинстве своем, точках планеты, вроде Израиля и Южной Африки. Есть исключения, скажем, Япония, но в основном весь остальной несчастный небелый мир влачит жалкое существование. (Сколько презрения в термине “слаборазвитые страны”.)

Разнеженный, живущий в кредит (и часто за счет презираемых “слаборазвитых” стран, у которых он за бесценок скупает raw materials⁷, сельхозпродукты и собирает гигантский урожай процентов за предоставленные кредиты), “цивилизованный” человек панически боится unemployment — свободы. Потому он каждый день отдается под покровительство государства-опекуна, потеряв (отказавшись от них сам!) основные привилегии человека, присущие ему как биологическому виду,— независимость и свободную волю.

За послушание его награждают ЗАМЕНИТЕЛЯМИ. Его грезы о путешествиях воплощаются в организованный туризм, жажду авантюры он может безопасно удовлетворить, включив теле или пойдя в синема. Полицейские романы и фильмы с неумеренным количеством револьверов и выстрелов — substitute⁸ необходимой человеческому существу ежедневной дозы борьбы за жизнь. Отвыкнув от защиты самого себя, современный “цивилизованный” человек параноически озабочен своей security.⁹ Но его вмешательство в обеспечение его же security не только нежелательно, но карается законом. В цивилизованном обществе мягкого режима безопасность граждан — есть бизнес полиции.

В обществе мягкого режима (в этом его принципиальное отличие от жесткого) не Партия, не банда злоумышленников подавляет трепещущее большинство, но все в той или иной степени подавляют всех, сами. Ибо таков характер отношений. Однако многих общество мягкого режима обслуживает лучше. Ничтожный Винстон Смиф оказывается в нем в лучшем положении, чем энергичный (пусть и позер) О'Брайян. (Я вижу, как Смиф в этот самый момент выставил варикозную ногу на асфальт автодороги, ведущей к Лазурному берегу. Пробка. Впереди тысячи машин со Смифами и Джулиями и их детьми, отправляющимися в отпуск... О'Брайян, водрузив на нос очки, грустно читает Библию в камере тюрьмы Флэри-Мерожис. Выпал из охотничьего ружья в соседей — эмигрантов-арабов, не вынес шум...)

Чтобы они не забыли, что живут в наилучшем из обществ, доместифицированным массам демонстрируют с большим удовольствием дистрофических африканских детей, облепленных мухами. Или скелеты Аушвица... Мораль этих демонстраций такова: бесполезно пытаться устроить какое-либо другое общество. Поглядите, к чему приводят попытки. Что произвел марксизм в Эфиопии и гитлеровский фашизм...

И напуганные массы сидят тихо. И опыляют их мозги паблисити сыров, вин и стиральных порошков. Предлагают им покупать суперделикатную туалетную бумагу и носить не черные, но ярких, детских расцветок ткани. (К насильственной математизации и насильственному озвучиванию жизни следует еще добавить и насильственную “инфантилизацию”.)

Среди всех преступлений наиболее ужасным (но вовсе не наказуемым) является преступление против самого себя — неиспользование индивидуумом его собственной единственной жизни. Слушал глупые музыкальные шумы, парковал автомобиль, занимался нетяжелым, но неинтересным трудом, а срок пребывания на

6

7

8

9

земле закончился. Коллектив, так называемое “цивилизованное человечество”, преуспел в создании (и навязывании всем вплоть до самых окраин планеты) бесцветной, скучной, глупой, лишенной реальных удовольствий жизни. Жизни домашних животных.

Против насилия Большого Брата, старого hard-режима в сапогах и зловещей униформе возможно было однажды (как доказывает история, это рано или поздно происходило) подняться на восстание. Но вот подняться на восстание против собственных слабостей, возможно ли?

О структуре книги

В основе книги лежит метафора — уподобление современного “развитого” общества санаторию для психически больных, где гражданина-больного содержат и лечат в мягком и все же дисциплинарном климате. Уподобление понадобилось мне для создания эффекта остранения, для того, чтобы читатель поглядел бы на привычный ему окружающий его мир чужим взглядом (в данном случае моим.— Э.Л.). Невиннее совсем еще недавно широко распространенного несправедливого уподобления СССР — ГУЛАГУ уподобление европейских (и европейского происхождения) обществ санаториям родилось, я признаю, в именно этой семье уподоблений: общество-тюрьма, общество-концлагерь. Почему бы не санаторное общество?

Я вынужден был пользоваться английской и французской социальной терминологией по той простой причине, что, уехав из СССР много лет назад, русской просто не знаю.

В книге нет ничего, что бы не было уже известно читателю. Я лишь сложил всем видимые элементы в мою картину. Важен мой взгляд.

Возможно было выбрать сотню цитат из Ницше, Маркса, Фрейда, Достоевского... и украсить ими книгу, но я предпочел внятно изложить мои мысли и мое видение мира. (Не обладая латинским полемическим темпераментом, я склонен, скорее, к ясной сухости.) Цитаты употреблены только в практических целях, а не для подкрепления моей позиции мнениями авторитетов.

В книге мало внимания уделено полиции. Потому что в “неполицейских”, я настаиваю на этом, санаторных государствах мягкого режима полисирование есть одна из функций администрации, и как самостоятельная сила полиция не выступает. То же самое можно сказать об интеллектуалах, оттесненных media¹⁰ со сцены. Сегодня интеллектуалы не есть самостоятельная сила. Функция производства prefabricated¹¹ мнений узурпирована media. Сегодня мыслитель не Вольтер, не Сартр, но Ив Морuzzi и Бернар Пиво¹² — мыслители. Основная масса интеллектуалов служит в сфере развлекательного обслуживания санаториев, в университетах и исправно выполняет свои функции. Интеллектуалы сегодня — привилегированная вспомогательная группа, и их претензии на обладание истинной истиной абсурдны, так же как и претензии на якобы особую “революционность”.

Если в сфере производства профессиональные категории, определяющие граждан, достаточно многосложны, то человек социально-поведенческий может быть сведен к куда более простым категориям. Потому я оперирую в книге категориями: “People”, “администрация”, “идеальные больные”, “возбуждающиеся”,

10

11

12

“жертвы”, а не какими-нибудь узаконенными: blue-collar worker, white-collar worker¹³ и пр. Все большая универсализация стилей жизни, вкусов, потребностей и потребляемых продуктов сделала так, что различные отряды обществ (профессиональные, возрастные, с различной покупательской способностью etc.) слились в один, с единой социопсихологией — в People. Я намеренно отказался выделить из People буржуазию и мало употреблял термин middle class, поскольку сегодня поведенческая психология рабочего мало или совсем не отличается от психологии буржуазии.

Фиктивным противникам санаторной системы также отведено мало места. Профсоюзы, компартия и даже крайние группы типа “Аксен Директ”¹⁴ ведь не оспаривают принципы санаторной цивилизации — prosperity и progress. Они возражают лишь против существующей системы распределения национальных богатств, предлагая заменить ее более справедливой, по их мнению, системой. В известном смысле, оппозиционных партий в санаториях нет. Эколожисты и Фронт насьеналь¹⁵ оппозиционны каждая лишь одной гранью.

Мой анализ есть взгляд из Западного блока, из Франции, страны, где я живу, и из Соединенных Штатов, где я прожил шесть лет. Отношениям к Восточному блоку санаториев (Россия и восточноевропейские государства) уделено множество страниц. Куда меньше внимания досталось на долю несанаторного мира планеты. Почему? Прежде всего потому, что из противоборства двух блоков с нацизмом и между собой и сформировались санаторная цивилизация и санаторные общества. Во-вторых, количество моего внимания справедливо соответствует диспропорциональному вниманию, уделявшемуся до сих пор самим Западным блоком СССР, одержимости Западного блока Восточным. “Мы одержимы Востоком,— признался недавно администратор Эдгар Пизани постфактум.— Однако наши отношения со странами Юга куда более важны для нас... Отношения же с Востоком сделались сегодня проблемой не стратегической, но экономико-культурной”. (Под “Югом” Пизани имел в виду страны Магриба: Алжир, Марокко, Тунис.)

То, что лишь экономико-количественные показатели (культура Толстого, Чехова, Шолохова и Солженицына есть одновременно и культура Стендаля, Флобера, Пруста и Камю,— бесспорно) отличают блоки друг от друга, было всегда очевидным. Лишь нарциссизм, невнимательность и необходимость иметь, пусть и фиктивного, Абсолютного Врага мешали Западному блоку опознать лицо брата своего — близнеца. Абсолютный Враг остро необходим Западу для его внутреннего здоровья, для содержания своих граждан в субмиссивном страхе, для того чтобы переносить ненависть и агрессивность из “нашего” общества вовне. Еще вчера одержимый Абсолютным Врагом — СССР, сегодня Западный блок санаториев одержим исламом. Без Врага (вернее, без идеи врага, ибо реальное столкновение нежелательно и избегается) санаторная цивилизация не может быть уверена в своем существовании, ведь она определяет себя, отрицая (морально осуждая) противника.

Я высказал в книге нелестные суждения о People — Народе. Что же, рано или поздно кто-нибудь должен был высказать им это публично. People очень долго уже пользуются иммунитетом не по заслугам, ханжески выдавая себя за жертв администраций, на самом деле являясь их подельником (коконспиратором) и деля с ними прибыль. Администраторы знают истинную природу People, но предпочитают молчать, дабы сохранить миф о плохих администрациях (в противоположность

13

14

15

всегда “хорошим” и невинным Народам) в своих целях. Тем самым сохраняется возможность соблазнения People “хорошей” администрацией. Выступить сегодня против диктатуры People кажется мне столь же благородной акцией, какой двести лет назад был бунт против Абсолютизма.

часть 1. Общества-санатории и их структура

Санаторий

Ежедневная жизнь в любом из обществ белой цивилизации, будь то Западный блок — Европа и ее спасе-колонии (Соединенные Штаты Америки, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка, Израиль...) или Восточный (СССР с компанией восточноевропейских стран), напоминает реальность хорошо устроенного психсанатория. Подавляющее большинство больных, заколотых транквилизаторами, ведут себя разумно и послушно. У больных гладкие, упитанные лица, они довольны своим состоянием. Покой царит в санатории...

Если случается скандал, медбратья-фельдшеры тихо и профессионально удаляют вдруг грохнувшегося на пол в припадке больного. Удаляют тем незаметнее и тем элегантнее, чем выше степень прогрессивности и богатства санатория. В примитивных, менее “развитых” санаториях провинции, какими были еще недавно СССР, Восточный блок, больных до самого последнего времени удаляли грубо, с кровопусканием, с криками. Набрасывались, подминая, заламывая руки. Удаляли скандално. (Главный упрек Запада СССР до сих пор был направлен именно против употребления старых методов репрессий, но не против репрессирования как такового. Всегда осуждаем был непрогрессивный метод, но не суть.)

Слишком крепкая метафора? Карикатура? Ну почему же... Все элементы реальности дисциплинарного санатория налицо. Бросается в глаза схожесть структур. Больные — Население. Всяких рангов и званий медицинский персонал — Администраторы. Медбратья-фельдшеры с большими мускулами, аппарат насилия, дабы держать в повиновении возбуждающихся больных,— Полиция и Армия. Небольшая часть медперсонала психсанатория устраивает духовное обслуживание массы больных — работники культуры и коммуникаций: media, интеллектуалы.

Тихие, спокойные, трудолюбивые больные, клеящие картонные коробки или копающиеся в санаторном саду, поощряются администрацией санатория. Идеальный больной (гражданин) определяется по наименьшему количеству хлопот, доставляемых им обслуживающему персоналу. Идеальный больной передвигается не медленно и не быстро. Он не хохочет, но и не грустен. На лице идеального больного всегда присутствует тихая приветливая ослабленность (вспомним знаменитую американскую улыбку). Клея коробки, копаясь в земле, он с аппетитом потребляет пищу и не просит, чтоб его выпустили, освободили. Идеальный больной не возбуждается.

Возбуждаться — самое серьезное преступление в санатории. Возбуждаться — значит покинуть состояние тихой спокойности. Вдруг начать ходить от стены к стене, вскрикивать: “Освободите меня, я здоровый!”, вариантов возбуждения множество: прыжки, гневные речи, требование всяческих свобод и послабления санаторного режима, обвинения администрации в мошенничестве, вплоть до тягчайшего — физического нападения на санитаров и членов администрации (“Аксен Директ”, “Армэ Руж”, если ты достаточно вжился в метафору и Франция уже для тебя санаторий,— читатель...). Серьезный вариант возбуждения — выражение сомнений в правильности действий обслуживающего персонала.

Неприятное отличие современных обществ от санаториев для психически больных состоит в том, что из психсанатория все же можно однажды выйти.

Покинуть же общество можно, лишь сбежав в другое, практически идентичное общество. Из бывшего СССР — в Соединенные Штаты, из Соединенных Штатов — во Францию. Минимальные различия в богатстве питания, в климате, в количестве держателей акций крупных компаний (в Восточном блоке до недавнего времени держатель был один — государство), незначительные мелкие особенности поведения местных администраций не скрывают подавляющей общности социальных структур санаториев. О да, никогда не исчезающий конкурентный дух враждебности и благородная задача запугивания “своих” больных заставляли Восточный и Западный блоки санаториев яростно соревноваться между собой. Обязанность служителей культуры и идеологии — рекламировать выгодное отличие “нашего” санатория от их санаториев. Куда бы ни перебежал больной, повсюду он неизбежно слышит, что “наш” санаторий — самый лучший из возможных. Справедливости ради следует сказать, что определенный санаторий может оказаться удобнее для данного больного. В западных санаториях, например, разрешают безгранично делать деньги, в восточных — делание денег до самого последнего времени было ограничено. В одних (Восточных) разрешали писать все, но публиковать все не разрешали (уже разрешают), в других можно и писать и публиковать что угодно, в результате санаторий ломится от книг, но именно по причине этой девальвации больные читать не желают. Десяток стран Западного блока практически не контролирует свои смежные границы (так они договорились), однако ничего страшного не происходит. Куда уйдет больной от своего места за обеденным столом санатория? В несанаторный мир, в голодную Эфиопию? Брррр. Лишь совершенные безумцы решаются бросить ежедневную тарелку с теплым мясом. Старомодные санатории: СССР и Восточный блок — до сих пор еще пытаются контролировать свои пределы...

Якобы радикальная “перестройка”, по сути дела, принесла мало что нового в уже существующие отношения мимикрии, ведь по меньшей мере четверть века “коммунистический” блок полностью имитирует “капиталистический” блок санаториев. До такой степени, что только различия количественного порядка существовали между двумя блоками санаториев. У них одна и та же цель: продукция и продуктивность. Один и тот же параметр: Gross National Product.¹⁶ Одна и та же концепция: развить производительные силы до предела. (И одинаковая технология для достижения этого: иерархизация и статификация человеческих масс с одной и той же целью — повышение эффективности их труда; жесткий менеджмент администраторов, отдающих приказание из высоких правительственных сфер и ассистируемых компьютерами, накормленными холодными фактами рынка, цифрами конкурентности, спада и подъема акций.) В обоих блоках одна и та же доблесть — трудоспособность. И висел над санаторием СССР лозунг: “Труд есть дело чести, доблести и геройства!”, а над американским — подобная ему до деталей “Великая Американская Мечта”, то есть средство и для достижения коммунизма, и для достижения money¹⁷ предлагается одно — ТРУД.

Санаторий — самая механическая социальная конструкция, какая когда-либо существовала. Не отношение к Богу, не отношение человека к человеку есть ее фундаментальный принцип, но отношение человека к предметам.

Идеал санатория — сам санаторий. Потому у него нет цели, и, оправдывая свое существование, он находит оправдание в прошлом и в несанаторном мире. Истолкованная санаторными мэтрами история есть поступательное движение человеческих коллективов из бедности и страданий прошлых веков к кульминации истории — в уютно устроенное сегодня. Вчера истории, согласно такому

толкованию, было ужасным, варварским, достойным презрения, потому что в нем не существовало всеобщего образования, автомобилей и теле, стиральных машин и электрического освещения ночи напролет улиц и архитектурных памятников, компьютеров, телефона, минителетей и оплаченных отпусков. Обитатель санатория жалеет жителей прошлых веков, лишенных блистательных игрушек, проживших свой век без комфорта. Достигнув цели, никуда не стремясь (за исключением еще большего development¹⁸продукции и продуктивности), санаторный человек скучен. И скучна санаторная действительность. Скука в санатории не просто эмоциональная атмосфера, но насильственно введенный, официальный климат. Поскольку возбуждение и его крайности (атрибуты поведения возбуждающихся): отчаяние или восторг — признаны опасными, санаторий предпочтительно выбрал скуку как идеальный общественный климат. Ибо больные должны быть ограждены от крайних эмоций, а скука и есть средняя эмоция между восторгом и отчаянием.

Идеальные больные

Больные-модели всякий день являются перед нами на теле, щебечут мирными голосами из мембран радио, фотоулыбаются, цветные и черно-белые, со страниц газет и журналов.

Нам приводят в пример Бернара Тапи — он идеальный Бизнесмен, французский Стаханов. В отличие от старого, вульгарного типа “миллионера” (Filthy rich: ванные краны и туалетная раковина из золота), он демократичен, много работает, голосует за социалистов, коллекционирует импрессионистов. Плюс он чуть ли не пролетарского происхождения. Подобно сердобольному мальчику, он подбирает больные бизнесы и вылечивает их. Он не нарушает спокойствия санатория, но, улыбаясь во всю симпатичную физиономию молодой еще Симоны Синьоре, действует поощряемыми санаторием спокойными легальными методами. Идеальный бизнесмен — всегда безжалостный эксплуататор машин, наемного труда и в постиндустриальном санатории — природы. Сегодня он в большой моде. Но похоже на то, что индустриалист будет объявлен преступником в уголовных кодексах первых годов после двухтысячного.

Идеальная больная — актриса Катрин Дэнёв, избранная символом — национальной Марианной, женщина, достойная доверия, призывала нас приобретать акции компании “Суэц” в абсурдно выбранный момент кризиса Биржи. Красивое, никогда не стареющее, спокойное лицо ее, возможно, будет продлено во времени с помощью двойника, подобно тому как бизнесмены — производители консервов для кошек — сумели найти замену скончавшейся celebrity¹⁹ — Коту Моррису.

Вечная, как и Дэнёв, певица Мирэй Матье олицетворяет для окраин мира, для Китая и СССР, — француженку, и ее, тетю Францию, охотно озвучивают Краснознаменный хор Советской Армии и китайские пионеры.

В Соединенных Штатах Голливуд производит идеальных героев санатория в изобилии. Так же, как и Уолл-стрит. Лиз Тэйлор и Пол Ньюман такие же идеальные персонажи санатория, как был покойный Артур Блумингдэйл (основатель “Dinners Club”²⁰), есть Генри Киссинджер, и всегда остаются идеальные бизнес-семейства Рокфеллеров, Гугенхаймов и Фордов. Делать деньги не есть возбуждаться.

18

19

20

Наша эпоха, несомненно, испытывает пристрастие к нейтральным профессиям. Балет хорош тем, что в балете не разговаривают, следовательно, он *nonsubversive*²¹ по сути своей. Барышников захватил себе Америку. Нуриев подвинулся и уступил часть французского поля Бежару. Нуриев возмутился... Бежар покровительствует своим любовникам... На все их беззубые страсти взирает гражданин, не рискуя заразиться вольномыслием и возбуждением.

По самому характеру их деятельности идеальными больными можно назвать *couturier*.²² После 1945 года значение *couturier* в социальной жизни общества все растёт, ибо в обществе, где функция казаться — самая важная, значение *look*²³ все увеличивается. В романах XIX века портной тенью проскальзывал из-за кулис, чтобы спустя мгновения за кулисы же и удалиться. Вместе с ростовщиком (или старухой-процентщицей) портной являлся отрицательным персонажем, преследовавшим романтических денди-юношей со счетом в руках. Иногда портной в облике толстого противного старика появлялся на сцене (в спальне романтического юноши) вместе с полицией. “Он задолжал всем... портному, ресторатору...” — на такие строки легко натолкнуться у Бальзака, Диккенса и Достоевского. Сегодняшний портной — Ив-Сент-Лоран — герой сцены, это романтические юноши оттеснены, выселены за кулисы. Портной дружит сегодня с сильными мира сего — с Раисой Горбачевой и Нэнси Рейган. Зачастую он — глава собственной империи; множество азиатских женщин работают на него. О *couturier* сняты фильмы и написаны многие книги. Аполитичный по сути своей, он всегда на стороне власти, ибо она протезирует ему и его бизнесу. Французский *couturier* Пьер Бержэ почему-то стал директором Новой Парижской оперы.

Вместе с портным поднялась и возвысилась и другая профессия сферы обслуживания: парикмахер. В санатории Соединенных Штатов кто же не знает имени Видал Сассун. В профессиях парикмахера и *couturier* риск возбуждения минимален. Самая резкая попытка возбудиться в области *look* (и почти одновременно поп-музыки) была сделана Малколмом МакЛареном и вышедшим из его магазинчика на Кингс-роад в Лондоне *runk*-движением. После нескольких лет замешательства *runk-look* отделился от *runk*-движения и был переварен империями *couturier*. Общество отделалось легкой эпидемией. Мода ведь, по сути дела, есть синоним слова “конформизм”.

Чемпионы тенниса и шахматисты — идеальные невозбуждающиеся профессии.

Писательство, так как это самый эффективный способ, придуманный человечеством для выражения мысли,— профессия опасная. В прошлом она поставляла обществу возбуждающихся чаще, чем другие профессии. Однако выход из положения найден: механизм признания писателя в санаторном обществе настолько усложнен, что только имена избранных администрацией (обыкновенно старых) писателей достигают читательского сознания. (Затормозить прибытие мысли — значит сделать ее менее эффективной.) Избрание выражается не в запрещении, но в поощрении одних в ущерб другим. Сделав писательство карьерой, общество лишило писателя особого положения. Закономерно увеличилось значение заслуг, собственно пути писателя через общество, и уменьшилось значение книги, текста как такового. Как и в других областях человеческой деятельности, вершиной, временем признания сделался старческий возраст. Если еще и Камю и Сартр стали признанными вождями интеллигенции в возрасте около сорока, то в сегодняшнем санатории Франции знаменитые писатели: Нурисье, Сабатье, д'Ормэссон — люди за шестьдесят. (Я сравниваю здесь, разумеется, не талант.) Старые писатели, как

21

22

23

правило, настолько устают от жизни к концу пути, что проповедовать возбуждение уже не в силах. Они поют в своих книгах о старости и усталости и предлагают старость и бессилие в качестве нормы поведения для всего общества.

Для санаторной эпохи характерна все более нейтральная терминология. Термины “герои”, “идолы” сменились совсем нейтральными: “star”, “celebrity”, “super-star” и даже “mega-star”.

Уже سینема внедрило в жизнь феномен фальшивого героя — movie star.²⁴ Идол 20-х годов актер Валентино (герой-любовник, соблазнитель, в реальной жизни гомосексуалист), Марлен Дитрих (облик женщины-вамп скрывал холодно-бесстрастное северное существо), впоследствии Джеймс Дин и Мэрилин Монро, сами не являясь возбуждающимися, представляли возбуждающихся на целлулоиде. Представляли более или менее удачно. Поражает, насколько легенда отстоит от действительности. “Bus Stop” — считающийся самым творческим фильмом Мэрилин Монро — убогая деревенская комедия: история ковбоя-колхозника, приехавшего на сельскохозяйственную выставку. Фильмы с участием Джеймса Дина сделаны все без исключения для потребления подростков старшего школьного возраста. Только своевременная смерть спасла Дина от обыкновенной вульгарной карьеры американского актера. Бездарные в жизни, не умея даже додуматься до оригинального способа траты зарабатываемых ими денег, кинозвезды-идолы узурпировали, тем не менее, внимание санаторного человечества. Америка вошла в санаторный период цивилизации раньше других стран и потому раньше других санаториев поняла необходимость серийного производства фальшивых героев — идеальных больных. Звезды санатория есть герои одной функции. Функция кинозвезды — “выглядеть” значительным перед кинокамерой. Другой распространенный идеальный больной Соединенных Штатов — миллионер — также герой одной функции: он умеет делать деньги. И только. (Курьезно, что в Соединенных Штатах наблюдается девальвация миллионеров — сегодня их около 500 тысяч. Кинозвезд все же куда меньше.) Функция настоящего героя — подвиг, функция идеального больного (героя фальшивого) — производство. Денег — в случае миллионера, фальшивого героя — в случае кинозвезды.

Главная celebrity и Идеал — мсье директор санатория, президент с улыбкой Джоконды. Он, однако, одновременно и Идеальный Больной, и Глава Администрации.

Возбуждающиеся

Возбуждающиеся присутствуют на экранах теле, голоса их несут радиоволны, их фото попадают на страницы прессы. Но в отличие от идеальных больных они служат негативными примерами. Потому что всякому Богу необходим Дьявол, а положительному примеру — антитеза, отрицательный, ужасный (лучше с рогами и копытами) враг. Врагом служил в свое время для Соединенных Штатов возбуждающийся Че Гевара. Выбранный по личной инициативе директора санатория Соединенных Штатов Рейгана, служит врагом Номер Один постоянно возбуждающийся Каддафи. Юкио Мишима²⁵ — певец Самурая в обществе безликих добродетельных миллионов тружеников Мицубиси и Хонда, был возбуждающимся больным, раг excellence. Kingsize (королевского размера) возбуждающимся был редактор журнала “Конкрет” Андреас Баадер. Жерар Лейбовиси, издатель

Месрина²⁶ и друг situationnist(ов)²⁷, был убит в парижском паркинге в 1984 году, одним возбуждающимся меньше. На пляже Остии убит возбуждающийся Пазолини. Возбуждается независимый и парадоксальный Жак Вэржэс²⁸ — вызывал возмущение примерных больных и обслуживающего персонала. Рэмбо и Рокки Сильвестра Сталлоне суть провинциальные варианты Супермена Мишимы. Так что Сталлоне тоже возбуждающийся.

Глядя на фотографии возбуждающихся — нарушивших распорядок санатория и поплатившихся за это, как на тиранозавров или саблезубых тигров, вымерших монстров далеких эпох, санаторная толпа забыла, что в прежние времена возбуждающихся называли по-иному — героями. Герои дискредитированы так давно, что само слово это приобрело отрицательный смысл. (Лучшие специалисты по экстерминированию героев, героической мифологии и созданию фальшивых обитают в Соединенных Штатах. Как ловко, к примеру, подменен Супермен. Вышутив термин в популярном комиксе и фильмах, специалисты *снизили* его.) Санаторные больные забыли, кто такой герой, приметы его, не помнят, каким должно быть поведение этого существа. Посему, если одиночные герои вдруг выбредают из скопления каменных громад большого города, из пустыни или из кишачих человечеством латиноамериканских равнин, больные их не признают. Как, разве этот — герой? Когда Юкио Мишима 25 ноября 1970 года обратился к солдатам сил auto-defence²⁹ с призывом: “Поднимайтесь, поднимайтесь сейчас! Так мы рискуем потерять самурайскую традицию Японии!” — солдаты встретили его криками: “Заткнись, имбецид! Перестань *играть в героя!*”

Из всех возможных определений героя современность сочла нужным сохранить лишь один смысл: “Главный персонаж вымышленного произведения” — и игнорирует другие, более высокие смыслы: “Имя, данное греками полубогам и большим людям”; “Тот, кто отличился экстраординарными качествами или действиями, в частности, в войне”.

Когда великолепный Муаммар Каддафи в голубом бурнусе или в мундире появляется на экране теле, одомашненный житель санаториев дергается в испуге. “Монстр”, “террорист”, “злодей”, public enemy³⁰ номер один — называет его media, послушно следуя своей собственной неприязни к возбуждающимся (да еще и иностранным) и фальшивой информации, подброшенной спецслужбой Соединенных Штатов — ЦРУ. (Смотри: ““Вуаль” — секретные войны ЦРУ” Боба Вудьярда. Прекрасная книга для изучения работы администрации и media самого крупного в мире дисциплинарного санатория.) Возбуждающийся Каддафи вызывает у примерных маленьких больных, сидящих перед теле, злобу. Почему? Ни о какой серьезной угрозе санаторной цивилизации (или одному из санаториев) со стороны лидера пустынной страны с населением 2.860.000 жителей говорить не приходится. Напрашивается объяснение психологическое: Каддафи — и возбуждающийся и чужой герой. Арабский. Он раздражает, этот Сарацин, ведущий себя вызывающе, освоивший западные методы паблисити, раздражает больных замиренных обществ, загнанных в санатории. Его существование — укор, videoclip осуществившейся сказки. Смифы и Дюпоны также хотели бы развезжать в джипах в сопровождении гвардии девушек в беретах и с “Калашниковыми”, но бессильны от рождения. Зависть, понимание собственного бессилия (по стандартам иудео-христианского сознания) легко перевоплощаются в злобу. Лидеры санатория ближе больному и

26

27

28

29

30

понятнее. Он видит их разрешенные мелкие пороки, сравнивает со своими разрешенными мелкими пороками и счастлив посредственности своих лидеров и своей собственности. А этот тип из пустыни! (Интересно, что сотни тиранов в мундирах и без, зависимых от Соединенных Штатов или европейских санаториев, не вызывают у больных и сотой доли той злобы, какую вызывает Каддафи. Очевидно, причина также в его независимости.) Каддафи — экстраординарное живое свидетельство того, что сказочный вариант жизни возможен и сегодня. Но за пределами санаториев. Между тем, существует и рациональное объяснение феномену Каддафи. Мечтающий о слиянии мелких арабских стран в сильную арабскую державу, панарабист, он может быть помещен рядом с объединителем Италии Джузеппе Гарибальди или “либертадором” Симоном Боливаром. Их также изображали в свое время монстрами — их противники: Австро-Венгерская империя и Испанская монархия.

Больше других повезло Че Геваре. Потому что его личность укладывалась в популярную традицию последнего идеологического движения — марксизма. Авторитет марксизма легализовал личность Че, расшифровал ее для массового больного. По поводу того, что Че — герой, возражений нет. Плакаты с его изображением продаются на парижских набережных вместе с фотографиями Джеймса Дина, Мэрилин Монро и голых задов. Были возражения против того, чтобы Че существовал. Потому его убили. (Топтание охотников вокруг трупа убитого в Альпах волка, недавно показанное в тележурнале, удивительным образом напомнило мне знаменитое фото группы боливийцев и цэрэушников вокруг трупа Че.) Для Героя смерть — профессия, потому слезопуекания неуместны. (“Права человека” — Хартия Трусости больных, но не героев.) И пылает Че с парижских стен трафаретным красным обличем, под которым надпись: “Мутоны³¹, проснитесь!” (Можно называть смиренных больных также и мутонами, и домашними животными, и по-иному — важен факт отсутствия свободной воли, не убитой пытками, но атрофированной постепенно закармливанием...)

Когда начался процесс одомашнивания человека? Один из эпизодов состоялся на пляс де Вож еще в XVII веке. Администрация давно поняла, что больше всего ей подходит тип безопасного, послушного человека. Дабы создать оный, следовало подавить частную инициативу. Предок современных директоров санаториев и их идол — кардинал Ришелье проживал в доме 21 на пляс де Вож. 12 мая 1627 года, протестуя против королевского декрета (составленного Ришелье), запрещавшего дуэли, граф Монтморанси-Бутевилль и его секунданты Ла Берт и де Шапелль встретились и скрестили шпага под окнами Ришелье с маркизом де Бэврон, Бюсси д'Амбуаз и Букэ. Бюсси был убит, Ла Берт ранен, Бэврон и Букэ сбежали в Англию, но граф де Монтморанси и де Шапелль были арестованы, приговорены к смерти и обезглавлены на Грэвской площади. Не смейте распоряжаться вашими жизнями как вам заблагорассудится. Они принадлежат государству!

Так давно они стали наступать на нашу свободу. Не желая, чтоб мы убивали друг друга поштучно, следуя нашим симпатиям и антипатиям, администраторы всегда имели для населений другие планы: чтобы они дисциплинированно и сплоченно погибали в коллективных битвах против других толп. Если в момент казни Монтморанси и де Шапелля тогдашнее общественное мнение, во всяком случае, часть его, сочувствовало им, в нашу эпоху возбуждающийся все более *маргинализован*³², все более непонятен толпе. Баадера и Ульрику Майнхофф осудили и больные, и группу Баадера иначе как “бандой” media (она не только и не столько рупор общественного мнения, как создатель его и навязыватель-диктатор)

не называла. Санаторий перешел на режим мягкого насилия, да, но возбуждающихся наказывают не менее жестоко, чем в 1627 году. Разумеется, Баадер и его сторонники знали, на что шли, начиная войну с государством, однако их “самоубийства” в тюрьме строгого режима выглядят совсем уж неблагородно, даже по самым низким стандартам человечности. Даже убийство Че в боливийской западне выглядит благороднее.

Последние десятилетия герои — редкость исключительная, как волки в европейских лесах и горах. С распространением идей устройства “хорошей” жизни для возможно большего количества человеческих существ больные и администрация совместно проводят планомерное уничтожение героев — возбуждающихся. В навсегда устроенном, защищенном PAIX ATOMIQUE, обещающем быть многотысячелетним Райхе созвездия блистательных санаториев герои не нужны. Так американские колонисты уничтожали индейцев как лишний элемент в той жизни, которую они устраивали. Метод геноцида героев характерен для всей евроцивилизации (Союз Советских с блоком включительно). Враг вначале выбирается и осуждается морально; подбираются свидетельства и доказательства его отрицательности и злобности (“холодная”, “моральная” война). Распространение идеи об ущербности, злобности, монструозности группы, нации, расы, социального или биологического меньшинства влечет за собой закономерно физическое уничтожение монстров. Индейцев, шуанов, троцкистов, коммунистов в Индонезии, Че Гевары, бомбардировка Каддафи американской авиацией, уничтожение “банды” Баадера... За уничтожением каждой группы возбуждающихся следует обыкновенно волна превентивных мер: попытка создания условий, при которых возбуждающиеся не смогут возникнуть. Средство к достижению этой цели — усиленный надзор администрации за внутренней жизнью санатория и кооперация санаториев в борьбе против возбуждающихся. Рекомендую проследить, например, недолгую историю “Интерпола”, совсем недавно еще невинной архивной организации. Значение ее в межсанаторном полисировании все разбухает, и сегодня она находится в центре глобальной Антанты против “терроризма”, в составе Антанты и социалистические санатории стран Восточного блока. Уже в 1978 году Болгария позволила ФРГ арестовать на своей территории члена “Баадер-Майнхофф банды”. Поучительна и история ООН, все более принимающей на себя функции репрессивного органа, карателя возбуждающихся стран. Опасность существительного “террорист”, возникшего из прилагательного, заключается в опасной расплывчатости его значения. (Известно, что администрация Виши называла в свое время “террористами” тех, кого сегодняшняя администрация называет-героями Сопrotивления.) Обозначая некогда метод, сегодня “террорист” обозначает суть. Сегодня всякая организованная борьба радикальной вооруженной группы против легальной администрации санатория будет подавлена объединенными силами всех санаториев блока. Когда администрации двух блоков (Восточного и Западного) договорятся во всем, настанет тот невыносимый рай на земле, тот “мир во всем мире”, каковой так усиленно желали реализовать администраторы-утописты всех мастей. К этому идет дело. Возбуждающихся уже лишили морального права возмутиться против администрации санатория.

Первые попытки узаконить геноцид героев толпой нормальных граждан — больных, очевидно, следует относить ко времени Французской революции. Лозунг *Egalité*?³³, выдвинутый ею, был воспринят толпой заведомо ложно. Смысл его: всякий гражданин имеет равные с другими права перед законом — был радостно истолкован толпой в более широком и лестном для нее смысле: всякий человек равен другому; мы все одинаковы; Моцарт равен консьержу. Радостно хамствующий

“гражданин Ромео” предложил отмечать день 21 января 1793 года съеданием блюда “свиной головы или свиного уха в каждой французской семье, в память счастливого дня, когда прокливаемый Людовик XVI пал и освободил нас от своего мрачного присутствия”. “Патриот Паллой” (прототип современных бизнесменов удачи, Бернар Тапи своего времени, знаменитый тем, что наладил продажу камней Бастилии в качестве сувениров) тогда же украл и проэксплуатировал идею “гражданина Ромео” в личных целях. Он написал Баррасу и другим членам Директории, приглашая их разделить с ним обед — фаршированную свиную голову,— отметить годовщину смерти “тирана”. Бывший директор Франции (тогда она, разумеется, еще не была санаторием, но чем-то вроде колонии с очень расшатавшейся дисциплиной) Людовик вызвал своим падением ликование толпы граждан. Не меньшее ликование та же толпа проявила, присутствуя в июле 1794-го при казни Робеспьера и его сторонников. Реорле любит казни больших людей. Казни утешают народ в его посредственности. С энтузиазмом встречая въезд в столицу Людовика, де Голля и Петена, Реорле с таким же энтузиазмом провожает их в зал суда, на гильотину или в отставку.

То, что возбуждающиеся вынужденно подавлены в нем,— чрезвычайно опасно для санатория. Ведь на долю этого minorit?³⁴приходится куда большее количество взрывчатой жизненной энергии, чем на долю многомиллионного Реорле. Прихоть биологии (или Творения) не уравнила всех намеренно, но дала меньшинству человечества много более life force.³⁵Присмотритесь к жизни. Никакая группа людей не избегает мгновенного отбора, селекции. В классе школы, в метро, в автобусе, в магазинах и на танцевальных площадках немедленно устанавливается своя, для каждой группы, табель о рангах. Неравенство в человеческом коллективе утверждают все театральные пьесы человечества. Неизменно наличие главных героев, второстепенных и участников последнего класса, без имен (второй слуга, третий стражник). Обе (всегда противоборствующие) основные биологические группы необходимы для нормального функционирования человеческого рода. Реорле предназначен для сохранения вида, возбуждающиеся — для поддержания человечества в состоянии постоянных метаморфоз. Человечеству всегда удавалось до сих пор (независимо от республиканских или деспотических форм правления в его коллективах) интуитивно сохранять баланс рабочих отношений между этими неравномерными ни в каком отношении группами. В санатории этот баланс нарушен. В санатории большинство возбуждающихся бессмысленно подавлено, они оттеснены от участия в работе организма общества. “Нетрудоустроенные по специальности”, вынужденные быть узниками санатория, подвергаясь постоянно небывалому давлению, они есть наиболее угнетенный класс санатория. Потому неудивительно, что реализовавших себя возбуждающихся все чаще поставляет несанаторный мир (Че, Каддафи, Мишима...). Там они находят больше свободы поведения.

Жертвы

Так же, как и возбуждающиеся, жертвы служат отрицательным примером, но отношение к этим двум группам и администрации, и общественного мнения, и media санаториев различное. Жертвам сочувствуют, одновременно радуясь, что участь жертвы “меня лично” миновала. В Нью-Йорке насчитывается около 30 тысяч

34

35

бездомных, “жертвы” — клошары Парижа живописны и наглы одновременно, но главный отряд санаторных жертв, несомненно, — безработные.

Феномен безработицы клянется уничтожить уже не одно поколение администраторов — директоров и министров социальных отношений. Новейшие исследования все чаще объясняют безработицу — *ch?mage — unemployment* колебаниями всей системы экономики по меньшей мере всего Западного блока санаториев (давно уже взаимосвязанных), если не состоянием здоровья вообще всех экономик мира, вместе взятых. Потому администрация одного лишь санатория не способна, не имеет нужных для этого сил (финансово-экономической власти) ни уничтожить безработицу, ни даже снизить сколько-нибудь значительно количество безработных. Тем не менее, ни одна политическая партия, ни один лидер не спешат вычеркнуть из своих программ первый пункт — “борьба с безработицей”, поскольку не спешат сложить с себя почетную роль предполагаемого избавителя общества от ЗЛА. Безработный рассматривается не как жертва санаторной системы, но как жертва экономической болезни — “кризиса”, поразившего санаторий. В Великобритании и Франции около 10 процентов трудоспособного населения безработны. Так как трудоспособность — основной социальный параметр современного человека, основная функция “больного”, то лишиться работы равносильно в санатории социальной смерти или, по меньшей мере, тяжелой инвалидности. Случаи самоубийств безработных часты, и если что доказывают, то абсурднейшую деформацию психологии массового человека под влиянием санаторно-дисциплинарной системы. Покидая область рационального, феномен перемещается в область иррационального и имеет больше общего с гаитянским “вуду”, чем с социальными проблемами. Объявленный виновным шаманом “вуду” умирает сам, от сознания виновности. Потеря работы не означает в санаториях голод. Существуют многочисленные системы помощи безработным, и условия жизни в странах Европы и ее срасе-колоний позволяют поддерживать существование даже самым маргинальным элементам. Потеря работы в санатории есть несомненное резкое падение материального уровня жизни и падение престижа — падение социального статуса в коллективе больных.

Нет причин сомневаться в искренности желания лидеров политических партий, конкурирующих за лидерство в администрации, победить безработицу, уничтожить ее совсем или свести до минимума — победитель этого ЗЛА надолго обеспечит себе лидерство. Но нет сомнения и в том, что 10 процентов нетрудоустроенных жертв выгодны санаторной системе, ибо заставляют остальных 90 процентов счастливых постоянно помнить об опасности потери работы и трудиться более эффективно. Показывая своих жертв в прессе и на теле, общество дисциплинирует граждан. А, скажем, такие затеи, как “Ресторан Сердца”³⁶, организованный покойным артистом Колюшем, дают возможность коллективу санатория продемонстрировать свою “хорошесть”.

Невозможно определить, действительно ли жертвы нуждаются в еще одном варианте “Армии Спасения” (упрощенном, только питание), или “Ресторан Сердца” — неожиданный подарок, сделанный алкоголикам и попрошайкам Франции, бесплатный клуб для них. Начиная с зимы 1987/88 года, в “Ресторанах Сердца” требуют предъявить документы, удостоверяющие, что клиент действительно бедный человек — жертва. По всей вероятности, у них там возникла проблема супернаплыва посетителей. Каковы финансово-имущественные ситуации клиентов “Ресторанов Сердца”, может выяснить, разумеется, лишь глубокое полицейское расследование. Естественно, что, отвечая репортерам телевидения, все они скажут,

что не могут найти *boulot*³⁷ и что “Браво, Колюш, не забывший о несчастливых!”. Однако физиономии жертв обыкновенно красны и опухши и заставляют думать, что они жертвы не столько общества или кризиса, сколько алкоголизма, и демагогия, все это знают, является оружием не только дирижирующего класса. В эпоху теле простой человек научился использовать это оружие не хуже администрации. Многие жертвы сегодня понимают, что жертвами быть выгодно. Жертвы продают на общественном большом базаре себя в качестве жертв. То есть жертва (безработный, инвалид, “новый бедный”) — сегодня важная социальная роль. И если Колюш и весь парад примазавшихся к “благородной” затее актеров и актрисок, бизнесменов и министров а-ля мод эксплуатировал жертв, создав их в “Рестораны Сердца”, то и жертвы преспокойно эксплуатировали ситуацию.

Вульгарная праздничность компании жертв в “Ресторанах Сердца” мало кого во Франции смутила. Сотни бутылей красного, тонны ящиков с едой, хитрые рожи “новых бедных” и пузатый папа Колюш в центре были продемонстрированы по теле. Бизнесмены и фермеры, пожелавшие примкнуть к мероприятию, похвалялись количеством тонн картофеля и мяса, отданных в дар ресторану. В одной из газет в 1986 году промелькнуло предложение о том, чтобы охотники сдавали убитую дичь в “Рестораны Сердца”! (Для сравнения: реальная и запущенная жилищная проблема в Париже игнорируется всеми администрациями.) Жертва в санатории более важная социальная роль, чем роль рядового больного. Так почему бы ей и не кушать дичь за ее социальные заслуги!

“Новые бедные” явно богаче старых бедных (по стандартам внесанаторного мира они — обеспеченный слой населения). Непонятно, почему следует жалеть кого-нибудь, не умеющего заработать шесть тысяч в месяц и зарабатывающего лишь четыре тысячи. Мы не живем в каменной Галилее, и слезливые эмоции, популярные в бидон-виллях вокруг Иерусалима в первые тридцать лет нашей эры, неуместны сегодня — две тысячи лет спустя.

Инвалиды — менее популярные жертвы, чем безработные. И все же слепые, глухие, безногие, парализованные и монголоиды чаще пользуются вниманием администрации, чем рядовой (без истории) больной.

“Оппозиционные” группы санатория проявляют благородное негодование по поводу того, что администрация не преуспела в трудоустройстве всех больных, обвиняют ее в ответственности за существование безработных и “новых бедных”. Этим самым (и компартия, и Фронт насыеналь в санатории Франции) они требуют еще большей тоталитарности от администрации, и, признавая за ней роль Протектора, Отца и Хозяина, они упрекают ее лишь в одной несправедливости: в неравномерности распределения труда и капитала в санатории. Однако если вдуматься в феномен безработицы внимательнее, обнаруживается неприличная правда: безработные есть жертвы алчности не только патронов, но и бывших собратьев по *working force*³⁸, жертвы привилегированных профессиональных союзов, а не экономического “кризиса” (он плохо виден, этот кризис). Почему трудоустроенные граждане не откажутся резонно от небольшой части своего *salary*³⁹, разделив *work*⁴⁰ с 10 процентами нетрудоустроенного населения? Признание того, что 10 процентов трудоспособного населения есть жертвы жадного большинства (90%), коллектива, принесшего их в жертву своему благополучию, в санатории услышать невозможно.

37

38

39

40

Чудище people

Нормальные (без истории) больные. Большинство. С исчезновением абсолютных монархов и идей Бога с большей части территории Земли миллионноголовое и миллионнобрюхое чудище People выполняет их функции. Ибо People (они же демос демократии, граждане, *трудящиеся, население, work force, employes, public и больные* — в санаторном контексте) — священны. Быть объявленным сегодня “public enemy” или “враг народа” (согласно терминологии Восточного блока) равносильно обвинению в безбожии или богохульстве в Средние века и грозит так или иначе смертью. Заметим, что если в Средние века понятия “враг народа” не существовало, то сегодня не сжигают еретиков перед мэрией. Человечество лишь заменяет Чудища, но существовать без них не может.

People всегда правы. Не только потому, что они большинство, их много, они — коллектив, сумма голов, но потому, что как Чудище People обладают правом на неподвластное земной логике абсолютное, привилегированное суждение. “Такова воля People” — и точка. Правление People есть не только диктатура коллектива, но и диктатура иррациональности. Диктатура Чудища, которое невозможно увидеть, и желания и воля которого не поддаются однозначному толкованию. Если в городе-государстве Афинах People еще оставались обозримыми, то People государства-санатория можно лишь вообразить. По сути дела, People так же иррациональны, как Бог.

Как всякое божество, People нуждается в толкователях его воли. Как узнать его волю? Суммируя индивидуальные воли? Или же воля Чудища может быть выражена отдельной его головой, выбранной наугад? Чудище — верховный арбитр, это признано, но как узнать его приговор? Нам говорят, что французские People традиционно увлечены политикой (то есть поведением администрации), что они гурманы, что народ Соединенных Штатов Америки травмирован поражением во Вьетнамской войне... Особые организации претендуют на толкование воли и желаний People, подобно тому, как оракулы и пифии Древней Греции и римские жрецы — авгуры умели понимать волю богов, расшифровывая ее смертным. SOFRES сегодня более популярен, чем некогда Дельфийский Оракул. SOFRES или конкурирующий оракул — V.V.A. избирает группу граждан, в каковую обыкновенно входят индивидуумы различных социальных классов, профессий и политических убеждений, и, опросив их особым образом, выдает нам результат как мнение People Франции. (Заметим слабость оракула: текст вопросов уже содержит зерно ответа, во всяком случае, уже задает территорию и терминологию ответа.) Из интернациональных оракулов известны Gallup Poll, Harris Poll...

Как все божества, ЧУДИЩЕ абсолютно добродетельно и безгрешно, и если французское Чудище почему-то вдруг извергает огонь и рычит в сторону четырех миллионов “иностранцев”-emigris, то сотни теологов-комментаторов бросаются объяснять его поведение, спасти его репутацию.

Мнения Чудища, увы, подчиняются определенным и земным влияниям. Если SOFRES сообщил, что в 1987 году 27 процентов французов желали, чтобы атомные станции исчезли, то понятно, что это естественная реакция французских People на случившийся недавно в Европе Чернобыль. (Media сыграла в данном случае лишь благородную роль информатора.)

Если бы Чернобыль случился поближе, в Германия или на территории самой Франции, вне сомнения, образовалось бы даже мощное движение против атомных станций и, скажем, все 85 процентов (предположим) People желали бы их ликвидации.

Но в случае таблицы сравнительной популярности зарубежных лидеров (SOFRES объявил, что симпатии People были отданы Папе Жан-Полю Второму — 61%, а самым не любимым французами лидером был назван возбуждающийся Каддафи: 76% внимания со знаком минус) мнение People зеркально отражает информацию, поставленную media. Соответствует до такой степени предубеждениям и предпочтениям самой media, что возникает вопрос, а есть ли у People свое мнение? Или ЧУДИЩЕ лишь повторяет внушенные ему media — идеологической службой санатория — готовые мнения?

Для создания своего мнения необходимо прежде всего желание иметь его, желания же большинства населения санатория лежат не в области мышления. А добывание своего мнения предполагает именно мышление, предполагает добычу “профессиональной” информации, (в противоположность простой, популярной информации, в сущности, дезинформации), и для этого недостаточно 108 минут просмотра теле (чаще всего фильм) и 27 минут чтения ежедневно. Иметь свое мнение значит: собрав информацию, анализировать явления во всей их глубине и сложности, думать достаточно глубоко и достаточно долго. Подавляющее большинство населения санаториев ограничивается обладанием примитивными мнениями-эмоциями, типа HATE⁴¹ к войне, например, расизму, например, или LOVE⁴²: к миру, Liberty, демократии, Нелсону Манделе... (Задавая французам вопрос о Hate и Love лидерах, SOFRES поставил нам информацию именно этой примитивной категории.)

Отдельные головы ЧУДИЩА добывают свои мнения не путем самостоятельного мышления, но случайно. Одни, самые послушные, наследуют мнения среды, в которой родились, семьи и родителей (во Франции выбор правого или левого лагеря — основной выбор); другие берут себе, присваивают мнение человека, которым они восхищены (приятеля, исторического персонажа). Иные чувствуют обязанность иметь мнение, ищут его, руководствуясь едва ли не критериями вкуса, выбирают подходящее и держатся его всю жизнь. Развитие радио и теле позволяет массам иметь самые модные prefabricated мнения, не выходя из дома. Сегодня большинство голов People во Франции не имеют уже ярко разделенной лево-правой старофранцузской ориентации, но придерживаются некоего расплывчатого ПРОГРЕССИЗМА, основные элементы которого: Love к прогрессу, ненависть к “отрицательным” абстракциям (угнетению, тоталитаризму, расизму), льстящий современности ревизионизм прошлого и прочие поп-категории. Успех Миттерана, продолжавшийся 12 лет, объясняется именно тем, что он сделал из Социалистической партии модную “жидкую” партию (принимающую нужные формы) неопределенно-прогрессистского толка, именно соответствующую неопределенности мнений People.

Однако умиляться по поводу сегодняшнего прогрессизма People не стоит. В ближайшие десять лет может оказаться, что не выдуманный, а настоящий, шоковый кризис ударит по санаторию, и тогда появится проблема упорядочения доступа к оставшимся благам. В новых условиях самой удобной идеологией поведения окажется какой-нибудь “французизм” — ограничительная идеология, выделяющая из People истинных People.

То обстоятельство, что на самом деле лишь небольшое количество индивидуумов имеет время, желание и умеет мыслить, казалось, должно бы свести важность церемонии выборов администрации к нулю. (Выборы в санатории, если отвлечься от западного нарциссизма, равнозначны прикладыванию отпечатков

41

42

пальцев к бюллетеню в слаборазвитых странах.) Но нет, ELECTION 43 — кульминационный момент в процессе взаимного шантажа, поделничестве People — Администрация. И в особенности — главные, президентские. В период election комплименты сыплются на People от всех претендентов. “Наши People — самые умные, самые взрослые в мире...” (чтобы понять, что я и моя партия нужны им)... Обмаслившись в комплиментах, поощряя заискивание администрации, People — главные профитеры⁴⁴ санаторной цивилизации. Пусть они и не имеют реальной executive ⁴⁵ власти, они делят доминирование с администрацией. Помимо иррациональной власти Чудища-божества, разгадка могущества их заключается в том, что People обладают двумя важнейшими в санаторном обществе силами: выборной силой большинства и покупательской способностью.

Внося в сокровищницу общества восемь часов ежедневного труда (равно в Западном и Восточном блоках), средний гражданин получает из нее куда больше, чем кладет. Никогда еще в истории человечества People не жили с таким комфортом и в такой сытости. В Великобритании, к примеру, треть взрослых мужчин, согласно статистике Би-би-си, overweight.⁴⁶ Несмотря на провоцируемый многими силами диспропорциональный страх безработицы и неравномерное распределение богатств в санатории, средний больной живет с большим комфортом, чем некогда короли и большие сановники. Старых “благ” в санатории много, и к ним добавились новые, нашего века блага. Теплые, сухие жилища, автомобили, домашние машины (холодильник, стерео, стиральные, пылесос), волшебный ящик теле, видео. Отпуска на берегах своих, а то и южных (для наиболее состоятельных) морей.

Некогда самые высокомерные представители привилегированных классов считали, что бедный — синоним умственной отсталости, иначе бедный нашел бы способ не быть бедным. (Человечество всегда уделяло слишком много внимания распределению богатств, далеко не главной своей проблеме, лишь поверхностному символу более глубокого неравенства.) Отдельные представители привилегированных классов занимали противоположную крайнюю позицию — стыдились бедности и нищеты компатриотов и предлагали проекты избавления общества от бедности, уравнивая его. Утопии, модели общества, где всем будет хорошо, датируются куда ранее 1516 года, даты написания собственно “Утопии”, но все они множество веков оставались лишь поэтическими проектами. Еще сотню лет назад People находились в оставляющем желать лучшего положении. Отталкиваясь от реальности своего времени, Оскар Уайльд (возбуждающийся) пророчествовал в 1891 году в статье “Душа человека при социализме”:

“При социализме не будет людей, живущих в вонючих жилищах, одетых в вонючие тряпки, выращивающих нездоровых, измученных голодом детей посреди невозможного и абсолютно отвратительного окружения. Безопасность общества не будет зависеть, как сейчас, от состояния погоды. Если случатся заморозки, мы не будем иметь сто тысяч человек без работы, бродящих по улицам в состоянии отвратительной нищеты, вымаливающих у соседей милостыню или толпящихся у дверей мерзких убежищ, пытающихся обеспечить себе кусок хлеба и нечистую постель на ночь. Каждый член общества будет разделять общее процветание и счастье общества, и если заморозки придут, никому в частности не станет хуже...”

43

44

45

46

Неясно, сократилось ли количество вонючих жилищ (о, Уайльд-эстет, чувствительноносый!), определенная часть человечества будет грязна и во дворцах из прозрачного хрусталя, но Уайльд оказался прав. (Отметим, что в данном случае не нужно было быть большим пророком. К тому двигалось, пусть и полусознательно, общество, и хотели этого многие.) Благосостояние европейских санаториев и срасе-колоний Европы не зависит или мало зависит от заморозков, засух и нашествий грызунов или насекомых. Во всяком случае, сегодня это не катастрофы. Да, зимой в убежища Лондона и Парижа стучатся бездомные жертвы, но их немного, и социологи классифицируют их не как жертв несправедливого устройства общества, но как жертв обстоятельств. Одиннадцать-тринадцать миллионов безработных на территории Европы нисколько не походят на упомянутые Уайльдом “сто тысяч... бродящих по улицам в состоянии отвратительной нищеты”. Достаточно взглянуть на английских безработных — футбольных болельщиков, высаживающихся на улицы европейских городов: видны, скорее, одурение от алкоголя и безделья, стадная агрессивность. В известном смысле эти People, размахивающие знаменами и пивными бутылками,— потомки всех униженных и оскорбленных People из слезливых романов Достоевского и Диккенса.

Судя по статье Уайльда, устройство будущего в социалистическом духе его интриговало, он желал его, но и очень боялся. Вот лишь одно из его опасений:

“В то время как при настоящей системе значительное число людей могут вести жизни определенной свободы и выразительности и счастья, при индустриально-барачной системе или системе экономической тирании никто не будет иметь никакой такой свободы вовсе. Это сожальательно, что часть нашего community должна практически находиться в рабстве, но предлагать решить проблему порабощением целого community⁴⁷ есть ребячество”.

Но именно так она и решена сегодня в государствах-санаториях. (Осуществленное *ребячество*, увы, выглядит суровее.) Не умея устроить общество гибко и тонко, сконструировать его приспособленным для существования различных темпераментов и талантов, дисциплинарный санаторий решил проблему, сделав жизнь удобной для среднестатистического человека, среднестатистической головы People. И подавлением лучших: возбуждающихся. А ведь парадоксальным образом руку к победе санаторного общества приложил в основном не People (как обычно, они выполняли лишь механические функции), но случилось это благодаря стараниям и борьбе многих возбуждающихся. Этим все равно, за какое дело бороться, их энергия ищет применения, и они служат mercenaries⁴⁸ любому делу.

People постоянно недовольны. Они обвиняют своего партнера-противника, администрацию во всех своих проблемах, в том, что часть их лишилась работы, в том, что упала их покупательская способность, в грубости органов охраны порядка в санатории. Все эти (большой частью нелогичные) требования есть требования ребенка к отцу, чтоб он устроил жизнь. И это нормально. Ибо аппетиты, возбуждаемые свободной демагогией администрации о бесконечном прогрессе (сегодня об информатизированно-роботизированном обществе, якобы могущем дать еще больше плодов), бродят в People и возбуждают их. “Жить еще лучше, всегда лучше” — People твердо усвоили, что они должны жить хорошо, все лучше, очень-очень хорошо. (Не есть ли это результат того, что новейшая

прогрессиристо-социалистическая история представляет их как жертв общества прошлого, не чувствуют ли они себя сегодня вправе взять реванш, подобно американским неграм — за века рабства, подобно евреям — за Аушвиц?) Они чувствуют и ведут себя так, исходя из несомненного для них факта, что история человечества совершалась для того, чтобы устроить им — Реорле — “хорошую”, теплую, сытую жизнь. Они чувствуют себя конечным продуктом — целью истории человечества. (Но пусть они взглянут на себя в зеркало!)

Обласканные социальными теориями возбуждающихся уже несколько веков (начиная с Руссо особенно бурно), обожаемые филантропами, морально подкрепляемые несколькими положениями христианской доктрины (как и слабостью самого Христа к униженным и оскорбленным), они нагтели из поколения в поколение. Сегодня они не сомневаются в своем праве на планету, на устройство общества согласно их аппетитам. Реорле сидят упитанной коллективной задницей на планете, и трещит всеми континентами и морями наша бедная старая Земля. И попробуй не дай им что-либо согнувшаяся перед ними администрация, специальностью которой последние сорок лет все более становится профессия угождения Реорле, умение ладить с ними, какой будет стоять вой... Если это собственность развратила их, как утверждал Руссо, то Реорле развратились и продолжают развращаться с аппетитом. Их моральные качества — их личное дело. Вышли ли они из рук творца *bon et libre*⁴⁹, согласно тому же Жан-Жаку, или ни плохими, ни хорошими, но *passable*⁵⁰ (что более правдоподобно), согласно Вольтеру, несомненно, что они безответственны. И полусознательны.

А что же дают Реорле санаторию в обмен на все лучшую жизнь? Какие такие специальные функции умеют они выполнять? Даже оставаясь в категориях санаторного общества производства-потребления, следует констатировать, что вклад Реорле (бывших “бедных”, бывших униженных и бывших оскорбленных) в общее ПРОЦВЕТАНИЕ есть контрибуция механического, количественного, не мозгового, но физического, мышечного, простейшего труда. Это не главный, не принципиальный, не изобретательский вклад. Изобретают не они, но возбуждающиеся. Это Нобель, Эдисон, Кюри и тысячи подобных им возбуждающихся изменили условия жизни на планете, а не труд миллионов (приятное заблуждение Реорле). Без возбуждающихся они смиренно терли бы еще корень о корень, добывая огонь в глубине скучных лесов. Реорле заняты в области массового производства освоенных уже к производству предметов, и большая часть их труда уходит на содержание их самих. Если они чувствуют себя героями, набивая свои же брюха, пусть чувствуют. Однако в порыве любви к самим себе, усвоив из христианства и марксизма лишь нарциссизм, миллионы Шарло и Шарлотт требуют себе не только блага санаторной цивилизации за то, что совершают механические движения, но требуют подобострастного уважения! К несчастью, Реорле слишком много (опять-таки благодаря возбуждающимся медицины, сотням Пастеров) даже в санаторных обществах, где их поведение демографически разумнее животной безответственности Азии, Африки и Латинской Америки. Это чтобы удовлетворить аппетиты Реорле, человечество эксплуатирует свою планету, как захватившие чужой город, из которого они через несколько дней уйдут, оккупационные войска. В угоду Реорле мы вошли в эпоху странных вирусов, мутаций и состояния перманентной экологической катастрофы на санаторных территориях.

Вопреки верованию самих Реорле они не жертвы санаторного общества. Администрация не их противник, но Подельник и Отец-Защитник. Да, им кое-что не разрешено в санатории, но многое запрещено и администрации. Однако это Реорле и

администрация доминируют в санатории. *People* *хотят* санаторного режима не менее администрации.

People обожают себя, и их обожает администрация, *media*, интеллектуалы. И только саркастический голос возбуждающегося Пазолини каркает с того света насмешливо: "...Les majorit?s n'avaient jamais vraiment raison. Seulement les minorit?s".⁵¹

Полезно вспомнить также, что в последние часы жизни, перед гильотиной, любимец и друг народа Дантон (согласно воспоминаниям палача Шарля-Анри Сансона) обвинял их в *imb?cillit?*⁵² и называл их "*vile canaille*"⁵³...

Администраторы

Обслуживающий персонал власти (и те, кто сегодня у власти, и ее соискатели в рамках санаторной легальности).

Они обитают в лучших зданиях, заседают и работают в исторических памятниках, однако высшая плата за их труды — статус звезд. Их перемещения сопровождаются мотополицией, их отделяют и охраняют. Самые крупные из них пользуются у *media* привилегиями звезд все 365 дней в году. Их физиономии медиатизированы. Когда они худеют, толстеют, отпускают усы, меняют форму очков или прическу — это события государственные.

Они много работают — то есть читают рапорты низших администраторов, составляют рапорты высшим, совещаются с высшими и низшими и своего уровня администраторами всего санатория и отдельных его провинций. Они произносят множество речей. Те из них, у кого больше амбиций,— деятельны от зари до поздней ночи. И чрезвычайно утомляются. Пример тому — мэр Парижа Ширак, в течение одного дня теле ловило его в самых различных местах Франции: произносящего речи, совершающего визиты в школы и на строительства, в местности, пораженные стихийными бедствиями. Президент санатория Соединенных Штатов Рейган трудился намного меньше, он был "*lazy boy*"⁵⁴, с 9 до 5 часов — три дня в неделю и с 9 до 1 часу — два дня. Между 1 и 3 часами дня в пятницу он уже отправлялся в Кэмп-Дэвид на уик-эндный отдых. И во время работы в "Овальном офисе" Белого дома у президента иногда бывало два-три свободных часа. Он использовал их, чтобы "отвечать на письма поклонников". Впрочем, понятно, что не добравшийся еще до вершины пирамиды власти Ширак трудится больше, чем комфортабельно расположившийся в ней директор санатория Рейган. Ширак заметно постарел за 86-88-й годы, очевидно, причинами служат и усталость после интенсивной президентской кампании, и поражение в ней. Сущность власти администрации в современном санатории мягкого насилия иная, нежели в предсанаторных (так же, как и несанаторных) обществах. Как и все институции санатория, власть подверглась мутации и деформации под воздействием второй мировой войны, давления со стороны *People* и полстолетия существования PAIX ATOMIQUE. С определенной точки зрения, террорист, захвативший самолет с тремя сотнями пассажиров, обладает большей реальной властью, чем президент санатория Франции мсье Миттеран. Да, в специальных условиях директор санатория может принудить (решить один или с группой адъютантов-администраторов)

51

52

53

54

население своей страны к ядерному жертвоприношению — самоубийству, но власти непосредственной, власти О'Брайяна над Винстоном Смифом, у него нет. (Он обладает властью помилования. Смертная казнь, однако, отменена.) Администрация сегодня практикует иные виды власти, реальной и воображаемой. Прежде всего в областях: экономической (PROSPERITY, якобы в ее ведении), защиты от внешних врагов (SECURITY — Ядерный Зонт и Ядерное Копье в ее руках), внутреннего полисирования санатория (безопасность граждан внутри санатория в руках подчиненной ей полиции)...

Администраторы, естественно, желают, чтобы их воспринимали как группу, чрезвычайно важную для жизни санатория. Магическое слово “экономика” облегчает им сохранение их привилегий.

Никто в точности не знает, каковы причины экономических подъемов и спадов, волн “процветания”, сменяющихся волнами “кризисов”. Выясняется как раз невыгодная для местных администраторов истина, а именно — общность колебаний экономического океана для всей сообщающейся системы санаториев. Однако администраторы упорно сохраняют в населенных санаториев иллюзию того, что администрация способна влиять на экономику, улучшить ее эффективность. Что достаточно лишь еще разумнее организовать, сменить не способную сделать это администрацию на лучшую. Таким образом администраторы удерживают за собой важнейшую роль — фундаментальную в санаторной цивилизации — давателей prosperity. Отцов. Кормильцев.

На практике возможности администрации ограничены. Если разумное вмешательство государства теоретически способно реорганизовать (к примеру, модернизировать) экономику, может (в условиях санатория Соединенных Штатов) временно спасти автомобильную компанию Крайслер, дав ей субсидии, то ни в компетенции государства, ни в его силах помочь всем компаниям и повлиять сколько-нибудь значительно на баланс труда и капитала в санатории. Безработица сделалась, если отказаться от ханжества, по сути дела, не болезнью, но нормальным элементом санаторной экономики. И 13 миллионов человек в Европе содержатся на умеренном режиме пособий, дабы 90 процентов working force имели prosperity.

Новомодные встречи глав семи самых экономически развитых государств — пример признания общности экономической системы санаториев (и даже стран вне созвездия санаториев), и они же — пример очевидного бессилия и объединенной власти дирекции санаториев над экономикой. И объединенное правление мало что может (в 1929 г. правительства мира не смогли остановить крах Биржи): самое большее — лучше скоординировать экономики между собой и выровнять валюты санаториев относительно друг друга.

Это все очевидно. Но администрация хочет быть нужной, дабы остаться администрацией. Бога, к которому долгое время примазывалась власть (от фараонов и ранних королей — вождей племен, ведущих свои родословные от солнца), на пороге XXI века на свою сторону не посадишь, смешно, но можно клясться своей принадлежностью к ЭКОНОМИКЕ (Кормлению) и возбуждать веру People в бесконечный Прогресс.

О конечности прогресса свидетельствует и то, что unemployment стала постоянным и неизбежным явлением. То есть прогресс уже около двух десятилетий как ослабел. На все население его не хватает. И все больше свидетельств тому, что планета не в состоянии долгие нести бремя Прогресса.

Кто знает, не побегут ли вскоре населения санаторных стран в “слаборазвитые” страны, спасаясь от полей с зараженным салатом и морей без рыбы. Пока оно пытается транспортировать туда самые опасные отходы прогресса. Президент

Кении Каунда блистательно обосновал отказ своей страны стать *poubelle* ⁵⁵Европы даже за так необходимую Кении валюту:

“Лучше быть бедными, но живыми!” (В Африке демократия, а вместе с нею и ханжество менее развиты, чем в государствах санаторного типа. Там лидеры еще могут позволить себе время от времени честные заявления.) Несомненно, что администрациям европейских санаториев придется повторить эту фразу и очень скоро. И много раз. Экологическая партия в случае нескольких катастроф масштабов Чернобыля окажется завтра первой партией, ужас работает быстро, его агитация — шоковая.

Прогресс конечен. Но администраторы не хотят объявить об этом. Ибо администрация, объявившая, что следует пересмотреть саму концепцию поведения человека на земле, осмелившаяся заявить, что человечеству следует перестать быть безжалостным оккупантом-эксплуататором, отказаться от нынешнего чрезвычайно завышенного уровня жизни, подпишет себе смертный приговор. Она не только лишится десятков процентов голосов избирателей, но, в случае если попытается ввести реальные меры, препятствующие бездумной эксплуатации планеты, столкнется с кровавыми бунтами. Известно, как непопулярны так называемые *austerity measures* ⁵⁶ у населения. Наверняка в администрации есть специалисты, изучившие проблему и знающие, что прогрессу, в его современном понимании, настал конец. Но ведь сущность администрации — доминировать больных. И администрация доминирует *People*, возбуждая и поощряя их аппетиты.

Распространенная европейская традиция: литература, философия, сами *People* всегда обвиняли исключительно администрации во всех “негативных” деяниях цивилизации (один из образов: лидер-тиран, насилующий невинных *People*). *People* же всегда выходили из анализов чистенькими. (Ибо при народовластии невозможно подвергнуть сомнению народ. Если признать, что *People* безответственны, жадны, в большинстве своем бесталанны, ленивы, неспособны к самостоятельному мышлению и определенная часть их просто жестоки и злобны,— то это будет смертельным ударом по народовластию.) Первая мировая война, если не игнорировать одни факты и не подчеркивать намеренно другие, была в такой же степени инспирирована популярным шовинизмом народов Европы, как и целями национальных администраций того времени. (Менее всего в ней повинны прославленные в советских учебниках истории поиски рынков сбыта.) Демократический лидер Адольф Гитлер был избран относительным большинством германцев в январе 1933 года свободным голосованием, по желанию, без принуждения и стал Фюрером Германии в 1934 году с согласия 87 процентов избирателей. Сегодня наконец следует снять часть вины (за войны, жертвы, лишения и разгромы) с администраций прошлого и возложить ее на плечи *People*. Они слишком долго проходили в невинных.

Так что они работают вдвоем. *People* — священны и безгрешны, но у них нет непосредственной власти. Они лишь могут шантажировать администрацию, угрожая сменить ее на следующих выборах на более благосклонную к *People* (больным санатория).

У администрации есть мягкая (результат мутаций) власть, она практикует над больными мягкое насилие, но она зависит от них и потому заискивает перед ними. Взаимный шантаж *People* — администрация считается в демократическом обществе явлением здоровым. Но в результате того, что администрации заискивают перед больными, они вынуждены принимать решения в ущерб долговременным интересам санатория. В ущерб Человечеству.

В определенном смысле администрация симпатичнее People. Уже хотя бы потому, что она — “взрослая” сторона, вынужденная потакать капризам избалованного вечного подростка People. К тому же People шпионят за лидерами, администрации нелегко утешить себя проявлением человеческих чувств — быть corrupted или проявлять жестокость. Следствие шпионства: притворство стало искусством администратора.

“Прогресс...”, “информативная революция...”, “новая технология...”, “роботизация...” — поет для People администрация. Экономический кризис, recession⁵⁷, даже только их призраки, также выгодны администрации. Ибо в моменты опасности еще более необходима People твердая отеческая рука. Уверенные в том, что большая часть People есть недочеловеки, администраторы, естественно, не высказывают этого вслух. Ибо если они выбраны недочеловеками,— их власть незаконна.

Интересно остановиться здесь на давней распре между двумя блоками санаториев, Западным и Восточным, по поводу назначения и смены администраций. Западный блок утверждал превосходство своей “демократической” системы выборов над системой, принятой в восточных санаториях, где обыкновенно Глава Партии назначался Партией и был фактическим главой государства. От избирателя требовалось лишь освятить его назначение, опустив в урну бюллетень с его именем.

Распря имела причиной одновременно и нарциссизм Запада, и непонимание Западом Восточной терминологии. В санаториях Восточного блока понятие “партия” отличалось до сих пор от западного термина, оно означало организацию — Орду, собравшую всех социальных активистов и администраторов плюс сочувствующих. Как если бы PS, PC, UDF и RPR⁵⁸ объединились бы под одной крышей лишь формально, не меняя программ и не перестав бороться между собой (но фракционно), сохранив все различия. (Неудивительно, что КПСС насчитывала 20 миллионов членов.) Восточная модель администрации устраивала свои выборы (процесс отбора) за кулисами: и первичные, и последующие, да. Но Горбачев, Лигачев и Ельцин соответствовали Миттерану, Шираку и Барру французского санатория, выдвигаемым, так же как и советские лидеры, самой администрацией (на основании административных качеств: энергия etc.) — внутри себя. Различие появлялось лишь на последнем этапе процесса. В восточном варианте: группировки — фракции — партии (с маленькой буквы), представляемые Горбачевым, Лигачевым и Ельциным, договаривались (после упорной фракционной борьбы придя к несомненной победе или компромиссу) о том, кто станет лидером — директором администрации, и избирателю лишь предлагалось символически прийти к урнам и освятить его. В Западном блоке Миттеран, Ширак и Барр выносят само решение к избирателям (развернув каждый агитационную кампанию).

Участие в выборах в санатории Франции кандидатов от мелких партий не меняет сути дела ни на йоту. Вдруг возникший ниоткуда сверхмудрый “X” никогда не станет лидером. Участие еще пяти-шести кандидатов — лишь формальная демонстрация “демократичности” процесса, поэтому во время выборов ни media, ни People не очень заботятся о том, чтобы скрыть пренебрежение к этим статистам спектакля. В президентских выборах во Франции в 1988 году их выпустили на сцену (радио и теле) лишь в последний момент, за несколько недель до начала спектакля. Мелькнув в первом туре голосования, получив 3,78; 2,10; 2,00; 0,38 процента, имена и физиономии их скрылись в Лете.

Под тяжестью комплекса неполноценности и чтобы сделать приятное Западному блоку санаториев, Восточный блок ввел у себя демократическую

57

58

процессуальность. Что же изменилось? Пока ничего. У власти в России — бывший секретарь ЦК партии Ельцин, у власти в республиках — бывшие боссы КПСС.

часть 2. Санаторные нравы

Выборочное насилие

Итак, good old⁵⁹ Оруэлл, странный кентавр с ногами конного полицейского и тощим крупом анархиста, итонский галстук на шее, вдребезги ошибся. Живописав 1984 год как тюрьму очень строгого режима, он уничтожил себя в глазах жителей конца нашего века как футуролог. (Как бест-селлинг-автор он остался ОК.⁶⁰) Следовало бы предвидеть, что две супервойны с горами трупов надолго дискредитируют моду на hard-насилие. Как и то, что развитие техники производства вооружит администрации продуктами массового соблазна: теми же, которыми соблазнял германцев Гитлер,— неизбежный домик и “фольксваген” плюс игрушки послевоенного прогресса. В забежавшей вперед Америке все это уже имелось во времена Оруэлла, и план Маршалла начал видоизменять лежавшую в руинах Европу. Оруэллу следовало обратить внимание на то, что делалось за океаном, а не увлекаться романтикой страшных сказок. Европейские девушки уже отдавались американским оккупантам за сигареты, нейлоновые чулки и шоколад. С тех пор массы охотно позволяют держать себя в повиновении в обмен на изобильную пищу и автомобили, отпуска, проведенные в теплых местностях, в обмен на сны, навеваемые теле и видео: впервые в истории заработала система *мягкого насилия*. Заработала эффективнее тюрьмы, лагеря, колючей проволоки и пыток.

С прибытием новой системы образовалась и новая шкала ценностей. По стандартам новой системы Винстон Смиф — примерный больной и, с точки зрения сегодняшней администрации, заслуживает поощрения (за историю *комрада Ожилви* он заслуживает Доски почета или прибавки жалованья). Смиф ведь труслив, вял, лишен честолюбия. Это требования администрации Большого Брата к больным (и к Смифу, в частности) были чрезмерны, параноидны. В наши времена Смифом никто не станет заниматься. Никому и в голову не придет! Другое дело, если бы он был возбуждающимся, его следовало бы сломать ради security санатория и в назидание другим. Но в том-то и дело, что насилие стало разумным, выборочным, и Смиф, биологически не принадлежащий к доминирующему меньшинству, оставлен в покое.

Оруэлл умер в 1950 году. Возможно, знай он об интересном китайском эксперименте, он переписал бы “1984”? Во время корейской войны китайские психологи открыли, что могут предотвратить побеги американских пленных, изолировав *leading figures*⁶¹, держа их под усиленной охраной, но оставив всех остальных пленных без какой бы то ни было охраны. Лидеры, оказалось, всегда составляли 5 процентов тотального количества пленных. Эта же цифра, утверждают биологи, в частности американский биолог русского происхождения Маслов, годна также для большинства видов животных. Доминантное меньшинство и у шимпанзе, и у волков всегда составляет 5 процентов. Исходя из подобного понимания человечества, управлять человеческими коллективами становится куда легче. Нет надобности в телескрипах, наблюдающих денно и ночью за больными, не нужен дорогостоящий тотальный террор, достаточно репрессировать и держать под наблюдением возбуждающихся. Насколько же облегчается задача

59

60

61

администрирования!

Администрирование лишь несколько более усложняется на практике, поскольку личный состав человечества находится в непрерывном движении: рождается, умирает, обновляется... И вопреки логике, но согласно генетике, *leading figures* рождаются как во дворцах, так и в хижинах. И не следует думать, что все эти 5 процентов непременно *возбуждающиеся больные*. Нет. Случай помещает представителей доминантного меньшинства в администрацию санатория, в охрану, в сферу идеологического обслуживания, куда угодно. В этих областях деятельности возбуждение даже поощряется до определенной степени. Следует отметить принципиальную разницу между *natural leader*⁶²— именно он биологический лидер, по рождению принадлежащий к доминантному меньшинству (на какой бы ступени социальной лестницы санатория он ни оказался при рождении и впоследствии), и лидером, ставшим таковым. Благодаря административной карьере, сделанной в аппарате власти, или благодаря наследованию, то есть от рождения помещенный в среду правящего класса. Революции обыкновенно не создают более справедливых обществ, но лишь (в пределах только одного поколения) восстанавливают биологическую справедливость. Насильственно перевернув пласты населения, они разрушают созданную иерархию и выбрасывают наверх именно людей доминантного меньшинства. Наполеон и его простонародные маршалы, Ленин, Сталин, Троцкий, Махно и советские маршалы гражданской войны тому служат яркими примерами. Без революционной ситуации эти герои никогда не поднялись бы нормальным социальным путем на поверхность, остались бы младшими офицерами, мелкими адвокатами, учителями и провинциальными журналистами.

“Прогрессивная” часть человечества прочно перешла на санаторный режим, однако населения вне санаториев еще доживают кто поздний каменный век (несколько племен Новой Гвинеи, Амазонии и Африки), кто марксистскую эпоху (некоторое количество африканских и азиатских стран). В совершенно особом положении находится Иран (в противоположность всем законам “прогрессивного развития” вдруг взбунтовавшийся против своего европеизированного правителя и его “прогрессивного” режима), установивший на своей территории до сих пор неслыханную и парадоксальную форму правления — Исламскую республику. Интересна враждебность этого самого нового общества в мире одинаково и к Западному, и к Восточному блокам санаториев.

Им — третьей стороне — евроцивилизация видится объективнее, и они не замечают вовсе подчеркиваемого более 70 лет обоими блоками санаториев различия.

В мире несчастливых варваров, за пределами нашего цивилизованного мира, царит еще дооруэлловское старомодное насилие. Оживляемое лишь современным блистательным оружием, закупленным ими у суперцивилизованных стран. Советские вертолеты и американские “стингеры” и французские “миражи” просвистывают в их непрогрессивных небесах. Жители санаториев снисходительно презирают кровожадных “устаревших” варваров, простодушно забыв о том, что ни одна бойня нецивилизованного “слаборазвитого” мира не превзошла еще европейское Гиннесс-бук⁶³ достижение,— 49 миллионов убитых в 1939—1945 годах. Пытки? В неоруэлловском, но историческом 1984 году пытки применялись на территории земного шара и во многих местах, но все это были нетоталитарные дооруэлловские старомодные пытки. В Афганистане, к примеру, “freedom-fighters”⁶⁴ обращались с советскими пленными согласно старым афганским

62

63

64

методам, бывшим в ходу еще во времена Оруэлла — полицейского в Бирме, а еще ранее — Киплинга, а еще ранее — в Средние века. Прекрасным введением в изучение афганских нравов может служить рассказ Киплинга “Потерянный легион”. Свежее описание афганских методов возможно найти в газете “Геральд трибюн” за 5 марта 1988 года:

“...Распарывают, открывая, живот пленного, нагнут его и тыкают головою в собственные внутренности”; “сажают на острый кол”; “отрезают пенис и ногти”; “надрезут кожу вокруг вашей талии и тянут кожу к голове, как будто рубашку снимают, и после бросят ваше, еще живое тело на горячий песок”; “привязывают ваши члены к четырем верблюдам и заставляют их бежать в разных направлениях”.

(Дополнительно пикантно покалывает в душе от доверительных указательных местоимений, употреблявшихся рассказчиком: “вашу”, “ваши”, “ваших” — и сохраненных редакторами “Геральд трибюн” при пересказе информации.)

Начитавшись подобных сообщений, наглядевшись на разрушенное Сараево, на разбухшие трупы ирано-иракской войны (на экране теле, разумеется), житель санатория счастливо осматривается вокруг и готов закричать подобно Винстону Смифу: “Делайте это с Джулией, с советскими солдатами, сделайте это с моим соседом, но не со мной!”

Человечество не умеет пользоваться опытом своих прошлых несчастий. Оно неизменно ожидает, что насилие (или назовем его Злом, но не в христианском смысле, а определяя его как катастрофу для человеческого коллектива) появится в том же виде, в каком оно приходило на историческую сцену в последний раз. Символические пьесы 50-х годов всегда включают в число действующих лиц Силы Зла — молодчиков в черной коже и непременно в сапогах. Они или активно теснят, избивают, изгоняют со сцены позитивного персонажа, или видятся ему во сне, или (вариант) ворочаются за кулисами на манер античного хора. (По этому признаку Оруэлл может быть с полным правом отнесен к школе театра абсурда — к Ионеско и Беккету...) Пока искусство занимается перевариванием опыта прошлых насилий, новое насилие преспокойно проникло в жизнь человечества и, неузнанное, разместилось. Достаточно упомянуть здесь деятельность (тоталитарную по масштабам) американского National security agency (NSA). (Смотри: “Intelligence Secrets”, книгу Фабрицио Кальви и Оливье Шмидта.) Подслушивая всю планету с 4.000 баз, разбросанных по земному шару, эта организация не вызывает почему-то у жителей санаториев беспокойства. Очевидно, в значительной степени потому, что ее 200.000 сотрудников — аналитики и техники, а не молодчики в сапогах и униформах. Такова сила инерции человечества. Санаторный больной возмущен апартеидом в Южной Африке, к NSA он относится апатично. В последней мировой войне уже присутствовали аналитики и доктора в белых халатах и техники (вспомним доктора Менгеле) со шприцами, но они не были главными действующими силами последней войны, и потому человечество зафиксировало их на заднем плане памяти. Очевидно, лишь после катастрофы, а ее непременно вызовет накопление информации,— человечество испугается своих компьютеров, своих опасных блистательных достижений в области подслушивания и разглядывания, в сущности, достижений, обеспечивающих контроль над *ним* .

Контроль уже достигнут. Тотальное подчинение человека организации (человечества) уже произошло. По крайней мере, в великолепном передовом созвездии дисциплинарных санаториев. Доказательство тому — с территорий санаториев исчезли герои. Где герои, в самом деле? Ведь во все иные времена они появлялись. Бернар Тапи или Ив Монтан — не герои, но идеальные больные, Че

Гевара, Каддафи — герои не-санаторного мира, но где наши, местные, санаторные мужчины, “отличившиеся экстраординарными качествами и действиями, в частности, в войне”? Невозможно назвать “экстраординарными подвигами” деятельность Лоран Фабюса⁶⁵ или Жоржа Марше, Франсис Брига⁶⁶ или golden boys⁶⁷ Уолл-стрита.

Иногда мы слышим, что органам охраны порядка удалось убить возбужденного “Public enemy номер Один”, или о процессе над тем или иным “террористом”. Media сообщает нам малейшие подробности ареста, детали одежды, но, как правило, невозможно понять, чего же, собственно, хотели эти враги общества. Почему они не выбрали легальную дорогу к власти, если они ее хотели, и почему не предложили их проекты переустройства общества на суд публики? Эти “террористы” (“Аксен Директ”, “Армэ Руж” в Италии, “Красная Армия” в Германии), они что, глупы, или же в санаториях запрещена пропаганда идей радикального переустройства общества? На все эти вопросы нам — публике, нет ответов. Мы должны удовлетвориться тем, что *наши враги* ликвидированы или арестованы.

Возникает впечатление, что тысячелетний райх большинства, диктатура несменяемых элит-администратий воцарилась в пределах цивилизованного человечества, и диктатура эта пресекает все сомнения в своей мудрости и целесообразности. Все самодеятельные, не сверху, не исходящие от администрации, но исходящие непосредственно от больных социальные инициативы и проекты изменения структуры санатория безжалостно подавляются. Теоретики итальянской “Рабочей Автономии” Тони Негри и Орэстэ Скальзонэ были приговорены в июне 1984 года (!) каждый соответственно к 30 и 20 годам строгого режима.

“Тони Негри,— гласил приговор,— не просто злой мыслитель. Он поставил также под сомнение правила гражданского поведения во имя проекта власти, основанной на совершении акций открытой войны против государства, во имя искусственных и вредных политических формул...”

Предчувствуя, что некоторые больные могут испугаться, услышав словообразования “злой мыслитель” и “вредные формулы”, суд посчитал нужным оговориться:

“Суд не имел в виду наказывать слабого интеллектуала, человека мысли, за которого множество людей сочли бы своим долгом вступить и мобилизоваться против преследующего правосудия. Негри пропагандировал ненависть и насилие. Он материально контрибуировал в дело стратегического проекта дестабилизации институтов (общества), ища связей с другими подпольными группами”.

Профессор Негри живет во Франции (в 1986—1988 г. жил нелегально). Ему угрожает возможная выдача итальянским властям. Между тем в его деле не фигурирует даже перочинный нож. Он осужден исключительно за теоретическую деятельность. Для сравнения вспомним, что революционный философ, профессор Карл Маркс в прошлом веке прожил вполне буржуазную жизнь. Администрации европейских санаториев того времени еще не достигли кооперирования в области

65

66

67

репрессирования самодеятельных инициатив возбуждающихся больных, поэтому в Лондоне Марксу не угрожала выдача в Германию, и в Германии его не ожидало тридцатилетнее тюремное заключение. Несмотря на “вредные формулы”, содержащиеся в Коммунистическом манифесте.

Казалось бы, так как санаторное насилие направлено на возбуждающихся, а 95 процентов населения оставлено в покое, режимы санаториев выигрывают от сравнения с европейским прошлым. Однако *направленное насилие более эффективно, и в этом смысле наше настоящее много репрессивнее прошлого.* Бессмысленное, эмоциональное, не служащее целям охраны структуры санаториев, насилие не практикуется больше цивилизованными администрациями не по соображениям гуманности, но всего лишь прагматически. Винстоны Смифы могут сегодня спариваться с Джулиями где угодно и как угодно, могут злословить, если им хочется, по поводу Большого Брата, в 1993 году администрации это не волнует. Насилие сняло сапоги и униформу и приняло прогрессивный облик добродушного дяди в очках. Вместе с молодежью дядя может, раскачиваясь, подпевать песне Боба Марлея “Revolution” или “I shot the sheriff”.⁶⁸ Нет, администрации не исключили из своего арсенала убийства, когда это необходимо, они хладнокровно принимают смерти и личную ответственность за них (вспомним поведение “железной дамы” Тэтчер — смерть Бобби Сэнда и десяти его товарищей ирландцев в 1982 г.⁶⁹), но убийство обыкновенно замаскировано (в случае “банды” Баадера под самоубийство) или выполняется третьими руками.

Суды над возбуждающимися, оставаясь по сути своей репрессивными, соблюдают обыкновенно требуемую по стандартам “демократического” общества процессуальность. (“Демократический” — один из эпитетов, присвоенных с удовольствием санаториями Западного блока в качестве почетного. Почему-то излюбленный администрациями.) Обязательно присутствует в суде адвокат. Пусть он и бессилен перед заранее приготовленным (в интересах администрации) приговором или в ряде случаев (первый адвокат Абдаллы⁷⁰) сотрудничает с администрацией против подсудимого. Обязательно наличие жюри, пусть оно и состоит из мажистратов, то есть представителей той же администрации. Процессы Абдаллы или “Аксъен Директ”, или “Армэ Руж” в Италии, так же как и процесс бывшего лейтенанта СС Клауса Барбье,— по сути дела, показательные зрелища, подчиненные не законам правосудия, но интересам администрации. Бесцеремонно неюридические зрелища. Администрация настолько уверена в себе, что даже не попыталась сделать так, чтобы процессы выглядели убедительными.

Герой и его антитеза

Месопотамия, античный мир Греции и Рима, Средние века Европы, Индии и Японии создали тип идеального поведения самца человека и тысячелетиями следовали ему, его усовершенствуя. Вдохновляясь примерами Идеальных Мужей, наследовали друг другу. Модернизированный, но не отступившийся от древней сути своей, передан он был в Новое время — в XVIII, XIX и XX века. Миф о Герое — один из самых глубоких и мощных корней человечества. Один из высоких импульсов нашего биологического вида — признание исключительной ценности особой человеческой личности. Человечеством было принято как должное то

68

69

70

обстоятельство, что некоторые *мужи* превосходят по физической силе, храбрости, уму большинство соплеменников. Миф о Герое — особом супермуже вырос из практической реальности человеческого общежития, каковая реальность (сегодня это подтверждено открытиями генетики) осталась неподвластной цивилизованию: неравенство интеллектуальных и физических способностей детей резко заметно уже в первых детских коллективах — детских садах и школьных классных комнатах. Пришедшее всеобщее образование, веками казавшееся панацеей от неравенства, только подчеркивает его сегодня. Принятая как должное, аксиома врожденного неравенства биологических особей просуществовала множество тысячелетий и никогда, в сущности, не была подвергнута серьезному сомнению. Даже в 1789-м и 1917-м, каковые лишь заменили одних героев другими.

Среди первых героев человечества — “полубогов и больших людей...”, тех, “кто отличался экстраординарными качествами или действиями, в частности, в войне”, мы находим Геракла, Одиссея — царя Итаки, Гильгамэша — царя шумеро-аккадского государства Урук, Шакьямуни-Будду, Ганнибала... Эпосы индийские, китайские, скандинавские, вплоть до самых современных: бурятских и киргизских, образовавшихся и записанных в XVIII—XIX веках,— суть варианты истории Идеального Мужа, модели, каковой подразумевалось подражать соплеменникам. Не останавливаясь на местных деталях каждого мифа, возможно выделить в героических эпосах мира общее. Муж (обыкновенно в возрасте наступления мужественности) получает “зов” — совершить подвиг. Он или путешествует в отдаленную страну, или совершает подвиг на месте: находит Монстра (Зверя, Гиганта, Дракона), доселе безнаказанно истреблявшего население (вариант: красивых девушек, юношей, род местного царя), и вступает с ним в поединок. Победив в кровавой и тяжелой битве Силы Зла, он получает заслуженную награду: женщину, сокровища, землю, славу, мудрость... На этом обыкновенно заканчивается миф — история первого ранга (так сказать, героя нормального). У мифа о *супергерое* всегда есть продолжение. Ближе к старости ему уготовано (богами, судьбой, случаем...) еще одно испытание, еще один “зов”. Он покидает место счастья и удовольствия и отправляется на последний подвиг. Обыкновенно, он гибнет в этой последней битве. Ганнибал бежит в Сирию, где служит Антиоху III, и после перемирия последнего с Римом отправляется в Вифанию, не желая попасть в руки римлян. И в мифах, близких нам по времени, мы находим те же элементы. Дряхлый Лев Толстой бежит по последнему “зову” и умирает на станции Астафьево. Лоуренс Аравийский погибает в автокатастрофе (чрезвычайно похожей на убийство) в 1935 году, готовый приступить к новому подвигу, за несколько дней до поездки в Германию по приглашению видных наци (те видели в Лоуренсе популярного народного героя, способного возглавить английский фашизм). Че Гевара, исчезнув с Кубы, гибнет (от рук ЦРУ) в Боливии, явившись туда для нового революционного подвига. Ленин гибнет, совершив революцию и заложив основы социалистического государства, вследствие ранений отравленными пулями Фанни Каплан (вспомним, что Геракл погиб, надев отравленную тунику).

И самые древние и самые новые мифы, доступные нам детальные биографии Великих Людей есть не что иное, как средство передачи жизненного опыта человечества, каждый есть: “Примерная История Поведения Мужчины. Что делать и как делать”.

Если доминантное меньшинство человечества тяготело к подражанию мифу Героя — Воина — Лидера, то массы культивировали иные мифы, подходящие к темпераменту и энергии своей биологической категории. Любопытен цикл русских сказок об Иване-дураке. Самая распространенная версия вкратце такова.

Иван-дурак — младший сын в крестьянской семье. Сын непутевый, ленивый. В отличие от старших сыновей — тружеников он предпочитает целый день валяться

на печи. И даже свои обязанности помощника матери в домашнем хозяйстве он исполняет только по принуждению. Однажды зимой он вынужден отправиться на реку за водой (мать выталкивает его). Иван лениво опускает ведро в прорубь, зачерпывает и обнаруживает в ведре щуку. Щука обращается к нему человеческим голосом, просит освободить ее. Иван-дурак, уже предвкушающий вкус ухи из щуки, спрашивает, что же он будет иметь за то, что отпустит ее в прорубь. “Я берусь исполнить любые твои желания”,— обещает щука и предлагает ему испытать ее, выразить желание. Первым желанием Ивана оказывается желание избавиться от ближайшей по времени работы. “Хочу, чтобы ведра сами домой пошли!” — заявляет ленивец. “Скажи: “По щучьему велению, по моему хотению, ведра, ступайте в избу сами!”” — учит его щука магической формуле. К великой радости Ивана, ведра сами плывут по воздуху от реки к избе, входят и становятся на лавку. Иван отпускает щуку. И начинается для него райская жизнь. Теперь он ездит за водой всякий раз на печи. Приглашенный к царю, Иван-ленивец предпочитает отправиться на печи, ибо ему лень пересаживаться в карету. В конце концов щука устраивает так, что царская дочь влюбляется в дурака и выходит за него замуж. В приданое Иван получает полцарства. Happy End.

Отметим, что народ поместил щуку в ведро дурачка и лодыря. Не в ведра работающих сыновей, хотя, несомненно, они чаще ходили за водой, чем лодырь. (Дурак еще и не желает идти к счастливому случаю. На улице холод, а на печи — тепло. Мать выталкивает его.) Сказка, в сущности, народное желание, воспеваешь, как видим, не работников (старших сыновей сказка даже не удостоивает именами), не планомерное, потом и усилиями, накопление богатства и благосостояния (“копейка рубль бережет”), но магическое скоробогатство. Вышел, нехотя зачерпнул, а братья будут всю жизнь трудиться и станут только зажиточными крестьянами. Восхищенно описывается сказкой анархическая наглость Ивана. Когда царь, прослышав об Иване, посылает за ним карету и придворных, старшие сыновья бледнеют от ужаса, а Иван, зевая, отсылает придворных и, лишь выспавшись, приказывает печи: “По щучьему велению отправляйся к царю во дворец!” (“И множество народу Иванова печь подавила”,— замечает бесстрастно безжалостная сказка, скорее довольная давкой народа.)

Остановимся, дабы набросать характеристику среднего человека санатория, типичного массового больного. Дабы сравнить ее с архетипами двух основных биологических групп, созданными воображением и практикой человечества.

Трудоспособность — основной социальный параметр современного человека. Не физическая сила, не мыслительные или сексуальные способности, но трудоспособность в обществе, одержимом продуктивностью,— основное достоинство. Старательность выполнения порученной функции. Худшие — лишаются бремени труда. Положительный средний гражданин трудится на фабрике, в офисе, в сфере обслуживания, в своем магазине или лавке с девяти до пяти. Он исправно платит налоги в Public treasury⁷¹ и аккуратно выписывает чеки сервисам обслуживания его жизни: телефонной и электрогазовой компании, компании страхования, докторам, адвокатам, привязал себя на долгие годы к выплате процентов банку (взял кредит на покупку квартиры или автомобиля). Положительный средний гражданин не совершает наказуемых законом действий, никогда не бывает арестован. Если участвует в собраниях граждан, то только в “организованных” (его профсоюзом, партией, муниципалитетом, по поводу “справедливых дел”) демонстрациях, то есть он знает свое социальное место. Беспрекословно подчинен санаторному распорядку его жизни: Formation — Employment — Retirement...⁷² Не

употребляет врожденную биологическую агрессивность человеческого вида — сдал заботу о своей безопасности администрации — полиции (следствие этого — атрофированность воли и боевого духа, психология протектируемого и защищаемого взрослыми вечного подростка). Современный гражданин санатория обладает всеми положительными качествами одомашненного животного: послушен, легко управляем, может выйти из себя, только если голоден.

Ясно, что никакой связи с мифом Героя в поведении санаторного больного обнаружить невозможно. Ни о каких тенях Ганнибала или Лоуренса Аравийского не может быть и речи. Но и Иван-счастливчик не является официальной моделью *человека санаторного*. Санаторная мораль предлагает нам не Ивана, но Ивановых братьев в качестве подражания. Скучных и бездарных накопителей (успех выходит за пределы одной человеческой жизни и становится целью цепи человеческих жизней — делом поколений одной семьи. Мы откладываем сантимы, но наши дети, окончив университет, будут жить лучше). Однако сами People сопротивляются (если не активно, то пассивно), живя жизнью Ивановых братьев, они все же восхищаются счастливому случаю Ивана-дурака. В Союзе Советских лозунг “Труд есть дело чести, доблести и героизма!” в сотнях тысяч экземпляров висел (золотыми буквами на красном кумаче, попрядничнее!) на фасадах заводов и фабрик. Однако народ предпочитал завидовать судьбе никому не известного доселе Алексея Аджубея, женившегося на дочери Хрущева и ставшего вдруг могущественным Человеком — главным редактором газеты “Известия” и членом Политбюро ЦК КПСС. Советские People вышучивали искусственно сделанных государственных героев: в 30-х годах это был шахтер Стаханов, в начале 60-х — ткачиха Гаганова. В Соединенных Штатах, как и в СССР, труд есть доблесть номер один. Великая Американская Мечта — устная и письменная антология, включающая в себя легенды и рецепты добывания миллионов, содержит сладкие анекдоты о посыльных и чистильщиках обуви, упорным трудом и бережливостью добившихся богатства. Однако всегда стремящиеся к чуду, по возможности, к немедленному (instant) удовлетворению желаний, восхищение и симпатия (американских) People находятся на стороне немедленных скоробогатеев. Хью Хэфнера, основавшего “Плэйбой” с нуля, Спилберга, придумавшего удачный трюк в синема, безымянного “X”, догадавшегося первым слетать в Колумбию и закупить там груз кокаина. В подвигах вышеперечисленных героев, пусть они и более трудоемки, чем Иванов поход с ведрами, наклон и зачерпывание, содержится значительная доля “иванодурачества” и случая. Несмотря на все усилия “идеальных” больных и администрации утвердить в качестве модели работающего среднего человека безымянных братьев Ивана (вспомним братьев Жюльена в романе “Красное и Черное”), авантюрист или бандит (Сорель, Растиньяк, Месрин) занимают воображение People.

Санатории еще молоды, им не более полсотни лет, возраст же мифов коллективного сознания человечества не менее пяти тысяч лет, посему их не так легко уничтожить в полстолетия. Несмотря на суперэффективные средства внушения. А усилия уничтожить мифы, основанные на биологических потребностях человеческого вида, и заменить их мифом Послушного Больного Производителя — налицо. И они многочисленны и могущественны.

Культ жертв

“We don't need another hero”⁷³— это подсознательное желание перепуганных

Последней Великой Бойней европейцев выражается в обостренной чувствительности к противоположному hero⁷⁴ феномену — к victim, martyr⁷⁵ — жертве.

Культ жертв принесло в европейский мир христианство — секта иудаизма. Так как первые несколько веков христианство поставляло миру исключительно антигероев, мучеников-жертв, то мы унаследовали антимужественный календарь, ежедневно славящий побежденных. (Однако подвиги во имя христианской веры и распространения христианства, будь они именно стахановское производство жертв, впоследствии спокойно адаптировались христианством и инспирировались святым престолом. Достаточно назвать избиение альбигойцев и крестовые походы.)

Простой, но сильный трюк привлечения Бога на свою сторону христианство также позаимствовало у иудаизма. Бог, как одеяло, был перетянут на сторону народа Израилева, и противники сынов Израилевых сделались противниками Бога. Богонеудобным злом стали противники еврейского народа: Ассирия, Фараоны... Разгромленный множество раз еврейский народ превратил свои жертвы в героев и таким образом переиграл историю. Вынужденный бежать от врагов большую часть своей истории, с помощью Бога он возвысился над его победителями. (Оставив в стороне культурные красоты Библии, видим, что ближневосточные племена всего лишь банально вырезали друг друга за пастбища и источники воды.)

Заметим, что общевосточная (роль martyr в исламе, в шиизме, в частности, хорошо известна) концепция жертвы проникла в Европу не только вместе с христианством, но и впоследствии с двумя мощнейшими движениями мысли, изломавшими мир, — с фрейдизмом и марксизмом. Согласно фрейдизму человек — жертва своего младенчества, жертва отношений между родителями. Для Маркса пролетарий — жертва капиталистического общества

При помощи иудаистского метода христианство извратило исторический облик Римской империи, самого правового государства своего времени, — воздвигло на его месте фальшивое Чудище, а императоров его, враждебных христианству, превратило в монстров злодейства.

Заполучив Бога на свою сторону, иудаизм и христианство привнесли в человеческие отношения (и в самое крайнее их проявление — поединок, схватку) новый элемент — моральное суждение. Побежденный христианин не только оставался “прав”, ибо Бог прав, он оплакивался как уничтоженная собственность Бога. Вместо того чтобы отнестись к нему как к побежденному, обезглавленному, пронзенному копьями, разрубленному мечом, христианство стало отдавать ему почести, возносить его, как Рим своих триумфиров. Дохристианский, античный мир мало сожалел об убитых и пленных, но, предоставляя родственникам оплакивать побежденных, бежал славить победителя. Римский мир не знал культа жертвы. Для него результатом схватки было наличие победителя и побежденного. Первый находился в вертикальном положении, второй — в горизонтальном. Рим воздавал почести патриотам Рима, достойными почестей считались проявившие сверхчеловеческое мужество (Муций Сцевола). Никому в Риме не пришло бы в голову возносить побежденных в битве римлян, да еще только на том абсурднейшем основании, что они верили в Юпитера или Марса особенно рьяным образом! Впрочем, у римлян было много богов. У христиан — один, сам — жертва, Христос.

Культ жертв — феномен, присущий побежденным племенам и преследуемым религиям. Неудивительно потому, что с 1945 года возможно наблюдать настоящий расцвет культа жертвы в Европе. Ведь, в сущности, вся Европа, за исключением островной Великобритании, так или иначе кооперировала с германским нацизмом. И

вся война выглядит войною окраин белой цивилизации (США, СССР, Канада, Австралия, Новая Зеландия, островная Британия) против экстремистского путча в Метрополии. Путч подавлен, но цепи последствий Супервойны не видно конца. На наших глазах окончательно оформился во внятные формы процесс “римлянизации” свежего трупа нацизма. В процессе участвовали и колено Израилево, и другие силы, европейские страны также, и среди них, охотно,— сама Германия. Все они заинтересованы не в объяснении вспышки “варварства”, но в создании чудища Нацизма, дабы избежать детальной разработки прошлого и, в частности, признания того, что нацизм был законным сыном мадам Европы (родился в лоне ея — в треугольнике между Римом — Берлином — Парижем, как и марксизм), а не каким-то случайно родившимся от Гитлера ублюдком.

Родственной своей связи с нацизмом Европа не признает, однако господствующая ментальность Европы до падения Берлинской стены — психология побежденных. И почему должно было быть иначе, если еще до начала Бойни, к 1939 году, фашистские и полуфашистские режимы уже существовали в Германии, Италии, Испании, Португалии, Польше (сменивший Пилсудского режим “полковников”), Венгрии, Румынии, Болгарии... Чехословакия и Австрия считаются странами, “поглощенными” Германией... но без единого выстрела! Побежденная Франция с 1940 по 1944 год возглавлялась правительством, официально закрепившим союзничество с Германией, и избежала статуса оккупированной территории лишь благодаря шарму и влиянию де Голля. (Однако подменить психологию побежденного психологией победителя не смог даже де Голль.)

Так что Европа чувствовала себя жертвой (кто Мюнхена, кто Ялты, а иные санатории — и Мюнхена, и Ялты). Напомним, что *Великая Бойня* не была лишь еще одной войной из сотен, но *войною особой*, не только по количеству жертв, но и из-за последствий ее. Она образовала *современный мир*, в котором мы жили более сорока лет, до пришествия к власти в СССР самоубийственного Горбачева. Американские, британские, французские и советские оккупационные войска, и спустя сорок с лишним лет присутствующие в ядре Метрополии (срок неслыханный!), лишний раз напоминают о серьезности и исключительности Великой Бойни.

“We don't need another hero” — особенно в условиях PAIX ATOMIQUE, когда героизм будет стоить десятки или сотни миллионов жертв, но переиграть результат войны Западный блок очень хотел и пытался. И это нормально. “Бог на нашей стороне” — сегодня слабый довод. Невозможность перевоевать последнюю войну и установленный ею порядок породили страннейшие феномены “холодных” (моральных) войн. Многочисленные психонападения Западного блока на СССР преследовали прежде всего целью аннулировать результаты войны: отказаться от плодов победы. (Чтобы он дал возможность объединиться двум Германиям, отказался от контроля над Восточной Европой.) Западный блок санаториев предпочитал рассматривать восточноевропейские страны как жертвы советской агрессии, игнорируя тот простой и мужественный факт (прекрасно понятый бы римлянином), что советские легионы без чьей-либо помощи овладели Восточной Европой силой оружия, отвечая на агрессию. И римлянину было бы абсурдно, непонятно, во имя какой такой отвлеченной моральной справедливости легионы должны оставить территорию, за которую заплачено их кровью. Не только перенесение концепций морали для оценки событий исторических есть ложный метод, но если мы вспомним, что моралисты — побежденные европейцы и занявшие позицию противника СССР Соединенные Штаты, то есть моралисты заинтересованные,— их осуждения выглядят фальшиво. Нападающих это не смущало. Мы знаем, что их стратегия психологической войны оказалась верной.

Shareau!⁷⁶ Утвердить неправоту, “злость” противника в моральной войне столь же важно, как выиграть большую битву в горячей войне. “Римлянизация” а-ля христианство подверглась не только нацизму, но и Советский Союз. Государства-жертвы (Восточная Европа) были использованы как могучий довод против него, как некогда христианские мученики были свидетелями злобой монструозности Рима... Не останавливаясь на осуждении и очернении внешней политики СССР, побежденные занялись и внутренними проблемами Победителя. Непрошенные, они осудили внутреннюю советскую историю и подвергли ее суровому ревизионизму. Нормально, что они атакуют более всего самый могущественный период советской истории — эпоху правления Иосифа Сталина. “Жертвы сталинизма” были произвольно раздуты пропагандой западных санаториев до баснословных 60—70 миллионов! (На самом деле 780 тысяч политических заключенных погибло в тюрьмах и лагерях в течение 30-х, 40-х и 50-х гг.) И стали еще одним могучим моральным доводом против не столько “сталинизма”, сколько против самого существования СССР. В “нормальные” времена моральное осуждение лишь предшествовало бы войне физической. В современной цивилизации апокалиптическое ядерное оружие сдерживало страсти, однако оно не препятствовало западным санаториям чувствовать себя жертвами СССР и идентифицировать себя с другими его “жертвами” (Польшей, узниками ГУЛАГа, жертвами коллективизации etc.).

Моральное давление западных санаториев (тысячи книг, статей, телепрограмм, кинофильмов, радиопрограмм, кричащих о жертвах СССР... жертвах, жертвах... жертвах), постоянное и сильное, привело через сорок лет к неожиданному для самих западных санаториев результату. Западу удалось внушить Интеллигенции и Администрации СССР комплекс вины, даже стыд за свою героическую историю. К чему это привело, мы знаем. К анархическому распаду вначале Восточного блока санаториев, совсем недавно к распаду государства СССР. PAIX ATOMIQUE сделал невозможным военное столкновение между Западным и Восточным блоками санаториев, но обладание ядерным оружием не уберегло СССР от психологических ударов. Серия “холодных”, психологических войн разрушила коллективную волю Советского государства и подтолкнула его к самоубийству. (Вспомним высказывание Арнольда Тойнби о том, что “великие цивилизации не погибают, но кончают самоубийством”.)

В результате отношение к агонизирующим восточным санаториям (многие из них регрессируют, превращаясь во внесанаторные “варварские” этнические государства) в Западном блоке значительно улучшилось. Это и понятно, из соперников они превратились в общества, вызывающие жалость и презрение. Ясно, однако, что такого рода сближение осуществилось ценой самоубийства СССР и всего Восточного блока санаториев. Своего активного участия в нацизме и марксизме (за исключением Германии) западноевропейские санатории далее не признают. Их “перестройки” не произошло.

Имея практический колоссальный перевес в жертвах войны — 20 миллионов погибших, СССР, однако, не сумел использовать их — жертвы — эффективно. Отчасти, разумеется, потому, что находился в двойственной позиции (жертва, но победитель войны), отчасти по неумению вести моральную войну. Израильский народ, потерявший шесть миллионов, пользуется полным и безусловным сочувствием администраций и населений планеты. Советский (русский) не пользуется. Шесть миллионов евреев, без сопротивления (одно из немногих исключений — восстание в варшавском гетто) прибывавшие в лагеря уничтожения, казалось бы, должны уступить первое место в мрачном списке 20 миллионам

советских, погибших с оружием в руках или в героической осаде, как жители Ленинграда. Мало того, что весь этот бизнес похвальбы жертвами пахнет некрофилией, получается вдобавок, что существуют привилегированные жертвы.

Колено Израилево поступило со своими жертвами в полном соответствии с исторической традицией иудаизма — использовало их как моральную огневую мощь против сегодняшних и будущих врагов, как индульгенцию — право на исключительное поведение в мире. Эта индульгенция привела к созданию государства Израиль, к возникновению палестинской проблемы, к переделам границ, создала миллионы беженцев, дестабилизировала Ближний Восток, привела уже к нескольким войнам, и конца последствиям не видно.

Вот какой силой обладают в современном мире жертвы. Они, как видим, создают государства, меняют границы, производят новые жертвы.

Культ жертв давно покинул пределы санаторной цивилизации и влияет на судьбы несанаторных стран и народов. “Жертвы” режима красных кхмеров послужили одним из предлогов для вступления в Камбоджу вьетнамских войск. В свою очередь, портретирование Камбоджи как “жертвы вьетнамской агрессии” дало возможность (другим силам) создать вооруженную оппозицию вьетнамцам — из остатков армии того же “палача” Пол Пота в основном... Интеллектуалы Европы и Америки, следуя заповеди Сартра — интеллектуал, будь *engagé*?⁷⁷, даже если ты ничего в проблеме не замечаешь, подписали обращения против “вторжения вьетнамских войск в Камбоджу” (подчеркивая свою объективность, американские напоминали о том, что выступили в свое время публично за прекращение войны, ведомой Соединенными Штатами во Вьетнаме). Однако ситуация в Камбодже оказалась сложнее, чем представлялось из Лос-Анджелеса, Нью-Йорка и Парижа. Благодаря вмешательствам и влияниям извне война в Камбодже длилась и множилась с разрешения квадратноголовых интеллектуалов жертвы, рождаемые прошлыми жертвами. Римское право сильного оказывается сплошь и рядом справедливее иудейской, христианской, парижской и нью-йоркской морали, ибо позволяет конфликту разрешиться поединком: прав Победитель. Если бы та или иная сторона, Западный ли блок или Восточный (или несанаторные страны), не вмешивались в поединки, не помогали бы жертвам (поднимают, отряхивают и дают в руки оружие), а оставили бы их побежденными, сегодня была бы на картах одна Корея, и та же Камбоджа давно залечила бы свои раны. И жила бы при режиме, сторонники которого оказались бы сильнее (самая примитивная форма справедливости и самая честная). Так же как и Ангола, и Никарагуа, и Чад, и еще многие страны. Неразрешившиеся, тлеющие конфликты — результат вмешательства третьих, четвертых и пятых сил в поединок. Основанием для вмешательства чаще всего служат “жертвы”. Абсурдность культа жертв видна ярче, если применить принцип не к современности, но к неоспоримой истории человечества. Получается, что 2.300 лет человечество восхищалось Александром Великим, первым европейским завоевателем (хотя греки себя к Западу не относили, а персов — своих врагов не именовали Востоком), ошибочно. Сочувствовать и восхищаться по современным стандартам следовало племенами, которые он покорил. (Тогда не существовало, к счастью для Александра, “Международной Амнистии”, очень санаторной, как и “Интерпол”, организации). В битве при Гастингсе победил герцог нормандский Вильгельм, кому придет в голову восхвалять сегодня Харольда?

Жертвы деревни Мэй Лао и фотографии обожженных напалмом детей сыграли свою роль в мобилизации общественного мнения против войны во Вьетнаме. Однако куда большую, основную роль сыграли северо-вьетнамская армия, Вьетконг

и гробы, покрытые звездно-полосатым флагом, начавшие прибывать все в большем количестве даже в самые мелкие городки Америки. 57 тысяч своих гробов — довод куда более сильный, чем несколько миллионов вьетнамских трупов.

Не всякий труп годится в жертвы. И Восточный и Западный блоки продают ракеты, самолеты и прочие средства массового производства трупов другим странам, но ответственными за эти трупы себя не считают и в жертвы их не зачисляют. (Каннибальская логика вроде того, что да, я убил, но не я съел.)

Аккуратно отмечая юбилеи вторжения в Чехословакию или Венгерского восстания, администрация и ее рупор — media молчат о юбилеях Алжира или Индокитая. Соединенные Штаты не отмечают юбилеи многочисленных интервенций своей морской пехоты в Латинской Америке. Лишь возбуждающийся адвокат Жак Вержэс позволил себе напомнить, что Франция ответственна за миллион убитых в Алжире. Налицо охотное употребление чужих жертв и замалчивание или даже непризнание своих — то есть произведенных нашими руками.

Армянский геноцид — полтора миллиона (согласно армянским источникам) армян были вырезаны турками в 1915 году — стал широко известен лишь недавно. В конфликте за Нагорный Карабах, войне армян против азербайджанцев (т.е. турок) жертвы геноцида 1915 года играют не последнюю роль. Жертвы, как видим, — вдохновляют на новую резню и спустя столетие.

Говорят о Вандэйском геноциде, произведенном две сотни лет назад революционными французскими войсками. Жертвы — члены компартии — менее популярны, однако — напомним! — полтора миллиона коммунистов были вырезаны вручную в 1965 году генералом Сухарто в Индонезии и ушли в фантомный мир, оказывающий на нас, живых, такое тяжелое влияние. Когда-нибудь они еще дадут о себе знать. Как видим, жертвы приобрели куда большую власть, чем живые.

Достаточно было media обвинить марксистский режим в Эфиопии в том, что на его территории производится, скопилось большое число жертв, чтобы режим полковника Менгисту упал в глазах цивилизованного человечества (Европы и К°). Кто в действительности был виноват в голоде в Эфиопии: центральное ли правительство, враждебные ли ему повстанцы (множество групп), ведущие микронациональные освободительные племенные войны, или климат и взрыв рождаемости, — европейцам разбираться некогда. Они, вечно занятые чужими делами и быстрые, судят с ходу и большей частью поверхностно и несправедливо. Белый человек верит в свою способность разобраться в любом конфликте на планете, кинув случайный взгляд на экран теле и пробежав глазами пару информации на первых страницах популярных газет. В свое негативное вмешательство в жизнь Африки, в то, что это он (евроцивилизация) приложил руку к производству сегодняшних жертв, гражданин Европы не верит. Ведь он проложил в Африке дороги и построил школы, он послал туда докторов и снизил уровень смертности африканских младенцев во множество раз! Снабдить какую-либо группу населения докторами и снизить уровень смертности новорожденных относительно нетрудно. Однако (вспомним основы демографии и Мальтуса) накормить этих спасенных детей нечем. Колонизаторы за время своего присутствия не сумели и не могли дать сложному, сухому континенту систему агрикультуры, способную прокормить спасенных детей. Континент во все времена его истории был слабо заселен. Равномерно, натуральным образом заселен. Те провинции, где земля была плодороднее, были заселены куда гуще. Европейцы, не желая (нет, не желая. Нет оснований предполагать в них намеренное злодейство. Арrogантность по отношению к другим культурам, грех расизма, да, нарциссизм, эгоизм...), творя, по их мнению, добро — “цивилизируя дикарей”, нарушили количественный баланс между природой и человеком и сотворили зло. (В любом случае, они эксплуатировали континент до самых 60-х гг., не утруждая себя моральными

проблемами и не видя в африканцах жертв колониализма.) В определенном смысле организации “Красный Крест”, “Медики мира” или “Медики без границ” производят будущих жертв голода.

Мир жертв только что потерял группу жертв. Boat people⁷⁸, по поводу которых пролилось столько слез, потеряли в Канаде, Гонконге и Малайзии статус политических беженцев. Всегда покидавшие Вьетнам в поисках не политических свобод, но экономического процветания, boat people тем не менее сумели продержаться в жертвах полтора десятилетия благодаря враждебности Западного блока к коммунистическому режиму Вьетнама. Теперь это удовольствие стало обходиться антикоммунистическому блоку слишком дорого.

Hostages (Отages) — заложники, мы знаем это, могут лишить санаторного президента власти (Картер), управлять отношениями между странами, влиять на торговлю и поставки оружия. Американские заложники, Жоэль Коффман и Жак Абушар⁷⁹, сделались всемирно известными, попали в класс super stars. Жертвы — stars так далеко отстоят от многочисленного класса ординарных, местных, внутренних жертв (безработных, инвалидов, “новых бедных”), как экзотическая выставочная орхидея тропиков, существующая в одном экземпляре, от скромных полевых цветов.

О манипуляции жертвами, об использовании их можно написать десяток книг. Жертвы важнее победителей и героев, читатель (ЖЕРТВЫ ЕСТЬ ПОБЕДИТЕЛИ. Только что Прибалтика, представив себя жертвой, победила Голиафа — Россию). Ведь можно бросить взгляд на эфиопские, суданские, камбоджийские, не нашего мира, скелетики (еще живые или уже бездыханные) и умильаться нашему санаторию. Увидеть трупы Аушвица и возрадоваться жизни. Иллюстрируя варварство, царящее за границами наших санаториев (и в прошлом), скелетики и трупы в то же время иллюстрируют превосходство нашего санаторного способа жизни. Мораль все та же: “Больные! Не возбуждайтесь!”

Если добавить к вышесказанному, что каждый житель санаториев есть не добровольная, но потенциальная жертва возможного ядерного конфликта, то влияние жертвы на современный мир видится монструозным.

Ревизионизм как мировоззрение и идеология

Поклонник поэта Шелли Альфред Нобель писал в одном из писем в 1876 году:

“Я должен изобрести субстанцию или машину такой ужасной силы массового уничтожения, что война будет таким образом сделана невозможной навсегда”.

До этого, в 1862 году, он уже изобрел нитроглицерин, а в 1867 году — “безопасную пудру Нобеля”, иначе говоря, динамит. В 1890 году он высказался определеннее:

“Все войны будут остановлены мгновенно, если оружие — бактериология”.

К 1892 году Нобель отточил свой каннибальский оптимизм:

78

79

“Мои фабрики могут покончить с войной быстрее, чем ваш Конгресс (мира.— Э.Л.). В день, когда два армейских корпуса будут иметь возможность уничтожить друг друга в одну секунду, все цивилизованные нации отшатнутся от войны с ужасом и разоружат свои армии”.

Альфред Нобель был не единственным мечтателем подобного рода. Карнеги и Крупп высказывали похожие мечты. Мы знаем, что ни две мировые войны, случившиеся с тех пор, ни изобретение орудия ядерного уничтожения (с убедительной демонстрацией его возможностей в Хиросиме/Нагасаки) не привели к разоружению армий. Напротив, к небывалому в истории перевооружению обоих видов, и ядерному (для тех, кто имеет возможность), и “обыкновенному”. Предсказание же Великого Альтруиста Нобеля сбылось наполовину: над территориями Европы и ее sparse-колоний, вооруженными, как никогда, незримый и невидимый повис СТРАХ: PAIX ATOMIQUE. И это феномен государств-санаториев, объединенных в блоки, вызвал к жизни и поощрил развитие орудий массового производства жертв (extermination⁸⁰) — водородные бомбы и нейтронные бомбы. Закономерно находясь в конце цепи: Нитроглицерин — Динамит — Химическое и Бактериологическое оружие — Супербомбы, разрушившие Гамбург и Дрезден,— Ядерное оружие появилось как следствие необходимости уничтожения больших человеческих масс, оно было найдено ищущими его. Не злобная природа человека, но нужды супергосударств, объединенных в блоки, повинны в его появлении.

Вытеснив вооруженные конфликты (самый серьезный и опасный — Корейская война) вовне, PAIX ATOMIQUE не лишил санаторную цивилизацию агрессивности, она активно присутствовала в ссорах человечества. Более того, разделившись на два блока, она вынудила и большинство стран за пределами санаторной системы разделить подобным же образом. Часто выступая инициаторами мировых конфликтов, санатории участвовали в них своей финансовой мощью или частью своих армий в колониальном стиле войнах не на санаторной территории. (Для Соединенных Штатов — война во Вьетнаме, для Франции — Алжир, Чад, для Великобритании — Фолклендская война, для СССР — Афганистан.)

Страннейший (небывалый в истории) АТОМНЫЙ МИР, продолжавшийся сорок лет, *привел к фантастической деформации психики и сознания населения санаториев*, “защищенных” взаимным ядерным шантажом блоков (в сущности, общей концепцией коллективного самоубийства). Санаторная цивилизация внушила своим населением отстраненное, внеисторическое, постисторическое сознание. И если “наложивший на себя руки” Восточный блок выбыл из санаторной цивилизации в досанаторную, то западные санатории продолжают свое безмятежное существование.

Избегнув истории, вся его деятельность направлена лишь на усовершенствование условий жизни. Удалив агрессию за пределы стен санатория (он совершает агрессию против природы), западный европеец *вынужден* рефлексировать по поводу событий во враждебном санаторном блоке, в “неразвившихся” странах за пределами санаторной цивилизации. Или по поводу истории европейской цивилизации, ее прошлого, досанаторного периода. Так, буржуазная приличная семья, не имея тем для разговоров (у них самих ничего не происходит), бесконечно злословит за обедом, обсуждая поведение скандальных соседей или семьи консьержки. Рефлексировать, занимать позицию необходимо — на это толкает санаторного человека насущная необходимость убедиться в

собственной жизни, иначе не различимой, так как в ней нет достаточно крупных серьезных ориентиров. Идентифицировать себя по внутренней санаторной шкале ценностей все сложнее. Лево-правая политическая принадлежность сегодня практически потеряла смысл, сменившись общей прогрессистско-либеральной ориентацией. В банках с надписями: *Социалисты, RPR, UDF* ⁸¹ и даже *PCF* ⁸²— сидят одного вида насекомые. Разница между Барром и Миттераном лишь в популярности. Точно так же невозможно определить себя в Соединенных Штатах принадлежностью к Демократической партии или Республиканской. (Заметим, что сегодня определения “гомосексуал”, или “бисексуал”, или “фанатик джаза”, или “антисемит” куда четче определяют человека.) То, что в поисках сильной идентификации санаторный человек обращает свой взор туда, где льется кровь и происходит история, лучше всего доказывает факт, что в самих санаториях история остановилась. “Я против апартеида в Южной Африке,— заявляет санаторный гражданин,— против режима Саддама Хусейна в Ираке, против сербов и за хорватов”,— и этим *причащается* к реальным: трупам, бунтам, крови и войне. Подписывая обращения в защиту или участвуя в демонстрациях (часто невпопад и порой вовсе не за “правые” дела, как ему кажется), он (ложно) чувствует себя участвующим. В основе желания определить себя по отношению к событиям чужой истории лежит здоровый порыв вовне, из мертвого санаторного покоя постистории — в ИСТОРИЮ.

В своей атомной тишине западный европеец сделался высокомерен и самовлюблен. Он с упоением читает мораль странам и нациям и всей истории человечества, поощряя их только в тех случаях, когда их поведение копирует санаторное. Чужие традиции он не уважает, он не может допустить и мысли о том, что режим, не называемый “демократическим”, может быть удобен для жизни человека. Навсегда оставшийся миссионером, сегодня он распространяет не христианство, но санаторный образ жизни. Мир за пределами его санаторного блока для него — Барбария, где (таким он видит его по теле) злобные диктаторы правят нищими народными массами и происходят лишь трагические события: бунты, смертные приговоры и убийства. То, что бунты происходят несколько дней за многие годы на нескольких улицах страны и что, не обращая внимания на диктаторов, а в ряде случаев (о, шокинг!) с их помощью населения неразвитых стран могут жить вполне удовлетворенной жизнью, санаторный человек не допускает. (Когда они просто живут тихо и не спеша, “неразвитые” страны исчезают с экранов теле.) Более всего санаторный человек презирает беспокойные, возбуждающиеся страны, где группы людей стреляют друг в друга, вместо того чтобы остановиться и завести у себя хорошую жизнь, как “chez nous”.⁸³ Гражданин санатория напоминает сидящего в колесном стуле чистого и сытого инвалида, презрительно осуждающего атлетов на стадионе: “Не так! Неправильно!” Сегодня он моралист, однако еще 40 лет тому назад (мгновение для жизни человечества) со страстью предавался самоуничтожи-тельной Бойне и прекратил ее далеко не по собственному желанию.

В периоды бездействия, так сказать “штиля” в истории, и ранее наблюдалось явление переосмысливания “действующих” эпох и их *d?noncement*.⁸⁴ Настроение, подобное современному, некоторое время господствовало в Европе после Венского конгресса 1814 года.

После Ялты же PAIX ATOMIQUE на целых сорок лет заморозил карту Европы, насильственно остановил историю. И утвердил бы вечную Ялту, если бы не

81

82

83

84

психологическое оружие. Одним из мощнейших средств психоуничтожения послужил ревизионизм.

Ревизионизм есть метод ведения “холодной” войны, сознательный или подсознательный, он — основной ее метод.

Посмотрим, как употреблял ревизионизм Западный блок. Ялта как символ “несправедливого” передела мира вызвала все большее возмущение по мере отдаления от февраля 1945 года. До Ялты важнейшим историческим событием ревизионизм сделал договор о ненападении между Германией и СССР (1939 г.). Мюнхенский же договор (1938 г.), где Великобритания и Франция отдали Германии чехословацкие Судеты, поощрив ее формально на экспансию на Восток, ВЫПАЛ из истории. Известно, что он произошел, и тотчас после войны его называли “позорным” (среди прочих — Черчилль), но ревизионизм превратил “Мюнхен” в полузабытую дату, как и множество других, позорных для Запада дат 30-х годов. (Отказ Запада от предложения Сталина воевать совместно против нацизма везде, где он появляется, в 1936 г. в Испании... Преступное эмбарго Франции и Великобритании на экспорт оружия республиканской Испании...) На Западе предпочитают не помнить, что отлично вооруженные и многочисленные чехословацкие войска не сделали ни единого выстрела против вошедших в Судеты немецких войск (а через год в Богемию и Моравию); что Польша, управляемая в это время полуфашистским режимом “полковников” (подписавшая договор о неагрессии с Германией еще в 1934 г.), позволила себе оккупировать часть чехословацкой территории — Тешин. Как и то обстоятельство, что до самого конца 1939 года Гитлер серьезно надеялся на создание англо-германского блока...

Согласно западному ревизионизму Центральная Европа — жертва СССР, в то время как в действительности она (за исключением Польши) есть взятые с боями территории государств, участвовавших на стороне Гитлера в войне против СССР (румынские, венгерские, хорватские, болгарские, словацкие дивизии, австрийцы и чехи входили в состав германских войск). Ревизионизм отсек германский нацизм от эпохи и (как уже было сказано, но уместно повторить это в ином контексте) согласно иудео-христианскому методу превратил в Монстра, в иррациональное Чудовище, поразившее благородных жителей Европы. То обстоятельство, что нацизм (так же, как и марксизм) был общеевропейской идеей, что корни его находились в популистском недовольстве капиталистической системой, что он был своего рода неудавшимся восстанием People против наследственных каст европейских администраций, замалчивается. Репутация народов в выборных демократиях должна быть чиста, так же, как и репутации наций. Европейские нации представляются ревизионизмом не питательной средой, из которой вырос нацизм, но жертвами нашествия германцев.

Не обработанная ревизионизмом, “сырая” история, однако, демонстрирует, что объединение Европы под водительской властью германского нацизма было полудобровольным (сопротивление европейских наций было, мягко говоря, “недостаточно активным”, а в случае родственных германских государств: Австрии, Чехословакии — не существовало вовсе). ореол мученичества был подрисован вокруг голов западноевропейских наций куда позднее. Ими же самими.

Но ревизионизм как метод не заботится об исторической истине, он намеренно изымает отдельный интересующий его объект, явление, личность из контекста эпохи и судит о нём со своей точки зрения — современной и моральной. И заинтересованной. Ревизионизм антиисторичен.

Северовьетнамский генерал Нгуэн Гуап, его армия и партизаны Вьетконга сумели победить полумиллионную американскую армию. Это известно военным историкам мира и в Пентагоне. В этой среде Гуап (самый маленький генерал в мире: 1 м 47 см) считается выдающимся военным стратегом, лучшим после второй

мировой войны. Но американское, уязвленное поражением сознание удобно переосмыслило случившееся, и мир получил ревизионистскую версию, с тех пор никем не оспариваемую: демократические силы в Соединенных Штатах остановили Вьетнамскую войну. Эта лестная для американской общественности версия (ложь, по сути дела) устраивает и американскую администрацию, и военных, ибо они разумно предпочитают, чтобы их считали побежденными общественным мнением своей страны.

Предпочтительная тактика ревизионизма — не прорыв танковых корпусов с целью захвата важнейших стратегических пунктов (блицкриг), но моральное осуждение. Испуганно выглядывающему из-под козырька PAIX ATOMIQUE западному европейцу прошлая история человечества представляется кошмаром крови и слез. Его психология соответствует его состоянию одомашненного животного. Движение, борьба, беспорядок неприятны санаторному больному, они отрицательны. Жертвы, для него неоспоримый аргумент,— доказательство вредности исторического явления. В результате он закономерно осуждает прежде всего эпохи, противоположные санаторному покою,— эпохи, в которые человечество пыталось изменить мир. Потому закономерно, что, едва очнувшись от Великой Войны, Homo Sanatorium всерьез занялся разрушением марксизма.

Уже с конца 50-х годов европейская левая интеллигенция, использовав предлог подавления СССР национального восстания в Венгрии, начинает рычать на первое в мире социалистическое государство. А в сущности, на марксизм как на идеологию, не оправдавшую надежд массового интеллигента на создание коммунистической Утопии, в которой интеллигенция станет господствующим классом. Раскаявшийся коммунист становится распространенным социальным типом и едва ли не профессией. (Элленстайн, Гароди во Франции, Джилас в Югославии, бесчисленные диссиденты в СССР и восточноевропейских странах.) Неутолимое желание понять и, поняв, отомстить: переоценить, пересмотреть русскую марксистскую революцию и ее идеологию — марксизм — вначале логично распространяется на самую сильную, победоносную сталинскую эпоху, презрительно окрещенную “сталинизмом”. Толчок этой первой, лимитированной еще волне ревизионизма дал Хрущев речью на XX съезде. (У него были свои, скорее личные, причины для пересмотра сталинской эпохи.) Однако начавшийся процесс — цепь раскаяний, разоблачений и атак на историю СССР невозможно объяснить исключительно шоком от разоблачений Хрущева и интервенциями в Венгрии и Чехословакии. Европейским компартиям была хорошо известна деятельность Сталина. Процессы 30-х годов широко освещались мировой печатью, Кравченко наделал шуму в Европе тотчас после войны, карта ГУЛАГа была напечатана в Великобритании еще в 1951 году. Интервенции происходили и раньше: не говоря уже о дележе Прибалтики, Польши и Бессарабии с Гитлером, вспомним о подавлении рабочего восстания в Восточном Берлине в 1947 году...

Вовсе не праведное возмущение прекраснодушных левых интеллигентов, обнаруживших ВДРУГ за сценой советского марксизма грязь, кровь и кости (они есть нормальные атрибуты истории), является причиной, оттолкнувшей их от СССР и марксизма. НО — ставшая наконец неоспоримой местная реальность: марксизм не победит в Западном блоке санаториев! Момент упущен. Пусть человек обыкновенно и обольщает себя тем, что мыслит идеалистическими категориями *счастья будущих поколений*, поступки его подчиняются стратегии его временной жизни. В партиях он ищет реализации себя. (Отвечающий на вопрос: “Зачем вы в партии?” — “Я в партии для счастья будущего человечества”, — есть лжец. Цели коллективного блага могут быть одной из причин, но ни в коем случае не главной...)

Примкнув к популярному коммунистическому движению после войны, массовый интеллигент покинул его довольно быстро для более “модных” движений —

маоизма, троцкизма, либерализма... Какое-то число европейских интеллигентов ушло из компартий после Венгерских событий, но массовый исход произошел после ввода советских войск в Чехословакию. Именно тогда мстительные перья интеллектуалов заработали над теоретическим уничтожением прошлого кумира “сталинизма”. Тогда же оставшиеся в партиях, желая отделиться от скомпрометированного советского марксизма, изобрели хилый еврокоммунизм, умерший в подростковом возрасте. На помощь им пришли советские диссиденты (многие из них — дети большевистских “бояр”, против которых, в частности, и был направлен террор Сталина. К примеру, Елена Боннэр, вдова Сахарова,— дочь погибшего в чистке секретаря Компартии Армении...), недовольные окончанием эры Хрущева (Брежнев пресек ревизионистские тенденции в советском обществе, остановил их), и за какой-нибудь десяток лет была проделана грандиозная работа РАЗРУШЕНИЯ. Но уже не только “сталинизма”, но и самого принципа марксистского государства и марксизма. К моменту публикации последнего тома “Архипелага ГУЛАГ” ревизионизм пересилил марксизм, одолел его не с помощью артиллерии и “Калашниковых” или “стингеров”, но пером и моралью. (Удивляет злобная радость интеллектуалов, как западных, так и советских, по поводу того, что Великий Русский Эксперимент не удался. А ведь Россия храбро испытала на своем организме Мечту Человечества о Справедливом коммунистическом обществе. Благороднее было бы остаться ей грустно-признательными за то, что она послужила собаке⁸⁵ для марксистского эксперимента. Неудача Русского Эксперимента, Крушение Великой Иллюзии — неудача всего человечества. Горькая. Что же злорадствовать?..)

В 1986 году вторая волна саморазрушительного ревизионизма накрыла СССР. Вот уже несколько лет с самоистязанием, достойным покаяния истеричного героя Достоевского — Раскольникова, предаются ревизионизму советская интеллигенция и администрация. Состоялась и реабилитация “жертв” сталинских процессов: Бухарина, Каменева, Рыкова и самого Троцкого — Голдстина (и тут Оруэлл ошибся!). Как видим, герои спешно заменены на постаментах жертвами. Ошибочной и преступной названа большая часть новейшей истории России/СССР. Но осуждение Истории — абсурдно. От того, что сталинская эпоха осуждена, она не перестает быть самой результативной эпохой советского государства: Великой Эпохой. В этот период советское государство достигло небывалого могущества. Что оставит после себя нынешняя администрация, еще не ясно. Писчебумажные подвиги ревизионизма? РАЗРУШЕНИЕ?

То, что ревизионизм западного толка (во многом совпадающий с критикой СССР Западным блоком) возобладал в Восточном блоке санаториев, явилось полной неожиданностью для Запада. Неприятной неожиданностью, несмотря на то, что Запад искренне рукоплещет советскому саморазрушению. Администрации его (возглавляемые администраторами Соединенных Штатов) ведь строили доселе всю стратегию своего поведения на твердом постулате, что СССР и государства Восточного блока — враги. Огромные преимущества Абсолютного Врага где-то на востоке сознания очевидны. Воображаемая “Советская Опасность” дисциплинировала западные общества, держала их в мускулистой форме, препятствовала их ожирению. На СССР всегда можно было выплеснуть опасную для хранения в Западном Доме коллективную агрессивность. СССР служил средством координации Западного блока в системе морали. Из того, что СССР “плохой”, автоматически следовало, что Запад “хороший”.

Что они станут делать теперь? Враг необходим Западному блоку санаторной цивилизации для существования (для России сейчас враг — собственная История),

для оправдания поддержания выгодного PAIX ATOMIQUE. Упорствовать в старой стратегии, несмотря на то, что близнецовая похожесть двух блоков теперь столь явна? Один из советских администраторов — Георгий Арбатов сказал в адрес Соединенных Штатов: “Мы совершили с вами самую ужасную вещь, какую мыслимо совершить. Мы лишили вас врага”. (Редкое по проникновенной мудрости высказывание.) Откол от общеевропейского дерева цивилизации русской ветви в 1917 году теперь, когда страсти поутихли, выглядит подобным расколу христианской церкви в 1054 году на католическую и восточную. Верно, что “первая пролетарская революция” была сильно объявлена, претендовала на радикальное переустройство мира, но через 70 лет обнаружилось (понятное ясным умам и в 1917 г.), что советский социализм и санаторные режимы Западного блока есть ветви одного дерева цивилизации. Обе ветви подверглись санаторизации. А проблемы количества держателей акций в индустрии, так же как и проблемы процессуальности доступа к Святому Духу, уже никого не волнуют.

Так как санаторный житель никуда не следует, ничему не наследует, не обязан отчитываться кровью за принятую позицию, то его эмоциональные интерпретации истории не знают меры и преспокойно углубляются за пределы здравого смысла. Создается впечатление, что санаторный человек уверовал в возможность переделки истории простым переписыванием ее.

От русской революции санаторный интеллигент перешел сегодня к еще более крупному проекту разрушения: он поставил под сомнение Французскую революцию как событие и идею, лежащую в основе современного мира. Недавно отмечено было двухсотлетие Французской революции. Своеобразно приветствуя ее, появилось заметное количество книг, осуждающих если не впрямую саму революцию, то ее побочные эффекты — например, “геноцид в Вандее”, казнь Людовика XVI... Авторы посягают на авторитет лидеров революции, всячески снижая их образы. Под пером историков-ревизионистов (назову здесь одного: Франсуа Фюре) посредственный Сийес стал главной фигурой революции. Герои же ее — “основные действующие лица” Дантон, Марат, Робеспьер, Сент-Жюст,— подвергнувшись ревизии всецело в духе санаторных вкусов и пристрастий, изображаются злодеями, глупцами, бессмысленными марионетками, угождавшими толпе, тщеславными позерами... Возможно, часть их таковыми и были, но что это меняет? История совершается всякого сорта возбуждающимися. Основное в них — жизненная сила, а не их моральный облик. В ревизионистском толковании Французская революция предстает как случайность истории, от пристрастия к каковой самое время наконец избавиться, может быть, оформив современное государство в виде монархии!!! (И в этой, казалось бы, безумной идее нет ничего удивительного, так как под защитой PAIX ATOMIQUE больные могут без опаски переодеваться и распределять роли как угодно. Бурбон вместо Миттерана будет лишь заменой физиономии в газетах и на экране теле. Но ничто не изменится в способе существования санатория.) Ревизионизм — “пересмотр” истории (заметим близость термина к советской “перестройке” — каковая есть ревизионизм в чистом виде) сделался настолько мощным движением, что из метода обращения с историей превратился в универсальную идеологию современности. И в известном смысле стал мировоззрением ее. Современный человек *утверждает себя, разоблачая историю*. Не действует, но судит. Потому что сам он не может творить историю. Он несвободен в действиях, хотя и скрывает от себя свою несвободу домашнего животного цивилизации, сменившего свободу на “хорошую” жизнь.

Разоблачения революций и эпох, пересмотр истории не следует ли объяснить комплексом неполноценности населения санаториев по отношению к эпохам героическим, мужественным и в известном смысле более свободным? Усиленное возвышение роли “прав человека” (пригождающихся побежденному и направленным

против победителя), страх крови, смерти, истеричный культ жертв — побежденных, а не победителей — все это не есть ли попытки нашей постисторической эпохи перетянуть одеяло на себя? Наглые попытки импотентов перевернуть все с ног на голову: представить virilit? ⁸⁶ и потенцию как порок и преступление, а свою презренную импотенцию как достоинство? Метод накопления, метод Ивановых/Жюльена Сореля братьев (ни в одну эпоху столько не считали! Сколько цифр вокруг!) возобладали над решительной акцией — чудом. (Цифры враждебны чуду. Иван получает не столько-то тонн зерна, репы, гвоздей, золота... но полцарства.)

Ревизионизм закономерно распространяется не только на явления, но и на множество личностей в истории. Гитлер и позднее Сталин морально осуждены и превращены в фигуры Антихристов. Подвергся ревизии, пусть и не в такой, как они, степени (еще) Мао Цзэдун. Но вот президент Трумэн, принявший решение о бомбардировке ядерными бомбами гражданского населения Японии, звания Антихриста избежал. Ну, скажем, если Гитлера отмыть сегодня трудно, то, поместив на чаши весов Хиросиму/Нагасаки и ГУЛАГ/культ личности, заметим, что перевешивает все же первая. И символически, так как трагедия Хиросимы/Нагасаки открыла эру ядерного каннибализма. И как геноцид чужого населения. Сталин же, как известно, в основном занимался дорогостоящими социальными экспериментами в пределах СССР и над “своим” населением. Разумно предположить, что кто-то приложил руку к чаше с ГУЛАГом или подбросил вверх чашу с японскими жертвами.

Иллюстрируя ревизионизм, интересно привести здесь две трактовки одного и того же события. Сын Сталина — Яков Джугашвили был захвачен в плен германцами. После битвы за Сталинград германское командование предложило Сталину обменять фельдмаршала Паулюса, плененного советскими, на сына Якова. “Я солдат на фельдмаршалов не обмениваю”, — ответил Сталин. Яков был расстрелян немцами в 1944 году. Ревизионистская трактовка события: Сталин — чудовище! Не пожалел даже собственного сына. В контексте эпохи событие выглядит по-иному. Под давлением обстоятельств войны (гигантские потери, миллионы пленных) Сталин запретил красноармейцам сдаваться в плен, приравняв пленение к предательству. Он не мог сделать исключение для своего сына. Римляне героической эпохи поняли бы и оценили жест Сталина.

Не избежали ревизии и писатели. В особенности пострадал Хемингуэй. Вне сомнения, именно по причине того, что он сам и его герои есть последние по времени проявления мужественности в большой литературе. В новейших критических биографиях Хемингуэй предстает нам полной противоположностью бравого авантюриста Папы Хэма (первые атаки против него относятся еще к концу 50-х — началу 60-х...). Его экспедиции в Африку презрительно именуется organized safaris.⁸⁷ Его многочисленные браки в сегодняшней ревизионистской трактовке — суть доказательства его неполноценности как мужчины. Получается, что Хемингуэй был последовательно оставлен женами по причине того, что не мог их удовлетворить, и потому стремился утвердиться другими способами: отсюда его страсть к тавромахии, боксу, войне и прочим проявлениям мужественности, включая неумеренное употребление алкоголя. Его участие в, по меньшей мере, трех войнах высмеивается и низводится до уровня оперетты.

Метод, примененный к Хемингуэю, характерен и для великого множества других хлынувших потоком в последние годы “критических биографий” великих людей прошлого. Особенностью метода “нового биографизма” является *отрицание значения собственной ВОЛИ и ВЫБОРА индивидуума* и представление о человеке

86

87

как жертве (сифилиса, импотенции, алкоголизма, всего набора фрейдистских комплексов...).

Немилость, в какую впал Хемингуэй, объясняется ревизионистским развенчанием мужества/virilit?, так же как и противоположный ему феномен популярности такого писателя, как Франц Кафка. Раздражительно символистские книги последнего — всего лишь третьесортная литература Австро-Венгерской империи, но выдаваемые за пророчества и предвидения вскоре пришедшего фашизма скучные приключения его алгебраических героев (жертв!) вознесли Кафку — невротического клерка страховой компании посмертно в гении. Популярность Марселя Пруста и его мироощущения старой тетушки-буржуазки (не аристократки, ни в коем случае), в пыльном платье уснувшей в тени кружевного зонтика за чаем с печеньем, есть также следствие определенного предпочтения — феномен коллективного сознания эпохи. Немужественность и безгероичность перепуганного сознания жителя дисциплинарных санаториев закономерно выражается в предпочтении писателей кемужественных. Последним романом, дружно восхитившим европейцев, был “Парфюм” Патрика Зюскинда — барокко-история (в рамках средневековой Европы) горбуна-парфюмера, добывающего чарующий парфюм из субстанции убитых им юных девственниц. Кафка-меланхолик, Мистер К., Многоножка Грегор Замза, жертвы, горбуны, пыльные тетушки и уродцы предпочтительны обитателю санатория. Но не римский центурион-красавец, не солдат в униформе, не твердые принципы и твердая рука. Потому что санаторный человек отождествляет себя с уродцами-жертвами и не может отождествить себя с солдатом.

Словарь санатория

Словарь, нами употребляемый,— это мы; терминология общества — само общество. Космополитическим средством выражения современного мира, как уже было сказано, все настойчивее становятся цифры — “латынь” современности. В символы же нашей эпохи следовало бы избрать проценты.

Существующая общая для всего созвездия санаториев социальная терминология является одновременно и философской системой мышления о человеке и его функции на земле (согласно ей человек — производящее предметы животное, машина), и системой функционирования санаториев.

Термины: education — formation — employment — work force — social security — vacation — leisure time — family allowances — retirement insurance policy — retirement — death...⁸⁸ — самым непреклонным образом составляют цепь предсказуемой жизни. Как безжалостный конвейер, первыми зацепляют маленького Шарло⁸⁹ зубья школы и передвигают на операцию formation, чтобы уже не отпустить никогда. Не давая Шарло опомниться, конвейер движет его от операции к операции — к смерти. Загипнотизированный определенностью социальной терминологии, ее обязательностью, массовый человек не имеет сил вырваться из зубьев социального конвейера. (Интересно, что даже привычный термин “свободные профессии” спокойно подразумевает, что все другие профессии не свободны.)

Разумеется, центральным термином в обществе, поработанном трудом, измеряющем себя количеством труда, является ТРУДОЗАНЯТОСТЬ — EMPLOYMENT, оно же *boulot* (французское народное аргю), оно же прославленное

американское job. Это, без сомнения, самое употребимое слово нашей цивилизации после “мама” и “папа”.

Противоположность лучезарного солнца employment есть трагическое, страшное и грустное слово unemployment — ch?mage — безработица. Бюро unemployment — места скорби и тоски, подобные кладбищам, во всяком случае, такими они видятся обществу.

Абориген из песков Австралии не поймет ни счастливой лучезарности employment, ни трагичности unemployment, но в контексте санаторного общества эти термины так же определены и противоположны, как счастье и несчастье. Потерявший работу передвигается из респектабельной категории примерных тружеников-больных в категорию *жертв*. Не только абориген из песков Австралии, но и европеец эпохи Французской революции не понял бы причины самоубийства современного безработного.

В разделе жизни на куски (так вульгарно разделена на карте-схеме на стене мясного магазина туша коровы) — предсказуемые периоды, в статистике ее (среднестатистический больной уделяет столько-то минут в день такому-то занятию: кушает, какает, писает, смотрит теле...) содержится унижительная, безжалостная и непристойная бесцеремонность. Жизнь личности низводится обществом до нескольких программированных процессов. Администрация современного санатория говорит о своих населенных с циничностью практичного владельца фермы животных, рассуждающего о новом способе их содержания. И этой же фермерской терминологией пользуются сами населенные, принимая реальность человеко-фермы. (С единственным отличием, что САНАТОРИЙ использует не мясо и молоко животных, но их труд.) И дело не только в обидности терминологии, но в том, что вся мистическая сложность человеческого существа бесцеремонно сведена к механическим категориям. Терминология, заимствованная из сельского хозяйства, является популярной, единственно распространенной философской концепцией человека, хотим мы этого или нет, утверждаемой всякий раз, когда употребляются ее термины. Запугав человека страданиями, войной, голодом, безработицей — то есть свободой, заключив его в санаторий, цивилизация превратила его в одомашненное животное, подчиненное механической дисциплине, в *получеловека*, в *подчеловека*.

Не стесняясь готовить молодых людей к концу жизни, предлагая (вот пример настоящей obscenity⁹⁰, в отличие от порнографии) начать строить свою старость с двадцати лет, выплачивая retirement insurance⁹¹, общество ограничивает предел жизни, подчеркивает ее конечность и, по сути дела, декларирует неважность жизни, несущественность. Человек не важен, он умирает, а work force остается. Рабочая сила — вечная категория.

Цветущим (и наиболее фаворизированным) считается в санатории возраст наибольшей трудоспособности. Пик трудоспособности обыкновенно помещают в пределах 30—40 лет. После 45 лет человеческому существу трудно удержать и еще труднее найти работу... Страшен последний этап жизни санаторного человека-животного — старость. В senior citizens home⁹² помещены отработанные отходы — конечный продукт: те, кто выброшен безжалостным конвейером, отпущен наконец восвояси. Перемазанные кашей ли, дерьмом ли, играющие в карты или сгрудившиеся у телевизоров, бывшие work force страшны. Не старостью, которая сожальтельна, но есть явление нормальное, но жестоким бессмыслием существования. Зачем они были? В разные эпохи своей истории отвечавшее на

90

91

92

вопрос по-разному человечество, возвеличивавшее то солдата, то христианина, на сей раз отвечает на вопрос самым недостойным образом. Они были, чтобы послужить work force на человеко-ферме. Их индивидуальные, для себя, активности обыкновенно сводятся к двум: насыщение и секс. К старости удовольствие секса заменяется удовольствием сна и испражнения. Отходы общества в старческих домах есть (перестав быть producing machines⁹³) shiting-machines (от shit — дерьмо).

Отделение возрастных слоев друг от друга в санатории соответствует разделению животных на возрастные группы в передовом фермерском хозяйстве. Если бы христианство было бы живой силой, ему следовало бы восстать против антихристианской концепции человека-животного — производящей машины, объявить войну санаторному обществу, уйти в катакомбы. Но едва дышащая после двух тысячелетий активности церковь довольна маленьким теплым углом, оставленным ей в санаторном мире. Церковь уступила мир силам, прямо враждебным учению Христа.

Санаторный моральный кодекс не причисляет старческие дома / senior citizens home / foyers de vieillards к стыдным или негативным терминам. Они занимают вполне достойное место в санаторном словаре, обозначая места коллективного обитания стариков.

Негативные термины словаря, естественно, служат для характеристики жизнедеятельности тех, кого наш санаторий (чаще всего, наш блок санаториев) избрал во враги, являются атрибутами их социальной действительности или существовали некогда в презираемом нами нашем неразвитом прошлом — в истории. Если безработные или “новые бедные” есть элементы санаторной реальности, то негативность этих терминов смягчается постоянной дискуссией по поводу способов устранения этих явлений. К тому же unemployment не абсолютно негативен — он дисциплинирует work force.

Распространен метод изъятия из словаря дискредитированного слова и замена его недискредитированными (лучше несколькими). В аппарате администрации действительно нет службы под названием “Цензура” — но есть службы наблюдающие, руководящие, координирующие (мягкое насилие любит расплывчатые синонимы). Деятельность, например, media в Соединенных Штатах координирует FCC — Федеральная комиссия коммуникаций, пять ее членов назначаются президентом. Во Франции теле координирует CSA — члены ее назначены президентом и премьер-министром; за публичной моралью наблюдает министерство внутренних дел. Существуют (всегда) запрещенные книги и фильмы. Например, в санатории Франции в 1987 году были сожжены (!) 17.000 экземпляров книги Лоран Галли “L'agent noir” (издательство Робэр Лаффон). Книга Кристиан Лаборд “L'Os de Dionysos” была два года запрещена и арестована. Ведущий телепрограммы “R?sistance”, осмелившийся объявить высылку сотни малийцев из Франции противозаконной, противоречащей правам человека операцией, исчез с экранов теле.

Слово “террорист” — самое черное в санаторном словаре, практически антитеза белоснежного Идеального Больного. “Террористы” — фигуры со статью Антихристов. Часть их является в Европу с Ближнего Востока, из несанаторного мира, и мстит невинным населением западных санаториев (с риском для собственных жизней) за продажу администрациями сверхсовременных оружия массового уничтожения их (террористов) врагам. До того как три сотни невинных американских морских пехотинцев были взорваны камикадзе — шофером-террористом в Ливане, невинный крейсер “Нью-Джерси” регулярно расстреливал из могучих орудий (с безопасного расстояния) невинными тысячами

тонн снарядов ливанские деревни. Не подвергая сомнению действия родного санатория, всегда принимая за аксиому его “хорошесть”, санаторный больной не способен понять мотивировок действий “ближневосточных террористов”. Между тем, понять “террористов” легко, представив себе реакцию населения Бретани или Нормандии, если бы крейсер “Нью-Джерси” забрасывал бы своими невинными снарядами бретонские или нормандские деревни.

Встречаются еще в санаториях и местные террористы. Германские, французские, итальянские... В 70-х годах их было много больше. Наши террористы, обыкновенно, хорошо образованны. Ганс Баадэр, до того как сделаться главарем “банды” Баадэра, был многие годы главным редактором интеллектуального журнала “Конкрет”, а Ульрика Майнхофф — талантливой журналисткой. Обыкновенно не принадлежа к People по рождению, наши террористы (как и подобает возбуждающимся) писали и пишут на своих знаменах имя People, конкурируя таким образом (непрощеные наемники) с администрацией за право представительства и защиты интересов People. У самих People нет ни способностей, ни возможностей разобраться: может быть, какие-нибудь террористы, став администрацией, защищали бы их интересы лучше? Не терпящая конкуренции администрация подавляет террористов старыми методами насилия. В 1988 году на территории Гибралтара special forces ее величества королевы английской застрелили троих ирландцев, подозреваемых в принадлежности к ИРА, самым диким и трусливым образом, с расстояния менее метра, безоружных. Один из террористов был пробит шестнадцатью пулями! (Интересно выглядит в свете этого события возложение мадам Тэтчер венка на могилу отца Попелюшко — жертвы польских special forces.)

И террористы, и администрация апеллируют к тому же ЧУДИЩУ, к People, по причине того, что рынок Идолов небогат. Бог покинул человека, кажется, навсегда или сделался безразличен к его судьбе, монархизм вдохновляет немногих, а популярность People у них же самих, очевидно, никогда не иссякнет. Если предложить санаторному словарю нижеследующее определение термина “террорист”, то, разумеется, в санаторном обществе с ним никто не согласится; между тем, оно вполне сбалансированное и отличается бесстрастностью: “Террорист, террористы — индивидуум или группа лиц, исповедующих радикальные социальные идеи, каковые общество не умеет или не желает абсорбировать (предложить публичную трибуну для их обсуждения). Лишенные легального участия в борьбе идей, они вынуждены с оружием в руках (путем террористических актов) пытаться достичь оглашения и (как они надеются) последующей победы своих идей”.

Популярные фильмы обыкновенно изображают “террористов” злобными молодыми людьми с неуравновешенной психикой. Предводительствует бандой психопатов, как правило, человеконенавистник средних лет (бритоголовый садист, или вариант — садистка-лесбиянка). Сравнив кинематографический имидж “террористов” с кинематографическими стереотипами “фашистов-нацистов”, заметим общность. Очевидно, ни в каком кодексе не сформулированное, могущественное ТАБУ наложено на реалистическое изображение враждебных санаторной цивилизации групп, как прошлого, так и настоящего. (Множество ТАБУ вдруг обнаруживается в практике якобы всеразрешающего общества, если присмотреться.) Нацисты в фильмах обыкновенно или карикатурно глупы (в знаменитой серии MASH, в фильмах о французском Сопротивлении), или карикатурно жестоки. Трудно себе представить, как такие клоуны могли захватить всю Европу. В виде редчайшего исключения (как в фильме по роману Фредерик Фажарди “La th?orie du 1%”, где юный немецкий солдат растерзан толпой французских крестьян) возможно увидеть немецкого солдата не клоуном и не садистом, но жертвой. Настоящего реабилитирования фашистов-наци никогда не

произойдет, так как у населения санаториев может возникнуть множество вопросов по поводу современности. Не следует забывать, что самая суровая критика капитализма исходила от национал-социализма.

Моральное осуждение врага, окарикатуривание его есть месть и одновременно вуду-церемония (изгнание памяти о прошлых унижениях, которым он подверг предсанаторную Европу, о том, что не “мы” победили Гиганта). Употребляемые по адресу врагов (прошлых и нынешних) и несанаторных обществ негативные фетишистские термины: *тоталитаризм*, *нацизм*, *ГУЛАГ* (советский, камбоджийский, эфиопский...), *сталинизм*, *диктатура* (чилийской хунты, Стрэгснэра, Ярузельского до 1989 г....) — есть охранительные ТАБУ, призванные блокировать мышление больного. Они запрещают мысль, пресекают все попытки понимания, заменяя сложнейшие и всякий раз различные явления действительности упрощенным имиджем-символом. *ГУЛАГ* и *Тоталитаризм* звучат сегодня с той же силой, как некогда *АД* и *Геенна Огненная* или *Вечное Проклятие*. Редко кто оспаривает в санаторной цивилизации упрощенные символические имиджи. Однако, прочтя случайно книгу Грэхэма Грина “Getting to know the General”, вдруг обнаруживаешь на месте (покойного) “диктатора Панамы” — сложного и симпатичного человека Омара Торрихоса, на месте “диктатуры” — сложнейшую ситуацию маленькой страны, живущей, да, под диктатурой, но Панамского канала и Соединенных Штатов.

Употребительны в санаториях имена четырех всадников Апокалипсиса: *Souffrance*, *Douleur*, *Mis?re*, *Pauvret?*.⁹⁴ Этим предлагается избегать всеми силами, вплоть до самоубийства. Страшные всадники подстерегают отбившегося от стада, потерявшего работу несчастливца. “Если ты будешь плохо учиться, Джон (Жак), — говорят мамы санатория подросткам, — то твоя жизнь пройдет в компании *Souffrance/Douleur/Mis?re/Pauvret?*”. Между тем четыре всадника, которых страшится санаторный мир, есть всего лишь расплывчатые характеристики жизни. Даже в различные десятилетия XX века у различных санаториев были свои представления о расшифровке символов-всадников. (В романах XIX в. возможно прочесть строки: “Он был так беден, что в комнате на полу не было ковра”.) В 80-е годы XX века в санаторной Европе *Mis?re/Pauvret?* расшифровываются как отсутствие общепринятого комфорта. Для многих больных санатория необходимость ежедневно готовить пищу дома и невозможность посетить ресторан хотя бы раз в неделю есть *Mis?re/Pauvret?*. Между тем, пройдя тотчас после закрытия магазинов по торговым улицам городов Западного блока, можно обнаружить в ящиках вдоль тротуаров овощи, фрукты, подсохший, но отличный хлеб, обрезки мяса и рыбы в таком количестве, что становится ясно, почему “Голод” не добавлен пятым всадником к четверке. (Выходец из Восточного блока — автор этих строк, не раз обращался к услугам ящиков на рю Рамбуто и рю де Бретань, успешно дополняя свою диету. Уже будучи писателем. Эмигрантам из Азии и Африки европейцы смотрятся пресыщенными и неразумно придиричивыми гурманами.)

Что касается *Souffrance/Douleur*, они вовсе не означают в санаторном обществе пытки каленым железом или колесование, как в средневековом. Разумеется, побитый хулиганами гражданин испытывает реальные физические страдания и боль, но в таком случайном качестве они нисколько не пугают санаторных больных. И граждане не боятся ежедневно садиться в миллионы автомобилей, несмотря на много тысяч смертей в год и еще большее количество увечий. Механическое, выборочное насилие автострад никого не пугает.

Те же Страдания/Боль употребляются в санатории для обозначения моральных терзаний, отрицательных психологических эмоций. Скажем, *souffrance* от зависти к материальному уровню жизни соседа, получившего наследство, *douleur* подростка от

невозможности приобрести мощный мотоцикл. (Мы оставим Страдания/Боль в области личных отношений по поводу потери любимого человека (измены, смерти) без комментариев, так как нас интересует “человек социальный”).

В своем основном, генеральном, смысле *Souffrance/Douleur* в санаторном обществе символизируют иррациональный страх этого общества перед несанаторной, “натуральной” действительностью. Страх обитателей теплой искусственной камеры-пузыря перед вольным миром вне его. Страдания и Боль в этом контексте есть процессы, свойственные активной, не защищенной, но и не скованной санаторным режимом жизни. Могучим кодексом санатория Страдания и Боль признаны, безусловно, отрицательными. Согласно этому кодексу эмоции больных должны быть положительными, а существование должно быть pleasant.⁹⁵ Приносить pleasure.⁹⁶

Но существует и иная, подавленная в санаторном обществе точка зрения на *Souffrance/Douleur*. ОНИ АБСОЛЮТНО НЕОБХОДИМЫ для поддержания человеческого существа в здоровом равновесии. Удаление их из жизни (так же, как и удаление возможности употребления разумной дозы личной агрессивности) привело к коррупции человека, к превращению его в домашнее животное. Пусть и способное размышлять. Человек должен встречать препятствия в своей жизненной активности и преодолевать их. Быть больным санатория протвееественно для его биологического вида. Да, человек всегда стремился устроить условия своей жизни, но одновременно он есть охотящееся животное и мыслящее существо: поместить его в мирные загоны санатория в такой же степени аморально, как и поместить все человечество в оруэлловскую Океанию — тюрьму строгого режима.

“Счастье” в санаторном словаре отождествляется чаще всего с покоем, сытостью и материальным благополучием. Однако современные оракулы: ни *SOFRES*, ни *Gallup Poll* — никогда не попытались измерить и сравнить количество счастья в санаторных и несанаторных странах. Где, интересно, количество счастливых людей среди населения выше, в Париже или в Сараево? Несмотря на кажущуюся абсурдность вопроса, возможен сюрприз. Очень часто кинохроника демонстрирует нам руины городов экс-Югославии с перебегающими по ним молодыми людьми с автоматами. И лица этих людей, как ни странно, вовсе не несчастны, но горделивы, независимы и часто украшены улыбками, несмотря на то, что нам много раз удавалось увидеть, как один из молодых людей падает вдруг, сраженный пулей. (Камермен похрабрее одаривает порой зрителя крупным планом развороченного осколками живота: в пурпурной массе детали мало различимы, и рана в живот впечатляет меньше, чем оторванные гранатой конечности.) Напрашивается вопрос: почему эти радостные молодые люди не покинут город, не сбегут от войны? А что, если молодые люди в войне счастливы?

Их об этом не спрашивают. Обыкновенно *media* интервьюирует почти исключительно жертв войны — детей, женщин, торговцев. Даже *свой* солдат не в почете в санатории, тем более трудно ожидать от администрации и *People*, чтобы они понимали чужих солдат и их удовольствия. Ассоциирование нас (себя) с жертвами, детьми и инвалидами не случайно — ведь обитатели санатория именно инвалиды, их содержат, как хронических больных, они неполноценны на всю жизнь, ибо добровольно отказались от некоторых функций Человека. Они ведь даже не тюремные заключенные, те мечтают о свободе. Но БОЛЬНЫЕ.

Положительность МИРА и отрицательность ВОЙНЫ якобы очевидны. Если кто-либо попытается защитить право человека на агрессивность, его тотчас объявят сумасшедшим. Однако под угрозой тотального уничтожения человечество живет в

ситуации тотального принудительного мира, насилующего природу человека. Ядерно-химическое extermination не есть война и, как уже было сказано, создано было необходимостью супергосударств уничтожать большие массы народа. Но физическое столкновение-поединок отрицателен ли? Большинство юных Шарло в санаториях всячески увильивает от обязательной воинской службы, да. Но всегда есть постоянный процент людей, желающих воевать. Во времена агрессии Соединенных Штатов во Вьетнаме Генеральный штаб Советской Армии был завален заявлениями от молодых офицеров, желавших отправиться помочь вьетнамцам. Большинство заявлений исходило от дисциплинарных нарушителей, сорвиголов, от возбуждающихся. Им очень хочется насладиться свободой борьбы, конфликта. Да и часть высоконравственных People не прочь побегать по чужим или своим полям и городам (лучше всего по Бродвею, улице Тверской или Елисейским полям) с автоматами... И в большинстве случаев не у бедных людей, не у подавленных жертв безработицы возникают такие желания, но (вопреки утверждениям вульгарной модной социологии) в беспорядках с удовольствием участвуют состоятельные люди — подавленные возбуждающиеся. (Поразителен социальный состав арестованных во время беспорядков, последовавших в результате нью-йоркской, 1977 г., black-out⁹⁷, аварии электросети. Множество обеспеченных людей среднего класса громили магазины.)

Смерть молодого буйвола, грохнувшегося с маху на сараевскую мостовую всеми килограммами загорелого тела плюс вес амуниции, только в том случае есть трагедия, если идеал конца человеческой жизни есть американский senior citizens home. Населенный больными старыми животными, измазанными кашей и дерьмом, синильными и безобразными. Прежде чем жалеть сербов и хорватов, пожалейте самих себя, вам никогда не испытать их эмоций.

Свободы, старые и новые

После Democracy Freedom/Liberty⁹⁸ — наиболее употребимое слово-фетиш Западного блока санаториев. Он всегда восхвалял в качестве преимуществ своего блока различные liberties. Вне сомнения, множество свобод возможны в Западном блоке. (И все большее количество свобод возможно в спешно ревизионирующемся Восточном.) Свободы достигнуты, а общество, вопреки свободам,— дисциплинарное, основанное на ограничениях и запретах, и все большее количество полиции необходимо для поддержания существования Демократии. Противоречие объясняется, если вспомнить о происхождении свобод, о том, что *все свободы, осуществленные в санаторном обществе, есть свободы старые, сформулированные в XVIII веке, а то и ранее*,— еще при абсолютизме. Общество успело стать буржуазным, индустриальная революция изменила его в постиндустриальное, две мировые войны и PAIX ATOMIQUE сделали его санаторным, а свободы у граждан все те же, и список их не пополнился. Если уголовный кодекс — свод действий, запрещенных гражданину, пухл, как Библия двух заветов, то Декларация прав человека и Список свобод гражданина умещаются на считанных страницах. Если уголовные кодексы санаторных обществ обросли уже в санаторное время поправками, во много раз превышающими текст самих законов, тексты свобод остались такими же тощими. К старым свободам, как и к старым законам уголовного кодекса, нужны добавления и поправки, по меньшей мере. К

97

98

тому же образовались новые области жизни общества, в сфере которых свобода гражданина никак не гарантирована.

Почему так случилось? Дело в том, что целое столетие политическая борьба внутри европейской цивилизации в основном сосредоточивалась вокруг проблемы радикального переустройства обществ (во всяком случае, коммунизм и нацизм претендовали на радикальность). За или против. Путем революции или после победы на демократических выборах. Будущее представлялось или в контексте тяжелых “новых” идеологий (теологии), или в виде стабильного вечного капитализма. Опровергнуть или доказать выкладки марксистской казуистики казалось обоим лагерям куда более важной задачей, нежели формулировка новых законов, регулирующих жизнь существующего общества: новых обязанностей и свобод.

Результат единоборства европейской цивилизации с ее радикальными ересями оказался неожиданным. Нацизм побежден. Восточноевропейский же коммунизм и капитализм, взаимно изменившись под воздействием борьбы, преобразовались вначале в два похожих санаторного типа блока, чтобы затем коммунистический блок рухнул на востоке Европы. В советской Азии, на Кавказе и в Прибалтике образовались досанаторные этнические режимы. Кажется, только в России сохранится санаторный режим, на знамени которого написаны свободы, но старые, присущие прошлому. Разумеется, те же, что и в санаторных обществах Западной Европы.

Да. Да. Да. Старые свободы осуществлены в санаторных обществах Запада. И еще раз *Да*. Но старые свободы потеряли смысл.

В санаториях существует безусловная свобода печати. Получить разрешение на издание газеты или журнала нетрудно. (Практически это лишь регистрация.) Троцкистская Socialist Workers Party (SWP) в Соединенных Штатах издает газету и журнал и, таким образом, пользуется freedom of press.⁹⁹ Однако существующие лишь на членские взносы партии (малочисленной) издания SWP печатаются ограниченными тиражами — в 1.000 и 1.500 экземпляров. Распространяются они по подписке или продаются самими членами партии на улицах. Распространительская сеть недоступна этим изданиям, поскольку распространение стоит дорого, и система private distributors¹⁰⁰ позволяет последним выбирать издания, какие они желают распространять. В санатории Соединенных Штатов Америки пресса — могучий хор, свобода печати существует, однако сказать, что в Соединенных Штатах существует равная свободная циркуляция всех социально-политических идей — невозможно. Взятая в качестве примера SWP не имеет практически никакого влияния на умы населения. Прославленный социальный консерватизм подавляющего большинства населения Соединенных Штатов объясняется во многом и тем, что консервативные газеты — колоссы, естественным образом финансируемые богатыми, задавливают своей массой журналы и журнальчики, выражающие иные социальные мнения и идеи. Лишь мысля в деревянно-формальных категориях, можно утверждать, что в Соединенных Штатах существует liberty of press. Если свобода печати не подкреплена свободой равного финансирования и равных возможностей распространения, то она остается мертвой свободой.

Пример, приведенный выше, годен и для санаториев Европы. Повсюду в санаторных обществах старые (наследственные) партии имеют все преимущества. (Лидер Фронт насьеналь Ле Пен абсолютно прав, говоря о диктатуре Четырех Партий во Франции.) Любое новое политическое движение (и движение мысли) попадает в заколдованный круг старых свобод, каковые в современных условиях

есть не свободы, но ограничители свобод. Чтобы стать массовым, каждое движение должно обладать средствами агитации и пропаганды. Но овладеть массовыми средствами агитации и пропаганды оно может, лишь получив финансовую базу, а получить финансовую базу оно может, лишь став массовым.

Равномерный доступ различных политико-социальных идей к гражданину должен быть урегулирован и зафиксирован новой свободой: *свободой, равной циркуляции идей в обществе*. Избегая ловушек старых свобод, она должна иметь в основе своей строгий принцип: идеи, поддерживаемые администрацией и финансово-привилегированными группами населения, не должны иметь преимущественного доступа к населению.

Упрек в отсутствии “демократических свобод” есть обычный упрек западных санаториев несанаторному миру и важный компонент нарциссизма Западного блока. (При этом всегда бывает забыта возможность других общественных традиций.)

Однако сравним *свободы печати*, скажем, в СССР в догорбачевскую эпоху и во Франции. Невозможность доступа рукописи к типографскому прессу (в этой области Франция выигрывает легко и без проблем), но эффективность циркуляции рукописей Самиздата в СССР с эффективностью циркуляции книг, опубликованных во Франции. Самые знаменитые самиздатские рукописи эры Брежнева — романы Солженицына и воспоминания Марченко — распространялись в СССР в десятках тысячах машинописных и копировальных экземпляров и были широко известны, по меньшей мере, многочисленной советской интеллигенции от Москвы до Новосибирска. Социальное эссе, книга, поддержанная media (и всеми видами публицити), будет продана во Франции средним тиражом 20 тысяч экземпляров. (Книга никому не известного автора в лучшем случае — 2 тыс. экз.) Результаты реальной эффективности, как видим, сходны. Следовательно, роль типографского пресса не является незаменимой, типографский пресс возможно обойти. Смысл свободы печати в эру ксерокс-машин иной, нежели в XIX веке. Куда большее значение, чем доступ к типографскому прессу, приобрели сегодня средства распространения, продажи книг (и естественно, идей вместе с книгами. Ибо, вопреки предсказаниям пророка визуальной эры Маршалла Мак Люэна, книга осталась самым эффективным способом передачи мысли и результатов мышления).

Доступ читателя к книге усложнился. Подобно тому, как с целью обесценить английскую валюту в последнюю войну германцы изготовляли и засылали в Великобританию тоннами фальшивые фунты стерлингов, так сегодня миллионы тонн *фальшивых* книг циркулируют в книжных магазинах санаториев. Из 30.424 названий, опубликованных в 1986 году французской книжной промышленностью, что же стоит купить и прочесть читателю? (Для сравнения, в 1960 г. было опубликовано 11.200 названий.) Дабы помочь публике отличить фальшивые книги от нефальшивых, вместе с литературой росла и оформилась институция профессиональных литературных критиков. Институция эта всегда была далека от совершенства, а в санаторном мире критики не легче читателей могут разобраться в океане изданий. Роль верховного литературного арбитра, как бы полиции полиции, играют сегодня несколько литературных телепрограмм. Теле (увы) является (как и во многих других областях) законодателем литературных мод, самовольно и единолично создает произвольную литературную иерархию и (как следствие этого) употребляет бесцеремонное насилие, вторгаясь и нарушая свободную циркуляцию идей и конкуренцию талантов. То, что подавляющее большинство литературной продукции не несет и никогда не несло важных идей, сути дела не меняет. Представим себе XIX век лишь без нескольких основных книг: без “Происхождения видов” Дарвина и “Капитала” Маркса. Представим себе, что этим книгам пришлось бы пробиваться к читателю в море из 30.424 названий и через литературные телепрограммы. Хватило бы у телеарбитров смелости пригласить никому не

известного волосатого профессора, перебивавшегося написанием статей для скучных экономических ревью? (О его существовании наверняка не знали вовсе члены тогдашней Французской Академии.) Марксу и Дарвину очень повезло, что в их веке не было могущественных телепрограмм, направляющих массовые вкусы. Вопреки здравому смыслу, в припадках нарциссизма жители западных санаториев восторгаются “свободой печати” и отсутствием “цензуры” в санаториях. Но цензура, запрет книг и публикаций есть средства из арсенала старого hard-насилия а-ля Оруэлл и даже дооруэллского насилия. Антитезами старого hard-насилия и служили старые свободы. И только в той системе они имели смысл. Санаторный режим soft-насилия требует новых антитез — новых свобод.

Свобода слова в супергосударствах ничего не значит без свободы быть услышанным. Франция или Соединенные Штаты — не каменные Афины, где можно было попросить слова, приподнявшись со скамьи в амфитеатре, собравшем всех или почти всех граждан города. Свобода слова, не подкрепленная свободой печати (внутри ее — свободами равного финансирования и распространения, как уже было сказано), не подкрепленная свободами радиослова и телеслова, есть мёртвая формула. Возможность же выразить свой гнев по поводу устройства санаторного общества в кругу приятелей в кафе своего квартала называть свободой стыдно.

Современному жителю санатория все менее понятно, какой смысл заключался некогда в свободе собраний и манифестаций. А ведь они были во времена неодомащенного человека очень опасными свободами. Всякое большое собрание — манифестация — кончалось в те времена прямой физической акцией толпы против существующего общественного порядка — бунтом. Но санаторная цивилизация прекрасно управляется со своими собраниями. Силы охраны порядка вооружены эффективными средствами контроля толпы, сами одомашненные граждане дисциплинированы, потому им позволяют собраться в организованную толпу и пройти под двойным контролем полиции и *service d'ordre*¹⁰¹ по улицам. (Нет оснований оспаривать необходимость контроля полиции за толпами. Она очевидна.) В Париже почти ежедневно происходит, по меньшей мере, несколько демонстраций. В 1968 году “собрания” длились месяц и не привели к падению режима. Миллион студентов прошли в декабре 1986 года по улицам Парижа, и никаких особенных беспорядков не наблюдалось. (Результат — проект неважного закона об образовании заморозили и убрали с глаз долой.) “Свобода собраний” — пример потускневшей в условиях санатория обессилевшей свободы. Лишь выход на улицы могущественных организаций — профсоюзов — имеет смысл. Но профсоюзы давно уже не покушаются на основные ценности общества, только на раздел прибыли. За пределами санаторной цивилизации — в Чили или Бирме, или Корее — да, “свобода собраний” все еще жива, полнокровна и актуальна.

Свободы выдыхаются. Теряют смысл. Но администрация молчит об этом, не желая опустошить рекламную витрину достижений санаторного общества, где среди жирных благ *prosperity* покоятся и пышно убранные мертвые и полумертвые свободы. Именно потому демагоги всех направлений, и в первую очередь находящиеся у власти администраторы, так много говорят в наши дни о “Правах Человека”. Методы мягкого насилия позволяют держать массы под контролем, не нарушая “права человека”. Ни французские 1789 года, ни универсальные — ООН — 1948 года.

Вернемся к аналогии с обязанностями гражданина. На протяжении тысяч лет тяжчайшим преступлением было перенесение межевого камня. Оно неизменно каралось смертью законами Хаммурапи, уголовными уложениями египтян, римлян и европейских стран Средних веков, так как покушалось на основное владение

оседлого человека — землю. В санаторном обществе перенесение границы земельного участка — нонсенс, и место ему в анналах ссор между соседями, но не в зале суда. Для наиболее тяжелых случаев уголовный кодекс предусматривает незначительное наказание, штраф. Потеряло смысл и сожжение на кострах еретиков, так как религия не вызывает более сильных страстей в санаторных больных. (Индия, называя себя демократией, живет вне санаторной цивилизации, а в проблемах Северной Ирландии религиозная принадлежность скорее есть местная символика для двух противостоящих кланов населения.) Однако никому не придет в голову похвалиться свободой несожжения на кострах еретиков в качестве достоинства “демократии”. Между тем хвастовство мертвыми “свободами” — обыкновенное явление. В каждой речи политических деятелей санаториев мелькают обязательные Freedom/Liberty's.

Задолго после окаменения формулировок “свобод” родились новые средства информации (они же средства внушения prefabricated мнений) — радио и телевидение. Старые средства presse ?cite¹⁰² благодаря новым технологиям обладают сегодня могуществом, какового себе не могли представить сильные умы, ни Декарт, ни Вольтер, ни Руссо. В их времена молва (“из уст в уши”), книги, функция которых была скорее сходна с функциями рукописей, да элитарные листки — робкие прапрадедушки современных гигантов прессы — составляли весь парк повозок средств информации, имевшийся в наличии. И сама информация, и идеи были обращены лишь к малочисленному образованному классу.

Эмоциональное, духовное и социальное меню санаторного человека поставляется сегодня в основном телевидением, радио и (в меньшей степени) прессой. Однако новых свобод, учитывающих новую действительность, не появилось. В телевидение, не спрашивая согласия гражданина, мертвой хваткой вцепилась администрация и владеет им. А ведь, по сути дела, должна бы появиться новая свобода: законоутверждающая права гражданина на его телевидение. Каким-то образом граждане ведь должны иметь доступ (и контроль над) к столь могущественному средству тоталитарного контроля над ними. (Телевидение — тотально. И тем оно в тысячи раз опаснее всех сотрудников доктора Геббельса и его очень эффективной некогда системы пропаганды.) *Для свободной циркуляции идей свобода доступа к теле сегодня важнее, чем свобода печати, слова и свобода собраний вместе взятые.* Ибо все они могут быть осуществлены на теле. Любая система управления теле была бы справедливее существующей сегодня системы телеэтизма. Даже если бы только телепрограммы были распределены между существующими *общественными* институциями санаторного общества. На освобождение телевидения от контроля государства администраторы не пойдут. Ибо это живая и, следовательно, опасная свобода. Это реальная власть. А администрация не желает делиться реальной властью с большими. Мертвыми привилегиями она с удовольствием делится.

Разумеется, администратор, даже самого лучшего качества, не есть изобретатель мотора социального автомобиля, он один из множества шоферов этого многосложного аппарата. Очень возможно, что, занятые борьбой с себе подобными и сложными отношениями с Реорле, администраторы не сомневаются, что свободы, сформулированные прапрадедами — живые свободы. Если это так, то их невежество не делает им чести. Если же отдельные администраторы знают, что свободы мертвы, держать в витрине мертвые свободы и похвалиться ими перед своими и несанаторными гражданами — равносильно фальшивомонетничеству.

“Свободные демократические выборы” — предмет особой гордости санаторной системы. В основе всеобщего избирательного права лежит устарелая досанаторная

идея о том, что всеобщее образование сможет (способно) развить всех взрослых членов общества в сознательных граждан, понимающих равно и свое личное благо, и умеющих, когда это необходимо, поступиться своим личным благом ради общего блага коллектива. Вторая основополагающая идея “свободных выборов” — предположение, что всякий гражданин способен иметь свое мнение. В идеале (если бы был возможен идеальный гражданин и все граждане были идеальны) демократическая система была бы идеальна. Однако реальность жизни человеческого коллектива доказывает как раз обратное — большинство граждан не имеют (не способны от рождения, нет времени выработать, нет желания выработать) своего мнения. Потому граждане (обработанные теле и всем оркестром media) голосуют за кандидатов, согласно prefabricated мнениям, подсказанным им media и приготовленным в недрах все той же администрации. Очевидно явное нежелание самих санаторных больных быть гражданами. Во Франции в президентских выборах 1981 года участвовало 28.517.660 человек, то есть половина населения. В Соединенных Штатах в выборах обыкновенно принимает участие подавляющее меньшинство населения!

Пользоваться для выборов Королевы Красоты системой, при которой ее поручено выбрать слепым от рождения,— абсурдно, с этим согласятся все. Однако доверить выборы лидеров санатория легко гипнотизируемым, легковверным (они однажды уже выбрали 30 января 1933 года “свободным демократическим” голосованием одного очень известного лидера), куда в большей степени несамостоятельным, чем это принято признавать, массам People — равносильно выборам слепыми от рождения Королевы Красоты. Однако престиж свободных выборов не падает, растет. Их экспортируют в несанаторные страны, и возможно наблюдать сюрреалистические феномены, вроде “демократических выборов” в 1980 году на Джамайке, в которых конкуренты обстреливали ралли политических противников из автоматического оружия. (Погибло 800 человек.)

“Свободные демократические” выборы никому не придет в голову заменить иной системой выборов администрации. Они так же вечны, как САНАТОРИИ, так же неоспоримы, как PAIX ATOMIQUE. Без демократических выборов и администрация, и People значительно уменьшатся в размерах. Церемония нужна обоим, как баптизм, как освящение власти, как право на власть.

Во Франции, стране, где я живу, Права Человека упоминаются сотни раз на день по поводу и без повода. На теле, в прессе, на радио. “Франция — страна Прав Человека”,— смакуют лидеры администрации и журналисты. Парадоксально, но Франция судит своих граждан по Кодексу Наполеона. Юридическая система Франции не знала до 1992 года презумпции невиновности! Зато важнейшим принципом этой системы является “признание” подсудимого (заставляющее вспомнить о средневековой инквизиции), открывающее широкие возможности полицейского произвола. Обвиненного гражданина в стране прав человека арестовывают, и он ждет суда в тюрьме (система выкупа под денежный залог, как в Соединенных Штатах, не употребляется). Ждет и два года, и четыре, и даже... пять. Право Человека быть судимым и осужденным или оправданным не входит в хваленую Декларацию прав. Пересмотреть несправедливую средневековую юридическую систему обещают все администраторы, приходящие к власти. А пока судят по кодексу 1804 года.

Самой важной свободой (и индивидуальной и коллективной) — выйти из-под козырька PAIX ATOMIQUE, если: гражданин или коллектив граждан желают,— у обитателя санаторного общества нет. В Декларации прав человека она не записана — свобода от коллективного безумия. Нет этой свободы и в законодательствах отдельных стран-санаториев. Дискуссии эта свобода не подлежит. Референдумов по данному вопросу не проводят. Согласия на наше самоуничтожение у нас не

спрашивают.

часть 3. Средства мягкого насилия: транквилизаторы и заменители

Pleasure и prosperity

В концепции санатория человек подменен человечеством. Не оба они, человек и человечество, удостоены внимания и развития, как подобало бы в гармоничном обществе, но только один паразитически разросся. Санаторное общество создано для блага человечества (т.е. коллектива) в первую очередь и всецело подчиняет ему благо человека (т.е. личности).

Санаторная концепция жизни: предполагается, что человек должен жить хорошо и как можно дольше. Любой ценой дольше — даже в форме растения в госпитале, пустив корни трубок в банки с питательными растворами. Так как бессмертие физически невозможно, санаторная цивилизация лишь обманывает себя, пряча смерть, выставив ее во все более удаленные специальные “гетто”, на кладбища и в крематории. (Вспомним, что в досанаторных обществах кладбища находились при церквях, в центре жизни.) Таким образом, санаторный коллектив пытается если не уверить себя в том, что смерть не существует, то хотя бы сделать ее как можно незаметнее. С запрещением похоронных процессий (в угоду traffic¹⁰³ живых), по мере банализации смерти (упрощение церемоний, отказ от традиционного некогда поминовения и пр.) смерть “сократилась” — превратилась в исчезновение. Профессионалы за плату удаляют труп из живой среды, ловко и мгновенно. Жителя санатория санаторная смерть не ужасает. Он видит лишь ее официальное, приличное лицо, и то крайне коротко и редко. Лишь пару минут, в лучшем случае, демонстрирует теле толпу celebrities на похоронах celebrity. Покойного обыкновенно мы не видим, не говоря уже о его лице. (Синема и телевидение к тому же девальвировали смерть: ежевечерне десятки трупов в fiction-фильмах и реальных трупов в новостях раздражают сетчатку глаз обитателя санатория. После всех этих атак она уже не реагирует на трупы. И на фальшивые и на настоящие.) Однако санаторного жителя ужасают виды несанаторной, “не нашей” смерти. Ему непонятна мотивировка поведения иранских martyrs, гибнущих в войне с Ираком, и он отделяется от необходимости мыслить, отбросив смерти в категорию “фанатизма”. Смерти эфиопских или суданских детей от голода впечатляют обликом видимых признаков смерти в “неразвитой” стране. В то же самое время сплюснутые автомобили и раздавленные и рассеченные вместе с автомобилями владельцы их — смерти санаторного мира, воспринимаются безэмоционально. Интересно, сочувствуют ли жертвы эфиопского голода жертвам европейских автокатастроф? Было бы интересно провести исследование их мнений и эмоций по этому поводу. (Представьте себе объединенный хор голодных детей Африки, облепленных мухами: BAND — AID¹⁰⁴поющий, дабы собрать средства на повышение безопасности европейских дорог. И видеоклип с трупами и частями тел санаторных жертв, сопровождающий хор.)

Коллектив в отличие от личности более или менее относительно вечен. Смерть коллектива в миллиарды раз менее вероятна, чем смерть индивидуума, и существует всегда (как и смерть планеты) в качестве абстракции. Коллективная психология иная, нежели психология отдельного индивидуума. Это две различные психологии. В санаторной же цивилизации возобладал подмен психологии личности

психологией, присущей коллективу; цель коллектива-человечества (выживание, создание наилучших условий для продолжения рода) объявлена целью Человека. Санаторный человек видит жизнь как бесконечность; не сомневаясь в собственной смерти, он, однако, ведет себя так, как будто бы он вечен — как коллектив. Результат этого тщательно поддерживаемого санаторной цивилизацией недоразумения — девальвация (вслед за девальвацией смерти) и человеческой жизни. Отдельный человек все менее важен, если и сам индивидуум, и коллектив признают первичность и приоритет коллективных ценностей.

В качестве компенсации за потерянную важность жизни (даже христианство видело личность как лично опекаемую Богом душу; вокруг индивидуальной души, словно вокруг Земли в старой, догаллилеевской Вселенной, вращались Солнце и планеты) санаторная цивилизация дала человеку pleasure и prosperity. People взяли pleasure/prosperity с восторгом.

“Бедность, хороша или плоха? Позитивна или негативна? А голод? Не крайний, от которого умирают, но недостаток питания? А страдания, хороши, плохи? Негативны или позитивны?” Если задать эти вопросы гражданам санатория, они не ограничатся простыми “да” и “нет”, но ответят энергичными ругательствами. Без сомнения.

Между тем пережившие голодные юности и борьбу за признание большие люди искусства или науки вспоминают, как правило, тяжелые периоды жизни с нежностью. Если опросить переживших максимум Souffrance/Douleur: спасшихся в кораблекрушениях и пожарах, уцелевших в лагерях и войнах,— они засвидетельствуют, что самым большим pleasure, испытанным ими в жизни, был момент победы над опасностью, когда напряжением всего организма они выплыли, выжили, выбросились из пламени, закололи, застрелили врага. Даже концентрационные лагеря, парадоксально, оставляли узникам воспоминания не только о мизерной лагерной жизни, но и о высоких мгновениях победы над слабостью. Санаторный человек лишен интенсивного счастья победы над врагом лицом к лицу, но старики, осколки досанаторной эпохи, утверждают, что победа хмелит сильнее всех известных алкоголей и наркотиков.

Подобный опыт неизбежно наталкивает на вопрос: “А что, если Souffrance/Douleur необходимы? Что, если определенное количество страданий, боли и борьбы есть неперемное условие счастья человеческого существа? Что, если, удалив их из жизни, превратив жизнь в санаторное существование, в монотонное спокойствие, европейская цивилизация совершила монструозное деяние: изнасиловала природу человека?” (Чего никогда не удавалось сделать старому насилию.) Толпа благонамеренных устроителей человечества, стремясь организовать его наилучшим образом (Платоны, Томасы Моры, Кампанеллы, Эразмы Роттердамские, Фурье, Бернарды Шоу и прочие...), перестаралась? Или сама идея *организации* человеческих масс человеческим разумом оказалась ложной идеей? Не сработала ли комбинация сказок утопизма со средневековым скелетом государства?

Преуспев в удалении *лишних* раздражающих, неудобных сторон действительности с помощью мягкого насилия, санаторные государства создали в пределах своих границ искусственный климат. Уже несколько поколений санаторных больных выросли в неколебимом убеждении, что Souffrance и Douleur следует избегать, что они есть абсолютно негативные эмоции. Позитивным состоянием признано PLEASURE (pleasure of life, pleasure of food, sexual pleasure, pleasure of a good time...¹⁰⁵). Pleasure есть взаимодействие сытости с комфортом при условии отсутствия отрицательных эмоций.

С отрицательными эмоциями в санаториях ведется настоящая война. Военные действия ярче всего могут быть наблюдаемы в Соединенных Штатах Америки, где миллионы граждан лечатся у психоаналитиков в яростном желании избавиться от волнений (называя их неврозами), от всех колебаний души, дабы достичь pleasure, то есть состояния равнодушного покоя. И больные Французского санатория обращаются к психоаналитикам, но чаще предпочитают быть *abriti*¹⁰⁶алкоголем и пищей. Тяжкие часы после обеда сходны с pleasure. Enjoy yourself, take it easy, have fun, keep cool, don't get excited¹⁰⁷— в Соединенных Штатах эти формулы выражают наилучшим образом санаторную философию жизни: “Не возбуждайся!” Потому так популярны психоаналитики в санаторном обществе. Их задача — уничтожить или хотя бы объяснить больному “возбуждение”.

Казалось, бы, ища pleasure, санаторный мир исповедует философию наслаждения. Но нет. Pleasure, life of pleasure¹⁰⁸ в санатории — понятия, не имеющие ничего общего с эпикурейством Древней Греции, удовольствиями Рима или грубоватыми удовольствиями Средних веков Европы. Они есть удовольствия периода постисторического. Санаторное pleasure — монотонная и безрадостная сытость, сходная с агрикультурным летаргическим покоем современной фермы, где животных закармливают зерном и гормонами в свете искусственных ламп. Разница лишь в том, что человеческое животное готовят не к бояням Чикаго или Нормандии, но к естественной смерти в senior citizens home в возрасте, когда перемазаться дерьмом так же нормально, как ребенку перемазаться кашей.

Санаторные pleasures — эрзац-удовольствия. Они неглубоки и неинтересны. Часть удовольствия августовских отпусков исчезает уже от массовости этого pleasure. Миллионы Винстонов и Джулий отправляются в отпуска одновременно, миллионы их окунаются одновременно в Средиземное море. Отпуск есть временное, жестко регламентированное освобождение от строгого распорядка фермы. И миллионер, арендовавший для семейного отпуска остров, и рабочий, и старуха-туристка, которую, спешно вынув из самолета, везут в автобусе вдоль увеличенных цветных иллюстраций из журнала “Нейшнл Джеографик” — пейзажей Рима, Парижа и Греции,— предаются “бедным” развлечениям. С острова лишь вчера съехала семья предыдущего миллионера (служители едва успели разгрести граблями песок пляжей), у рабочего и старухи нет времени потрогать пейзажи и руины, пожить чуть-чуть рядом с ними, автобус катит, не останавливаясь. (И напротив, бродяга, скажем, из Скандинавии, добравшийся до Афин и спящий в тени старых камней, испытывает удовольствие куда более высокого сорта, потому что он имеет смелость, живя в санаторном обществе, не быть санаторным животным. Но многие ли имеют смелость быть бродягами, да еще такими подвижными?)

Синема исправно служит поставщиком эрзац-развлечений с 18 декабря 1895 года, с первого сеанса братьев Люмьер в Париже. Одряхлев со временем, сам принцип иллюстрации упрощенных сюжетов движущимися картинками поставлен сегодня под сомнение. Синема, кажется, перестало удовлетворять усложнившиеся требования испорченных телевидением граждан санатория. Но синема всегда было эрзац-удовольствием и редко подымалось до уровня art.¹⁰⁹ Упрощенное намеренно, по сути своей оно мало приспособлено для передачи сложных чувств. В своих лучших проявлениях синема сентиментально, и только. Карикатура на жизнь, синема, так же как и теле и спортивно-стадионные зрелища, предполагает неподвижного наблюдателя: он наблюдает, но не участвует. В зале синема и на

106

107

108

109

стадионе он (в разной степени) участвует лишь в коллективной реакции — индивидуально добавляет к эмоциям коллектива зрителей.

С появлением теле это участие и вовсе сделалось анонимным. Телезритель обыкновенно располагается перед ящиком один или лишь в кругу семьи. Подобно voyeur¹¹⁰ — разглядывающему чужую жизнь через замочную скважину или незанавешенное окно, он наблюдает, в то время как драма его собственной жизни не свершается, она остановлена. Отрицать pleasure of voyeurism невозможно, однако, если мы вспомним, что voyeurism — “грех”, характерный для стариков преклонного возраста (потерявшие, например, способность делать любовь, они обожают наблюдать, как это делают другие), то невинная страсть миллионов становится похожей на болезнь бессилия — импотентность. Однако, поскольку телереальность все же много ярче ежедневной санаторной реальности среднего гражданина, он предпочитает ее. Телереальность — заменитель жизни. Средний гражданин Франции заменяет 108 минут своей жизни телереальностью, крайность — coach-potato¹¹¹ в Соединенных Штатах — 600 минут. Кстати упомянуть здесь, что теле — самое эффективное развлечение и в тюрьмах санаториев.

Уже древние римляне знали ставшее с тех пор банальным, что People требуют хлеба и зрелищ. На таоистской стеле XIII века читаем слова Чингис-хана: “Я смотрю на народ как на очень маленького ребенка”. Обыкновенно “очень маленький ребенок” обращается к зрелищам только после насыщения хлебом. В современном варианте “хлеб” представлен лозунгом Prosperity. Небывалое (а оно небывалое!) prosperity санаторных государств — единственное в своем роде историческое явление. Если существование рабовладельческих обществ поддерживалось и обеспечивалось трудом рабов, феодальных — трудом крестьян и ремесленников, существование индустриального общества обеспечивалось трудом наемных рабочих и эксплуатацией машин, то санаторное общество, получив в наследство от индустриального и труд наемных рабочих, и машинную армию, добавило к этим силам третий компонент: алчную эксплуатацию Земли. Ее позволили осуществить в широком масштабе научные открытия и изобретения.

Отрицать prosperity санаторных обществ немислимо. Утверждать аморальность, зло prosperity — глупо. Сегодня невозможно критиковать consumer society¹¹² с позиции морали (как это делало хиппи-движение в 60-е гг.), взывая к духовности санаторных населений, пытаясь разбудить эту якобы спящую в них духовность и призывая их обратиться взамен consumerism¹¹³ к самоусовершенствованию. Иллюзий по поводу природы человека сегодня куда меньше, чем было в 60-е годы. Мы знаем сегодня благодаря генетике, что биологическое неравенство человеческих существ предусмотрено Природой. Благодаря психологии мы знаем, что характеристику предположительного СРЕДНЕГО человеческого существа невозможно выписать в терминах морали или средневековых понятий Добра и Зла. Количество “духовности”, сознания (и если хотите, “Добра”) в обыкновенном, среднем человеческом существе всегда будет недостаточно, чтобы одержать победу над его же банальной алчностью, ленью и стремлением к полусонному существованию. Страсть к потреблению, даже в самых нелепых, крайних формах, не есть негативно-позитивная категория. Всего-навсего следует признать, что радости потребления заменяют (и с успехом) большинству человечества удовольствие борьбы за жизнь и более сложные, интеллектуальные радости. Признать справедливое неравенство и успокоиться. Поверить глазам

110

111

112

113

своим — тому, что было ясно уже в детском саду и от чего, упорно работая вдвоем, отучили имеющего очи *Семья* и *Школа*. Радости prosperity и его потребления ежедневно 24 из 24 часов рекламируются в санаториях. Они хорошо известны. Включите теле. И напротив, совсем не афишируется плата за progress. И ясно почему. Потому что без поступательного давления прогресса не существовало бы санаторного общества: игрушечной жизни санатория легкого режима. (Скажем “спасибо” прогрессу за прекрасные санаторные дни.) Увы, граждан, удобно расположившихся на пейзаже, придется огорчить: небывалое *prosperity санаторных обществ есть* временное историческое явление. Прогресс в области эксплуатации планеты придется остановить. Не из сентиментального, слезливого сочувствия к “бедной природе”, к пейзажу, испорченному химическим заводом с клубами ядовитого дыма над трубами, но прагматическим волевым решением. Случится это, увы, лишь тогда, когда производство трупов — жертв pollution¹¹⁴ превратится в рутинный мор. (Сесть сегодня за свои компьютеры и калькуляторы, имея на столах заседаний фотографии, образчики земли и воды, цифры и факты, администрации санаториев не в состоянии. Они не могут предложить народам вместо Prosperity — Mis?re/Pauvret?.¹¹⁵) Большинству People, когда они слышат слова pollution, ecology... видятся чудаки-вегетарианцы, пенсильванские квакеры или смешной тип в очках, собравший на выборах в муниципалитете 0,02 процента голосов. Напомним, что все большие движения и изменения в обществе начинались с мелких инициатив, обыкновенно не принимавшихся всерьез именно People. Исследования семейной пары Кюри на заре нашего века никак не тревожили соседей и современников немислимимым призраком будущих Хиросим. Советский изобретатель Королев возил в 30-е годы свои первые механизмы на испытания за город... в трамвае. И кому могло прийти в голову, что это первые ракеты впоследствии могучего советского ракетного парка.

Вспомним, что, когда Гитлер в 1919 году вступил в национал-социалистическую партию, ему достался членский билет за номером семь. Общее собрание членов партии с комфортом размещалось в комнате маленькой пивной. Есть все основания предполагать, что ореол вегетарианства вскоре покинет экологию и экологов и что всего лишь годы отделяют эту партию от взрыва популярности повсюду, даже в СССР. Популярность и сила: “зеленых” в Германии широко известна. Недавно “зеленые” получили в Швеции 7,1 процента. У нас, во Франции, за них голосуют около 14 процентов избирателей. Имидж “зеленых” как чудаковатой, несвоевременной партии интелло-идеалистов, пекущихся о бедных птичках и бедных рыбках, скоро выветрится из голов People, ибо, безответственные и алчные, People все же, выбирая из альтернативы — сохранение сегодняшнего уровня процветания или жизнь,— предпочтут жизнь.

Эра экологических катастроф, изолированных бедствий сегодня позади. Санаторная цивилизация вступила уже в следующую эру — перманентного состояния экологической отравленности организма планеты. И в особенности наиболее “цивилизованных” ее областей. Санаторные больные давно смирились с отравленными реками, текущими через их города. Сегодня внутреннее “санаторное” Северное море, окруженное самыми “развитыми” странами, сделалось мертвым морем. Смываемые с полей Европы реками удобрения: гербициды и пестициды, миллионы тонн промышленных отходов (лишь мизерная часть их очищается), неочищенные сточные воды европейских городов (пять миллионов тонн ежегодно только из канализаций Великобритании!) превратили Северное море в ядовитую лужу. 40 процентов улова рыбы вынужденно выбрасывается обратно в море, ибо

114

115

бесцветная окраска, язвы и прочие дефекты сделали рыбу непродажной (съедобной ли?). Мертвые дельфины на пляжах Скандинавии, мертвые тюлени, выброшенные на берега Британских островов и Европы (90 процентов тюленей вымерли в эпидемии, объясненной поспешно и неясно),— следствие уже случившегося тотального отравления Северного моря санаторной цивилизацией. Следующее на очереди — Средиземное море. Летом 1988 года пляжи Адриатики уже были закрыты, ибо желтая субстанция оседала на коже отважившихся войти в воду купальщиков... Средиземное море пока спасает то, что его южные берега принадлежат все еще слаборазвитым странам. Если эти страны разовьются а-ля санаторий, море греческих героев умрет.

Угрожающе увеличивается содержание углекислого газа в атмосфере. Если прирост этого газа будет происходить с той же скоростью, что и в настоящее время, то, согласно исследователям Принстонского университета, уже в первое десятилетие XXI века насыщенность им атмосферы достигнет 600 р.р.м. Влияние такого количества углекислого газа на климат планеты будет катастрофическим. Температура Земли повысится на 3°, что вызовет иссушение почвы (и как следствие перманентное осушение ее) в юго-западной части Соединенных Штатов Америки, в Китае и России. В результате количество зерна, производимого на планете, снизится на 20 процентов. Нетрудно представить последствия.

Дыры в слое озона над Южным полюсом никого не напугали. Исследование этого феномена поручено и финансируется почему-то крупнейшими химическими мультинациональными суперкорпорациями. Необъяснимо, почему по басенному рецепту охрана овец поручена волкам? Можно ли надеяться, что результаты исследований не будут фальсифицированы? Судя по прошлым скандалам — нельзя.

К прогрессу и prosperity толкали общество гуманисты и филантропы. К prosperity же любой ценой принуждали его аппетиты маленького Шарло. После полутора сотен лет очарования “маленьким человеком”, героем Диккенса, Золя, Д.Н.Лоуренса, Кафки, воплощенным на экране кокетливо и сентиментально Чаплином, сегодня он вдруг предстает нам без маски. И без маски возможно увидеть его крепкие клыки. Он не только обслуживает конвейер и есть жертва механизмов производства, но — и причина существования конвейера. Конвейер движется и включен для того, чтобы удовлетворить аппетиты миллионов Шарло. Это для него работают атомные электростанции. Последствия их деятельности плохо изучены и куда более опасны, чем предполагали ранее. Недавний скандал в Соединенных Штатах, когда оказалось, что правительство знало о нарушении стандартов security и многочисленных авариях на атомных электростанциях, скрытых от публики, еще раз доказывает опасность этого дешевого средства добычи электроэнергии. За удовольствие маленького Шарло, желающего отправиться за пачкой сигарет в автомобиле, проехать, а не пройти километр до кинотеатра или ресторана; за то, что ему лень стирать белье, и он бросает его в машину со стиральным порошком; за аэрозоли, употребляемые им (придающие ему привлекательный для Шарлотт запах); за производство тысяч видов предметов и gadgets¹¹⁶ из пластика (Шарло купит их в “Вулворт энд Вулко” и в “Тати”¹¹⁷) плата очень дорогая — утоньшение слоя кислорода в атмосфере. Ожидать от Шарло сознательного поведения не приходится, вечный ребенок, он знает лишь “Дай!”. Но администрация, почему она не начала готовить People к свертыванию прогресса? Почему мы не слышим в помпезных залах Административных Палат объявления о решительных мерах по обузданию аппетитов People?

Попробуем представить себе директора санатория, со скорбным лицом появившегося на экране теле:

“Граждане и гражданки... Сложная и опасная ситуация заставляет правительство принять чрезвычайные меры. Дальнейший прогресс невозможен. С первого января с 12 часов пополудни наш санаторий, вместе с иными развитыми странами, переходит к ответственному существованию. Я провозглашаю первые принудительные меры: закрытие ядерных электростанций, повышение цен на бензин и строгое лимитирование его продажи, запрещение циркуляции личных автомобилей в следующих городах... Изъятие из продажи и запрет производства всех detergents¹¹⁸ и аэрозолей... Полное закрытие следующих химических мультинациональных концернов — “Сантоз”, “Юнион Карбайд”...”

Администрация, объявившая о снятии лозунгов progress и prosperity, столкнется с общенациональными бунтами размером в несколько французских революций одновременно. (Вполне возможно представить, что среди аргументов в защиту прежнего образа жизни народные ораторы станут говорить о праве People на красивое самоубийство и защищать философию “после нас хоть потоп”.) А после периода бунтов и анархии неудивительно будет обнаружить на улицах европейских городов “мужчин в ЗЕЛЕНЫХ униформах, в железом подбитых сапогах и с дубинками в руках” и банды юношей “в рубашках ЗЕЛЕНОГО цвета”, линчующих идеальных людей нашего времени — бизнесменов, не только владельцев химических концернов, но и всю расу бизнесменов, Бернардов Тапи. И People, как всегда верные своей природе, будут аплодировать зеленым униформам и рубашкам. Прогресс весело продолжается. Невзирая на серии катастроф. В мрачной тональности Апокалипсиса повествовал на “Радио-франс интернасьёналь” о Чернобыле советский академик:

“Одичали лошади, сбились в табуны... Одичали собаки, сбились в стаи... Была суровая зима, и большие собаки пожрали маленьких, образовалась порода больших собак. Охотников нет, и вот развелось много птиц, появились лисицы, много лисиц... Пшеница и вообще злаковые остались неубранными, потому развелось много мышей. Все одичало, звери и растения живут без человека... На деревьях появились странно крупные листья...”

Неизвестно, появились ли чудовищно большие акулы в водах вокруг атолла Мурароа¹¹⁹ или, напротив, исчезли все морские животные, ясно, что верить заверениям администраций о том, что стандарты безопасности всегда соблюдены, сегодня невозможно. На испытаниях первых ядерных бомб в штате Невада противоядерная защита сводилась к тому, что солдат просили надеть в момент взрыва темные очки. Народы нуждаются все в большем количестве электроэнергии для нужд народов, администрация поощряет их желания, и преступное сотрудничество будет продолжаться до тех пор, пока не погибнет большой город, предпочтительнее столица санаторного государства. Только тогда, может быть, остановят и запретят ядерные электростанции. Следуя санаторной моде, и несанаторные страны мечтают с упоением о ядерной электроэнергии и о ядерном

118

119

оружии. “Атомный клуб” опасно пополняется. Вероятнее всего, PAIX ATOMIQUE будет однажды взорван людьми с несанаторной логикой.

Беспринципно призывая слаборазвитые страны сделаться развитыми, правительства и media санаториев призывают их, в сущности, присоединиться к санаторной агрессии против природы. (Не имея в условиях PAIX ATOMIQUE возможности агрессивировать соседей, европейцы направил свою агрессивность против Природы.) По сути дела, призывы к развитию “третьего мира” есть подстрекательство к смерти планеты. Развитие слаборазвитых сегодня стран будет означать (плюс к уже критической pollution) такую нагрузку на землю, моря и атмосферу, что процесс смертельной агонии займет не десятилетия, но годы. Единственная надежда, что неразвитые страны не сумеют развиться. Казалось бы, должно быть понятно, что если писать десятилетиями в бассейн с несменяемой водой, то в конце концов в бассейне окажется не вода, но тухлая моча, каким бы большим он ни казался. Бездумная пропаганда prosperity и progress должна быть запрещена, но она поощряется и все усиливается. Построив свое процветание на эксплуатации планеты, санаторное человечество предпочитает не думать о последствиях этой эксплуатации. Но человек создает, уничтожая Природу. Создать Природу он не в силах.

Эра процветания уже кончилась, пусть об этом и не объявлено администрациями, политические же партии ведут себя так, как будто prosperity явилось к человечеству навечно. Две крупнейшие партии французского санатория (называющие себя оппозиционными): Фронт насъеналь и компартия — всего лишь предлагают изменить сам принцип распределения продуктов prosperity. Фронт насъеналь предлагает исключить из списков подлежащих получению доли национальной прибыли группу эмигрантов — около четырех миллионов человек. Компартия предлагает уравнивать долю каждого гражданина за счет самой богатой группы населения. Крайне левые группировки до сих пор предлагают правление пролетариата (в форме диктатуры его), забывая, что санаторий уже живет под давлением куда более представительной диктатуры People . (Пусть исполнительная власть и принадлежит профессионалам власти — администраторам.) RPR, UDF и Социалистическая партия — самые крупные группировки, то есть подавляющее большинство администраторов, не предлагают изменения принципа раздела прибыли, но лишь “разумное хозяйствование” ею.

Вне сферы дележа продуктов prosperity “оппозиционные” партии еще менее радикальны. И Фронт насъеналь, и компартия желают перераспределения прибыли внутри общества, а вовсе не уничтожения санаторного режима. Фронт насъеналь энергичнее и современнее компартии (Фронт насъеналь, например, пусть и в форме, не импонирующей старым администраторам, заботит проблема демографии и перемещения чужих People в Европу), его структура моложе. Лидеры FN хотели бы, очевидно, вообще устранить администраторов Ланга, Дюма, Жокса, Жоспэна, Фабюса... Роже Бамбука ...¹²⁰ из игры и установить истинно национальную администрацию . На знамени Фронт насъеналь написано все то же старое prosperity, пусть и минус четыре миллиона ртов, и без вышеперечисленных администраторов. Без PROSPERITY администраторам (или желающим стать ими) нечего предложить больным. Мертвые свободы мало кого способны вдохновить. Money/argent¹²¹ есть способ измерения процветания, как кубический метр есть способ измерения дневной нормы нарубленных дров на сибирском лесоповале. Принято стремиться к money. И поведенческой моде этой бездумно следуют миллиарды People. Осуждать эту поп-цель жизни, ссылаясь на жизни Шакьямуни или Цезаря — как более интересные

120

121

и благородные модели поведения, бессмысленно. Так же, как бессмысленно подвергать моральному осуждению prosperity и consumer society. Говорить же, что дальнейшее prosperity преступно и невозможно,— разумно и понятно.

Время игр

Распространено мнение, что европейская цивилизация исповедует культ молодости. Действительно, приобщение вначале высшего класса (к примеру, во Франции Сент-Экзюпери был одним из первых энтузиастов гимнастики, культуризма и загара), а затем и миддл-класса к спорту; к развлечениям на воздухе (велосипед, плавание, теннис) изменило постепенно привычные имиджи возрастов. Позднее прогресс медицины (диета и пластические операции) еще более расширил возможности. Сегодня возможно сохранить, если есть желание, young look¹²² далеко за пределы молодости. Определенное, пусть и незначительное, количество мужчин и женщин и после пятидесяти лет выглядит в наши дни спортивно и ловко. Плейбой Джон Долореан, в момент ареста (за нелегальную торговлю кокаином) пятидесятивосьмилетний, сумел сохранить look сорокалетнего мужчины. Мик Джаггер и Джонни Холидей¹²³ к пятидесяти сохранили подростковый шарм. (Все они, разумеется, “идеальные больные” санаторной цивилизации. People, как обычно, далеко отстают от идеальных больных и, поглощая радостно холестерин и алкоголь, старятся много быстрее.) Внимательно присмотревшись к идеалам санаторной молодости, можно, однако, понять, что санаторная цивилизация исповедует не культ молодого мужчины — атлета и солдата (его исповедовала Древняя Греция и, как нам известно из картин, статуй и фильмов,— НАЦИЗМ), но культ подростка. Ибо санаторная цивилизация боится мужчины.

“Настоящий мужчина”, протагонист современных фильмов и романов, всегда туго связан объясняющими условиями и обстоятельствами. Он либо полицейский, выполняющий свой долг охраны санатория, и таким образом его masculinity¹²⁴— служебная. Либо он оказывается в экстраординарных условиях катастрофы, и тогда masculinity обоснована чрезвычайными обстоятельствами. Но употребление masculinity в нормальной ежедневной реальности санатория нежелательно. (При всех, казалось бы, расхождениях партий между собой, как дружно наваливаются администраторы всех направлений на Ле Пена или Джесси Джексона, вдруг употребляющих всего лишь “мужской”, неочищенный, несанаторный язык!¹²⁵)

Враждебную нелюбовь к солдату проявило поколение молодых людей 60-х годов, эпохи хиппи-волнений, проявляют сегодняшняя молодежь и (что поразительно) администрации санаториев! Парадоксальным образом нежелание восемнадцатилетнего Шарло служить в армии даже двенадцать месяцев, его отвращение к армии сходны с презрительным отношением к ней же администрации. Лишившейся престижа и внимания в результате изобретения водородной бомбы и затем нейтронной бомбы армии есть место на парадах по случаю национального праздника раз в год, психологически же общество давно отодвинуло ее на задний план сознания как нечто раздражающее и неприятное.

Пожарники и “M?decins du Monde”¹²⁶— популярны. Армия непопулярна.

122

123

124

125

126

Солдат не нужен санаторному обществу. Функции же обслуживания орудия extermination прекрасно могут быть выполнены небольшим количеством профессионалов. Солдатами их называют по традиции, но они не есть солдаты, они — exterminators.¹²⁷

Армия презираема в санаториях и People, и администрацией, и редкие паблисити на теле и в прессе, преследующие цель не поднять катастрофически упавший престиж, но всего лишь поддержать существование армии, имидж ее не спасут. Потому что престиж армии нужен только армии. Администрации же выгодно держать армию и полицию в нелюбимых сыновьях. Боясь этих в высшей степени мужественных институций, боясь мужской силы, администрация все же нуждается в них для охраны порядка и мелких военных предприятий вне санаторных пределов. Боязнь, нелюбовь и недоверие к армии и полиции в демократических санаториях объясняются вовсе не отвращением демократий к насилию и аппаратам насилия, но тем, что демократическое государство не есть государство полицейское, оно государство санаторное. Оно функционирует при помощи методов мягкого насилия — то есть соблазна. Власть администрации в санатории опирается не на армию, но покоится на садомазохистских сложных отношениях с People. Не нуждаясь в армии сегодня же, немедленно, администраторы не могут сдержать своего презрения к непрактичному сектору общества, они лишь терпят армию. Нет, разумеется, отмирания армии как институции никогда не произойдет, она понадобится в недалеком будущем для координации отношений со слаборазвитыми странами — новым врагом. Великобритания уже испытала такой новый тип столкновения с Аргентиной в Фолклендской войне. Но сегодня армия не нужна и спрятана с глаз подальше.

Уже в романе Раймона Радигэ “Le Diable au corps”¹²⁸, написанном между двумя (1923) войнами, подросток соблазняет жену солдата, находящегося на фронте. Однако понадобилась еще одна война, чтобы полностью перенести внимание и симпатии общества с солдата на подростка. Стандартам санаторного гражданина полностью соответствует человек промежуточный, недомужчина. Ведь подростковый возраст, в сущности, самый эфемерный. Он длится в нормальных условиях максимум лет пять. Санаторная же цивилизация сумела продлить его до старческого возраста. Из подростков Мик Джаггер, Дэйвид Боуи¹²⁹ и следующие их моделям миллионы сразу же вступают в старческий дом.

Студенческие волнения 60-х годов послужили наивысшим выражением культа подростка. Объявив себя носителями абсолютной совести и абсолютной мудрости и абсолютной революционности (“Не доверяйте никому старше Тридцати!” — был лозунг студентов), молодежные массы взбродили в Европе и Америке... и показали миру, что они есть визгливая толпа мальчиков и девочек. Возглавляемые воспитанными в лоне левых идеологий лидерами (чаще всего прошедшими школу компартии), массы движения, однако, всецело вдохновлялись стихией хиппизма. Единственное специфическое достоинство подросткового возраста заключается в том, что у подростка — “полуфабриката” человека есть впереди время, достаточное, чтобы развиться в Большого человека, если он может. У взрослого этого времени уже нет. Позер и актер согласно возрасту своему (документальные ленты Мая 1968 г. демонстрируют нам именно позеров и актеров), подросток орет и агрессивно машет руками перед женщинами и стариками (де Голль), но пасует и отступает перед мужчиной (Помпиду). Нестойкий, истеричный, колеблющийся, склонный к приливам и отливам чувств, подросток хорош в качестве шумового, бродильного,

127

128

129

внешнего, пропагандного эффекта. Хорош на улице, во внешнем оформлении революции. Выиграть революцию подросток не может. На твердое и длительное усилие он не способен. Он способен на мгновенный и истеричный бунт.

Дабы и удержать его от мгновенного бунта и продержаться как можно дольше в подростках (двадцать, тридцать и более лет!), санаторного юношу завалили игрушками.

Motards ¹³⁰ посвящены исследования — квадратные километры печатного текста в прессе. Воспетый поэтически, мотоцикл назван “символом подростковой агрессивности”. Безусловно, подросток агрессивен. Своей еще боязливой, порывами, шакалей агрессивностью — приливы мужества посещают его и покидают. Но против кого и чего направлена мотоагрессивность? Против шоссе? Против других мото? Против самого себя? Она есть агрессивность соблазна бессмысленной смерти, врезавшись в дерево или в автомобиль. Смерти, которая будет неважна даже статистически, будет ноль целых и столько-то тысячных в общем количестве таких же глупых смертей... В мире подростков статус, занимаемый владельцем мощной “хонды”, отличается от статуса владельца скромного мотороллера “веспа”. И это еще раз есть пример ложной иерархии, копирующей ложную иерархию взрослого мира, куда подросток вступит, получив образование. И будет следовать ложным возбуждениям, ложным проблемам, ложным чувствам до самой смерти. Куда бы ни приехал подросток на своем “символе агрессивности”, даже со скоростью 120 километров в час, везде будет Франция или Соединенные Штаты. Макдоналд-кафе, комиссариат/офис шерифа, фабрика/завод, место employment — заранее предсказуемая скучная судьба. Авантюры не будет. Авантюра в санатории именуется crime.¹³¹

Автомобиль — игрушка взрослых подростков. Не столько средство передвижения, но игрушка и символ социального статуса владельца в обществе. В условиях загруженности городских улиц и окраинных дорог преимущества автомобиля сомнительны (общественный транспорт, в особенности метро, куда более эффективен и безопасен), однако авто, вырастая с 30-х годов в символ prosperity и успеха личности, так и не сошло с пьедестала. Не заняло подобающее ему место всего лишь удобного (в условиях свободных дорог) средства передвижения. “Роллс-ройс” или “феррари” — предметы восхищения не техникой, но статусом и деньгами владельца. Ну да, везущий себя на службу в стеклянном ящике Винстон Смиф везет себя на место employment, но он и играет одновременно. Помещенный под стекло, как товар в витрине, он наслаждается и социальной ролью.

Во внесанаторных пределах афганские повстанцы употребляют японские “тойоты” и мото для транспортировки оружия из Пакистана караванами, то есть по назначению. В Йемене символом prosperity и предметом гордости мужчины является не авто, но мужественный объект — автомат Калашникова.

В старых учебниках истории каждый ее большой период обыкновенно иллюстрировался гравюрами с изображениями мод эпохи: королева и король, представители аристократии обоих полов, священнослужители, воины-рыцари и крестьяне. У всех основных социальных групп были свои костюмы. Как и у населения различных географических районов. Переодевание практиковалось лишь актерами и злодеями в криминальных целях. Карнавалы служили единственной возможностью переодеться, стать не самим собой, опуститься или подняться согласно выбору костюма. То есть предыдущие эпохи, в отличие от нашей, постисторической, носили свои одежды. Крестьяне не только не имели средств

рядиться в одежды аристократов, но не могли, не умели и не хотели быть *d?guis?s*.¹³² В старых пьесах переодевание связано всегда с обманом и преступлением. Постисторическая эпоха имеет свой доминирующий — подростковый стиль, но маскируется и в чужие костюмы.

Существует телепаблисити: группа веселых подростков в костюмах веселых цветов рыскает по городу бригадой блюстителей нравов и, встречая индивидуумов в темных одеждах (обыкновенно пожилых и некрасивых), уничтожает их. Взрывает, прикоснувшись к ним волшебным жезлом. (Идея, очевидно, заимствована из популярного американского фильма ужасов, где, насосавшись подозрительного алкоголя из бутылочки, клошары чудовищно вспухают и разрываются, забрызгав мерзкой пульпой стены.) Талантливый клип выражает определенную фундаментальную идею санаторной цивилизации, выходящую далеко за пределы желания заказавшей клип фирмы продать свои, яркие, праздничных цветов одежды. Выражает тенденцию к облегчению жизни, вышучиванию ее. Оформляя себя в детские, несерьезные цвета — красный, желтый, голубой, в непрактичные цвета праздников и уик-эндов,— санаторный человек вышучивает жизнь, превращает ее в водевиль. В водевиле послушные, хорошо организованные и веселые актеры играют в жизнь, представляя ее. Вне сомнения, одежды ярких цветов помогают им нести бремя *employment*, как бы перепутывая *employment* с *leisure time*. (В этой области, однако, существует множество ограничений. Неизменные костюм и галстук сдержанных цветов требуются на определенном уровне иерархии *employment*.) Но важнейшая функция водевильных одежд — инфантилизация сознания санаторного больного. Уже достаточно инфантилизированное отсечением важных мужских функций (больной лишен возможности употребить физическое мужество, защищая себя,— функция передана полиции; лишен свободы передвижения, неразорванная карьера от *formation* до *retirement* — привязала его к месту), сознание дополнительно инфантилизировано одеждой.

Инфантилизм вместе с афеминизацией — одни из характеристик мужчины постисторического периода. Следствие того, что солдат не участвует как живая сила в санаторной цивилизации. Сформировались подростковое мировоззрение (его лучше всего представляют прогрессивно-молодежные оптимистические журналы: “Глоб”, “Актюэль”, например), вынужденно подростковое поведение (пример: “Черные очки” — телепрограмма Тьерри Ардисона), подростковые одежды. Рядом с доминирующей подростковой тенденцией в моде существует карнавальная, и в ней выделяется стиль “*retro*”, также игровой, но выражающий желание замаскировать инфантильность нашей постисторической эпохи. (Желание переодеться в костюмы прошлых эпох можно толковать как желание вернуться в историю из постистории.) Сегодня возможно выбрать себе стиль одежды согласно темпераменту, колеблясь в основном между двумя вариантами. Подчеркнуть подростковость яркими тряпочками — голубыми, а то и розовыми джинсами, белыми кроссовками, изумрудно-зеленой, красной, желтой курткой. Скрыть свою подчиненную подростковость, прикрывшись псевдомужественной (псевдо, потому что чужой) одеждой. Черной кожей (ее носили в период русской революции чекисты и позднее нацисты в Германии), костюмами и прическами в стиле чикагских гангстеров 30-х годов или голливудских звезд 50-х или 60-х, на выбор. Выглядеть комиссаром, эсэсовцем, Аль Капоне, Джеймсом Дином, или Хэмфри Богартом, или Мэрилин Монро, но не самим собой. На улицах санаторных городов, как в пьесе Жана Жэнэ “Бонны”, невозможно определить, кто есть кто. Все служанки выглядят, как мадамы, и все слуги, как мсье. LOOK — *мизерный реванш современного человека над историей* .

Паутина социальных мод ткется подсознательно всем организмом цивилизации

(мода одежды лишь часть ее), и так же, как эпоха Сталина — Гитлера — Черчилля — Мао — Тито — де Голля дала миру френч с накладными карманами, военную фуражку, эполеты и сапоги, черчиллевский двубортный бронированный пиджак, сигару и трубку, те же силы выткали подростковые курточки нашего времени. Те же силы заставили недавно кремлевских лидеров сменить свои тяжелые темные одежды на светлые. Они же, эти силы, влияют на создание игрушечных кубиков Ле Халля, стеклянной пирамиды Лувра и детского мира Новой Парижской Оперы. У нашей эпохи не мужское, но подростковое мировоззрение.

Цифризация существования

Ни в одну эпоху истории человечества цифры не были столь популярны. Санаторная реальность затоплена цифрами. Цифрами доказывают свое превосходство над соперниками кандидаты в президенты или в премьер-министры. Обещание все более пухлых цифр благосостояния заманивает избирателя. Ни один политический деятель не является на свой “L'heure de v?rit?”¹³³ без диаграмм и карточек с цифрами. Специальные организации ежедневно зондируют общественное мнение по самым различным вопросам. Возможно узнать общественное мнение по поводу чего угодно, например, прорытия туннеля под Ла-Маншем: сколько процентов опрошенных французов и англичан за, сколько против туннеля. (Sondages¹³⁴, да, опасны, ибо человек — подражательное животное. Многие его активности основаны на подражании.) Можно узнать, на сколько повысилась или понизилась покупательская способность за год, месяц и ежедневно. Цифры контролируют и направляют деятельность организаций. К примеру, опубликованы были цифры количества смертей на дорогах Франции в первые два месяца 1988 года, смертей на 28 процентов больше, чем за тот же период в 1987 году! Пришла в движение машина паблицити, появились на экранах теле паблицити-клипы с лозунгом: “АУТОМАШНО — АУТО — ВОВО!”¹³⁵, — капитаны и полковники жандармерии с указками в руках занялись объяснением, в какие дни и по каким дорогам лучше всего устремиться публике, дабы снизился процент смертности.

Нам говорят, что мы живем тотчас после информационной революции. Когда она свершилась? Точную дату взятия “Бастилии Антиинформатик” никто назвать не может. В 1978 году рапорт двух инспекторов финансов Алена Минка и Симона Нора “Информатизация общества” был опубликован, и было запущено в мир слово “телематик”. И задолго до этого, еще во времена запуска в действие плана Маршалла, послевоенная, отстраивающаяся Европа опьяняла себя цифрами своего разбухающего экономического могущества, да. Но лишь с приходом в мир комбинации теле, компьютера и телефона свершившаяся революция бухгалтеров оформилась и получила символ для поклонения — серый ящик МИНИТЕЛЬ.

Следует заметить, что прибытие ящика принципиально ничего не изменило. Цифры давно уже стали средством коммуникации куда более универсальным, чем английский язык. Колонки таблиц Stock Exchange¹³⁶ одинаково эффективно читабельны и в “Уолл стрит джорнал”, и в “Ле Монд”. В созвездии санаторных обществ, согласно выбравших экономическое процветание одновременно целью и

133

134

135

136

идеалом жизни как общества, так и отдельного индивидуума, количество производимых предметов, инвентаризация их превратились в Великую Хартию Гордости стран, организаций, семейств и индивидуумов. Лишь в цифрах выражается сегодня различие между странами Западного и Восточного блоков санаториев. Посему закономерно, что средства инвентаризации и Жрецы их сделали столь же священны и могущественны, как жрецы любой другой религии в момент ее наибольшего процветания. Самым знаменитым Главным Бухгалтером в истории человечества был, конечно, мсье Маркс. То обстоятельство, что творец последней идеологии был профессиональным экономистом, определило (в значительной степени) цифровую заселенность современности. В словаре Ларусса¹³⁷ определение капитализма дано от противного, оно как бы написано Марксом (или Жоржем Марше):

“Экономическая и социальная система, в которой наиболее важные средства производства не принадлежат рабочим, оперирующим ими”.

Капитализм, безусловно, оздоровился в борьбе со своей сектой — марксизмом и, возможно, обязан ему выживанием. Победы капитализма выражаются не длинным списком покоренных городов, но выражены в цифрах. Предпочтительная форма самовыражения современных обществ санаторного типа — ПРОЦЕНТЫ. Безличная сущность процентной системы сообщает ей в глазах People объективность. На деле так же, как визуальный имидж на экране теле обязательно, во всех случаях нуждается в комментариях и зависит от комментария (если показан труп, то важна личность трупа и пр.), не может быть понят без такового, так и процентная форма выражения всегда нуждается в комментариях. Процентами возможно манипулировать с большим успехом, чем просто цифрами. Излюбленным методом простейшей, но эффективной манипуляции долгое время была в СССР система измерения *достижений*, помещавшая точку отсчета показателей современного производства (чего бы то ни было: стали, бетона, мяса) в... 1913 год. С первого взгляда как будто бы объективное (1913 год был годом наивысшего расцвета капитализма в России, и последующие две мировые и гражданская войны разрушили страну дотла) сравнение выгодно совало под нос сомневающимся гигантские достижения советской системы, выражающиеся в процентах. Однако не принималось во внимание появление кардинально новых технологий производства. Выраженные в других цифровых координатах, достижения заметно худели: например, цифры ежегодного национального дохода на душу населения, цифры прироста национального дохода в сравнении с западными странами...

Цифирный способ характеристики действительности открывает неограниченные возможности для манипуляции настроениями масс. Всего лишь простая задержка в публикации отчета о состоянии экономики может иметь влияние на судьбу страны. Например, согласно некоторым источникам, экономика Соединенных Штатов начала выходить из кризиса до ноября 1980 года. Но цифры, иллюстрирующие подъем в экономике, были опубликованы после президентских выборов в 1980 году, и позднее вывод страны из кризиса приписали экономической политике Рейгана.

Цена кредита, то есть проценты займа,— важнейший параметр санатория. Вот как восхваляет свой кредит BNP — Парижский национальный банк (1988 г.):

“Когда вы желаете получить кредит для покупки автомобиля,

стереосистемы, хозяйственного оборудования... наиболее важны: быстрая транспортировка фондов и упрощенные формальности. Эти причины объясняют появление формул кредита, предлагаемых вам на месте покупки... Но когда вы присмотритесь ближе, проценты займа окажутся намного более подняты, чем те, которые вам предлагает Ваш Банк... Возьмем пример: для покупки 60.000 фр. с 18 процентами, выплачиваемыми в пять лет, цена кредита есть 31.416,34 фр. Та же самая покупка, оплаченная с кредитом 15 процентов, стоит лишь 25.463,75 фр., или 5.772,59 фр. разницы”.

Если вспомнить, что миллионы подобных текстов рассылаются банками мира ежемесячно, если вспомнить о цифровой плотности всех бумаг, которые приходится получать гражданину, то можно себе представить размеры математической паутины, опутывающей каждый санаторий и все санатории. Гражданин вынужден жертвенной мухой реагировать на все толчки, колебания и дрожания этой паутины. (Если допустить, что большинство граждан счастливо дергается вместе с паутиной в сладострастном мазохизме, то возбуждающимся паутина представляется стальной.) Гражданин, таким образом, заставлен быть частью и собственностью социального организма. Не удовлетворяясь напоминанием о себе ежегодно, Public treasure нашел способ чаще напоминать о себе гражданину: предлагается новый способ контрибуции — ежемесячный! *Public treasure*, очевидно, хотел бы появляться в сознании гражданина ежедневно! Залезть в постель между гражданином и его женой! Гражданина тревожат цифрами, дергают постоянно счетами. Цель этого не столько вымогание контрибуции (закон в любом случае обязывает гражданина платить), сколько способ заставить его участвовать чаще, помнить постоянно о своей связи с обществом — с администрацией и коллективом граждан. То есть математизация отношений в обществе есть эффективное средство насильственной социализации человека.

В почтовом ящике все больше цифр. На страницах газет все больше цифр. В витринах магазинов все больше цифр. Низкие или высокие проценты убеждают нас войти именно в эту дверь и оставить часть денег именно тут. Увеличившийся годовой доход (заполняя “декларацию доходов”, гражданин вынужден подсчитать его волей-неволей) — предмет радости, чуть подпорченный печалью: контрибуция обществу будет выражаться более жирной цифрой. Наилучшая трудоспособность оплачивается наилучшим образом, следовательно, цифра годового дохода является также степенью признания обществом заслуг индивидуума, есть его рыночная стоимость.

Ежедневно появляющиеся в разделе “Биржа” в конце тележурнала цифры стоимости американского доллара, золота или колебания индекса Доу Джонса не преследуют практических целей (информация поверхностна и непрофессиональна), но вызывают в гражданине волнение чистого болельщика, дают ему чувство соучастия в обществе, социализируют индивидуума. В октябре 1987 года media насильственно кормила граждан цифрами падения Биржи до тошноты: финансовую ситуацию подавляющего большинства населения вся эта история не изменила, но воображаемые битвы, разыгравшиеся где-то в финансовых небесах, напугали-таки населения санаториев.

Как всякие жрецы, служители культа калькуляторов, компьютеров и минителов окружают свои церемонии романтической мистикой, священной тайной, сознательно и подсознательно способствуют рождению профессиональной Мифологии. Жрецы-технократы в беседах на радио и теле расхваливают достоинства ящиков с клавишами и экраном, их сверхчеловеческие способности. Их ящики уже умеют калькулировать много лучше человека, но думать еще не умеют. “Мы мечтаем о том,

чтобы сделать компьютер таким же интеллигентным, как человек”, — восторженно поверяет технократ свою мечту телезрителям... Заметим, что далеко не всякий человек интеллигентен. Большинство — неинтеллигентны. Однако опасность конкуренции пока не грозит даже самым слабым человеческим мозгам. Единственная “интеллигентность” компьютеров заключается на сегодняшний день в суперпамяти. Посему естественным образом ящик компьютера, заменяющий несколько комнат, наполненных пыльными бумагами, произвел фурор в архивной, секретарской и бухгалтерской профессиях. И в полицейском архивировании в первую очередь. Полицейские всегда были активными двигателями прогресса. Доступ к досье сегодня прост и прям. Набираются код, имя, фамилия и кличка, и нужное “дело” появляется на экране. Строка за строкой. Кажется, это возможно сегодня делать прямо из полицейского автобуса.

Казалось бы, пусть и радуются полицейские, архивисты, секретарши и бухгалтеры. Они многочисленны в обществе, где производство предметов и их подсчет не только абсурдным образом цель жизни каждого индивидуума, но и предмет гордости отдельных обществ и соревнования между ними. (Разве не похвально одна страна перед другой процентами прироста Gross National Product? Разве не презираются высокомерно “неразвитые” страны?) Но нет, технологический переворот в архивно-бухгалтерской профессии предлагается всему сообществу человеческих существ едва ли не как появление Нового Света, новой религиозности, в качестве явления всемирного значения, размером с Французскую революцию. Произошла, оказывается, “Информационная Революция”! И нам говорят, что мы живем уже в “обществе информации”. Возможно, в комнаты министерства финансов, к инспекторам Минку и Нора *soci?t? informatique*¹³⁸ явилось еще и до 1978 года, очень может быть, однако в третьем, одиннадцатом, десятом, восемнадцатом округах Парижа оно попахивает дерьмом, ибо соседствует с туалетами на лестницах (дыра с двумя “башмаками” для ног). То есть капли общества информации вкраплены в море бальзаковского и селиновского общества. А за Парижем и его пригородами начинаются поля, где крестьяне живут еще в *soci?t?* Авеля и Каина, куда вкраплены электричество, телеантенны и гормональные средства для быстрого производства мяса. Упоение современностью и прогрессом, разумеется, всегда толкало человечество к абсурдным крайним умозаключениям, еще лет двадцать назад социолог Маршалл Маклюэн утверждал, что в тропическом поясе рефрижератор — самая революционная идеология, однако на площадях тропического пояса сегодня не стоят статуи рефрижераторов. А ведь у рефрижератора в отличие от компьютера было куда больше шансов взобраться на постамент. Его содержимое прямиком идет в народные желудки, в то время как содержимое компьютеров лишь воздействует на воображение.

Санаторный мир затоплен океаном информации. И основная масса ее не нужна подавляющему большинству граждан. Ни колебания индекса Доу Джонса, ни курс доллара, ни цифры популярности президента и премьер-министра не нужны гражданам для практического употребления, они выполняют лишь развлекательные функции. Так, больной, ожидая приема к доктору, ворошит журналы, оказавшиеся на журнальном столике. Вне сомнения, есть категория людей, которым возня с цифрами, сбор и каталогизация всякой информации доставляют удовольствие. Но таких немного. Компьютер имеет значение только в контексте санаторной цивилизации. Простое отсутствие электричества делает его бесполезным ящиком.

Уже несколько сменившихся администраций Франции проявляют трогательную заботу о насаждении компьютеров в школах. Закупленные за счет государства, они служат как средство транквилизации молодежи. С чем бы ни возились прыщавые

подростки, будь то футбольный мяч или компьютер, лишь бы они забыли о своей взрывчатой мужественности, угрожающей обществу. Неупотребление чувств, неупотребление мысли (возможно полное их забвение) — вот чего добивается общество. Впившиеся в экраны компьютеров, стучащие по клавишам юные старички — примерные обитатели санатория. Биологический позыв организма — жить жизнь, то есть испытывать чувства, положительные и отрицательные, вступать в физические столкновения с другими индивидуумами, побеждать или быть побежденным. Задача же цивилизации утихомирить каждое поколение самцов, взрывчатоопасное в возрасте полового созревания.

История — безжалостный баланс жизни на Земле — справедливо презирует сотни тысяч и миллионы и решительно предпочитает исключительные личности, сумевшие жить, чувствовать и действовать вопреки всем препятствиям, налагаемым на них обществами их времени. Человеческое сердце по последнему счету солидаризируется с индивидуальной трагедией: Людовика ли XVI, Марата в его смертной ванне, Оскара Уайльда в тюрьме — и переживает смерть 600.000 погибших под Верденом или оставшихся в Аушвице не глубже и не сильнее, чем смерть одного Исидора Дюкаса¹³⁹, Мишимы или Че. Никакие попытки сделать главным персонажем истории массы обыкновенных больных или жертв не увенчались успехом. История, то есть память и Доска Почета Человечества, высказывает, таким образом, свое полное презрение к обожаемому в современных санаториях большинству.

Средство массового гипноза

“Телескрин получал и передавал одновременно. Каждый звук, издаваемый Винстоном выше уровня очень низкого шепота, будет услышан им, и более того, так долго, как он остается в поле зрения, охватываемого металлической пластиной, он будет видим, так же как и слышим... Было даже допускаемо, что они наблюдают за всеми все время”.

Они наблюдают все время с колонны на площади Бастилии, там под ногами крылатого гения Свободы установлены две телекамеры. Уже в 1979 году видеокамер было в Париже 127, установленных, помимо площади Бастилии, на Елисейских полях и Републик, над фасадом “Café de la Paix” на площади Опера, на важных перекрестках. Согласно полицейским источникам, камеры служат для наблюдения за циркуляцией автомобилей и позволяют следить за жизнью городских толп из Командного поста Префектуры полиции, он помещается под землей. (“Наутилус” — на полицейском жаргоне.)

Статья 386 Code pénal¹⁴⁰ определяет, что “запрещено — фиксировать или передавать с помощью какого-либо аппарата имидж личности, находящейся в частном месте, без согласия последней”. Однако видеокамеры и Code pénal отлично сосуществуют в современном мире, сойдясь на том, что улица — не частное место. Сидя в автомобиле, гражданин находится на улице или в “частном месте”?

Хлопотное же наблюдение “за всеми все время” не привилось, как метод непрактичный, дорогостоящий и неэффективный. Агентство национальной безопасности Соединенных Штатов слушает очень многих, но не всех. Телевидение

сделалось не средством слежки, но средством воздействия на массы. Великое изобретение, оно действует по принципу подачи, *распространения*, а не сбора информации. Теле контролирует, внушая. Если Голливуд в период его расцвета называли “фабрикой грез”, то телевидение сегодня с еще большим правом возможно называть “фабрикой ready-made¹⁴¹ мышления”.

Теле дало возможность гражданину присутствовать в мире и в обществе (в телемире и телеобществе), не выходя из комнаты. Это обстоятельство вполне устраивает work force (т.е. большую часть граждан), нравится им, вынужденным проводить девять, а то и десять часов в сутки вне дома, на рабочем месте и в транспорте. Посему желание части социологов оторвать гражданина от теле, заставить его ходить в театры и на концерты, то есть дополнительно общаться с себе подобными, не вызывает у самого гражданина поддержки. Сознательно или подсознательно, он упирается, не желает удлинения еще на несколько часов “жизни в толпе” и предпочитает нетрудовую часть дня общаться с обществом пассивно — лицезреть его на телевизионном экране.

Смирясь с желанием гражданина сбежать до утра от общества, администрация санатория пришла к нему, узурпировав телевидение. В Соединенных Штатах администрация контролирует телевидение (и другие средства коммуникаций) через Federal commission of communications (FCC). Во главе FCC стоят пять членов, назначаемых президентом и утверждаемых сенатом. Три из пяти членов принадлежат к правящей в данный момент партии и два — к партии меньшинства. В санатории Франции за последние пятнадцать лет сменилось три организации контроля за теле. В отличие от предыдущей организации — CNCL (члены ее назначались президентом и премьер-министром), нынешняя “комиссия мудрецов” состоит из девяти членов, трое из них назначены президентом, трое — председателем Национальной ассамблеи и трое — председателем сената. Как видим, хозяин у телевидения всегда один — администрация.

Совсем недавно, в короткий период двувластия — премьер Ширак / президент Миттеран, общество французского санатория сотрясали дебаты по поводу приватизации телевидения. Однако сводились они лишь к дебатированию проблемы финансирования. Кто должен делать деньги в телевидении? Будет ли их по-прежнему делать государство, или частные money должны поступить в телебизнес, с тем чтобы делать прибыли Бригу или Берлюскони.¹⁴² Но ни разу не зашла речь о необходимости *разделения теле и государства*.

Среднестатистический гражданин посвящает гледию на голубой экран ежедневно 108 минут. Функция телеменю (замаскированная под развлекательную) — снабдить People моделями поведения и мышления. Навязать их в каждые отдельно взятые 108 минут. Потому меню тщательно продумано. Основными ингредиентами являются следующие.

В первую очередь постоянное напоминание об администрации. Плакатики с портретом Большого Брата, трепетавшие на ледяном ветру романа Оруэлла, выглядят жалко в сравнении с недавним (1988 г.) вторжением мэра Парижа Ширака на телевидение Франции. (В случае мэра Парижа, недавнего премьер-министра и кандидата в президенты, неумеренно частый показ его телезрителям имел противоположный эффект и способствовал поражению Ширака на выборах. Телевидение банализировало его имидж.) Множество раз в день в различных специальных программах (“L’heure de v?rit?”), комментируя ли новости (“Sept sur Sept” и выпуски новостей в 13 или в 20 часов), в процессе показа сессий палаты депутатов, в “Questions ? domicile”, даже в литературных передачах лидеры

141

142

французской администрации являются к гражданину в дом. (В Соединенных Штатах большая часть внимания достается президенту. Помимо государственного секретаря и министра обороны и финансов, министры правительства и лидеры партий мало известны массам. Теле демонстрирует их несравненно реже.) Являясь на экраны, администраторы, однако, говорят на осторожном, условном административном жаргоне, этаким языке Алисы из Зазеркалья, где смысл сказанного прямо противоположен значению употребляемых слов. Интерес в телезрителях вызывают их ошибки и срывы, то, что они бросили, не желая сказать, проговорившись, в пылу полемики.

Один из самых интересных актеров административного телеспектакля во Франции — Жан-Мари Ле Пен. Представляя сравнительно молодое движение, он еще позволяет себе оговариваться, не удерживается от соблазна, желание “врезать” оппоненту пересиливает в нем расчет. Другие, обыкновенно ухищренные старые актеры, менее интересны. Миттеран, доведший искусство телевизионного выступления до степени, никем, кроме него, не достигаемой (улыбка Джоконды на лице Конфуция), — великолепен, однако никаких особенных подвигов, внутренних или внешних, французское государство под его водительством не совершило. Если наблюдать соревнования различных групп администрации, как дэрби или соревнования в риторике, возможно втянуться и смотреть с удовольствием. Но если вспомнить, что функция лидеров санатория не *show-business*¹⁴³, но управление страной, ежедневные административные представления настораживают. Как и то обстоятельство, что под влиянием телевидения выбор избирателя все более склоняется в сторону *good looking*¹⁴⁴ и *small talking*¹⁴⁵ лидеров, вне зависимости от компетенции в делах собственно администрирования. Интересно, что, высмеивая тяжелую советскую церемониальность, пристрастие к многочасовым речам на “деревянном” языке или же супермаркетовские нравы американской администрации — крестьян из богатой провинции, администраторы Франции не стесняются своего позерства, чрезмерности своего высокомерного присутствия в обществе и на телеволнах. Насилюя собой граждан, в праве на телевидение администраторы не сомневаются. В одном контексте с детективом Хамэром (шляпа, усы, бутылка виски “Джек Дэниэлс”), с намакияженным Бой Джорджем¹⁴⁶, в одной толпе со статистами вестернов в неудобных шляпах, с *национальным Джонни*¹⁴⁷, женившимся в энный раз, с Доналдом Даком и Микки Маусом¹⁴⁸ герои администрации выглядят карикатурно. Однако принцип “присутствия” срабатывает все равно, а администрации важно, чтобы о ней вспоминали как можно чаще и всегда, карикатурность ее не смущает.

Тележурнал¹⁴⁹ — основное блюдо меню. Нафаршированный администраторами, их лимузинами, их речами, интервью, кофе-паузами и рабочими завтраками, их садиками, женами и детьми, тележурнал, если исключить из него мгновенные картинки-иллюстрации стихийных бедствий и беспорядков в несанаторном мире, спорт и метео, мог бы называться “Жизнь наших лидеров”. Французское теле изоцряется в формальных решениях журналов: варьируются манера подачи новостей диктором или дикторшей, прическа, костюм, музыка. Патрик Пуавр д'Арвор и Кристин Окрант стали высокооплачиваемыми звездами

143

144

145

146

147

148

149

тележурнализма в ущерб самой сути журнала. Телезритель ждет свежих теледокументов высокого качества, но получает ногу Гийома Дюрэна, заложившего ее подошвой к зрителю, “по-американски” (поза вульгарного торговца готовым платьем из Бруклина). Недостаток теледокументов в тележурналах делает их скорее фильмами о чтении новостей в радиостудии. Уникальная, лишь теле присущая возможность — дать жизнь en direct¹⁵⁰ используется минимально и осторожно. Текст обыкновенно иллюстрируется не живым репортажем о только что случившемся событии, но имиджем архивов или даже фото! Внимательный телезритель заметит, что один и тот же мусульманин пересекает улицу Сараева уже месяц, иллюстрируя все новые эпизоды положения в Сараево. (Информация радиожурналов, в результате, сравнительно лучшего качества.) Однако главная претензия может быть предъявлена не к качеству подачи новостей, не к их старомодному театральному стилю, но к тому, что администрация использует теле для навязывания населению своего мировоззрения.

Уже порядок новостей в журнале служит внедрению в сознание телезрителей системы ценностей, приготовленных для них администрацией. Что бы ни произошло в Польше, даже если Лех Валенса самым банальным образом простудился, польская новость пойдет первой на всех каналах, тотчас после тревожной музыки. (То же сделает английская Би-би-си.) Ей дадут шанс запомниться, выделяя ее. И в лучшем случае только третьим пойдет сообщение о военных действиях в глубине Африки или Азии. Стихийное бедствие или арест в России до самого последнего времени были всегда диспропорционально подчеркиваемы и негативно комментируемы media. Процесс над СССР велся десятилетиями на французском теле в присутствии лишь свидетелей обвинения (вспомним сотни диссидентов, получивших в 70-е гг. неограниченный доступ на западный телеэкран). Сегодня интересно наблюдать принципиальные изменения в отношении Запада к экс-СССР. Так, французское теле практически не высказало возмущения по поводу жесткого вторжения грузинской армии в Абхазию. Чего не простили бы брежневскому СССР, Грузии “демократа” Шеварднадзе — примерному ученику демократии — простили преспокойно. Если Грузия еще не совсем “своя”, то подает надежды стать “своей”. А для своих у Запада иные критерии оценок... Если новость касается страны Латинской Америки или Африки, комментатор всегда принимает сторону, враждебную хунте или диктатору, если у нас с ним плохие отношения, и сторону диктатора, если он “друг” Франции. Мобуту и Бонго (так же, как и Бокасса до своего свержения), судя по французскому теле, — великолепные лидеры. Все это и есть — готовое мышление (ready-made), навязываемое телезрителям. Кем? CNCL? Мадам Дейзи де Галард, ответственной за программы телевидения? Добраться до последней истины, до того, кто непосредственно контролирует журнал (выбирает новости и калибрует их), так же трудно, как получить имена агентов французского Service de renseignements¹⁵¹ в Москве.

Телевидение на всех каналах внушает нам одно мнение. Если воспользоваться опять польским примером, заметь, читатель, что невозможно услышать даже робкого предположения о том, что, может быть, половина вины за то, что польская экономика инвалидна, лежит на совести благородного союза “Солидарность”, десяток лет сотрясавшего страну забастовками во имя политических целей. Непредвзятый анализ польского общества исключен из программы волшебного ящика.

Упрощение характеризует информацию о несанаторном мире. Господствуют клишированные объяснения всех проблем недостаточной развитостью экономики.

150

151

Непонимание функционирования чужих миров привело к возникновению мифов о “латиноамериканских диктаторах”, “тоталитарных режимах”, “фанатиках мусульманского интегризма”.

Если бы средний больной — телезритель не был занят большую часть дня, функционируя как *work force*, имея время, он разыскал бы труднодоступную, но доступную профессиональную информацию по интересующим его вопросам. Но у него нет времени. И нет желания. Так и не выбравшись из стадии “пипи-кака” и интереса к гениталиям противоположного пола, он, однако, понимает, что, взрослому, ему необходимо мировоззрение. Потому он присваивает себе телемировоззрение.

Комментаторы тележурналов, увы, не для того поставлены, чтобы выражать свое мнение, не выражают они и мнения отвлеченно-объективные, как это присуще, скажем, очень добросовестным ученым. Комментаторы или служат впрямую администрации, или (и) являются пленниками общенациональных фобий и предрассудков, то есть сами есть продукты многолетнего влияния *ready-made* мышления. Опять уместно привести здесь пример исторического пристрастия Франции к Польше, откуда возникает способ рассуждения: все события, могущие привести Польшу в союз Западного блока санаториев,— позитивны (Добро), а все акции, удерживающие ее в Восточном,— негативны (Зло).

Этически присутствие комментаторов в журнале неуместно. Практически они выполняют роль последней цензурной сети, самой мелкой. На случай, если крупницы нежелательной информации все же просочились, комментатор (часто им служит сам диктор) уничтожает и эти крупницы, объясняя их. И даже после того, как информация уже выбрана для оглашения, она продолжает быть объектом манипуляций. Повторить “нужную” информацию во всех тележурналах дня, укрупнить ее к вечеру, урезать нежелательную информацию (или добавить к ней для баланса несколько отрицательных объяснений), из главных новостей перевести информацию в мелкие, убрать вовсе — все эти трюки вместе с комментарием дают возможность, ничего не запрещая, контролировать все. Администраторы Восточного блока санаториев до сих пор безграмотно истолковывали теорию информации. Не понимая далее первого принципа: существенного отличия массовой информации от профессиональной, они глупо запрещали всякую информацию, противоречащую их интересам. Тогда как следовало умело регулировать массовость ее. В последние годы российская *media* переживает болезненный период хаотической (почти полной) свободы информации. В сегодняшний период межцарствия (старое насилие ушло, а новое владеет еще не всеми рычагами управления) *media* и телевидение, в частности, разрушают сознание русского человека, дезориентируют его, давая ему неотобранную ВСЮ ИНФОРМАЦИЮ.

Еще одно постоянное блюдо телемену — *show*. У пультов управления большими *show* стоят звезды, и они приглашают к участию в своих *show* идеальных больных, то есть таких же звезд, как они сами. “Нормального гражданина” (если следовать санаторной терминологии — “нормального больного”) возможно увидеть лишь на несколько секунд: за рулем автомобиля, застрявшего в пробке, свидетелем трагического происшествия, жертвой на госпитальной койке. Когда-то опрашивал минуту-две обыкновенных граждан, вызвав их из затемненных рядов, где они терпеливо дожидались, Мишель Поляк в передаче французского теле “*Droit de r?ponse*”.¹⁵² С тех пор как эта передача ликвидирована, простой человек, гражданин водится только на сцене телеигр. Репортеры, имея перед собой просто больного, обыкновенно с ним не церемонятся — вопрос, ответ, физиономия, “мерси”... Станным образом их — БОЛЬШИНСТВО, голосующее, плательщиков налогов

(содержателей администрации), — телевидение стесняется. “L'heure de v?rit?”¹⁵³ для нормального больного не существует. Тележурналисты общества, называющего себя демократическим, не изъявляют желания раз в неделю допросить публично представителя демоса — ЧЕЛОВЕКА ОБЫКНОВЕННОГО. Боятся ли они, что наглядно станет видна посредственность “ординарных” граждан и это обстоятельство бросит тень на справедливость основного принципа демократического общества? Вдруг станет ясно, что милые граждане беспомощно не имеют своего мнения и потому всеобщее демократическое голосование аморально? Не декларируя этого, санаторная система узаконила статус обыкновенного больного как статус недочеловека (sous-homme). Система функционирует именно на этом принципе и лишь держит его в секрете.

Ведущий show, в смешанном стиле конферансье из кабаре и хозяйки салона, целующейся с приглашенными звездами, обращающийся с ними как с родственниками, и фамильярно и arrogantно, — обыкновенно вульгарен. Вульгарны до невозможности Патрик Сабатье и Мишель Друкер. Вульгарность можно было бы простить за достоинства. Если бы “host”¹⁵⁴ умел, предположим, злить своих приглашенных, работал бы над тем, чтобы их расколоть, заставить сказать именно то, чего они не хотят сообщить, обнажить то, что они скрывают. Но нет, мир, гармония и взаимная лесть царят на shows. (Если взаимная лесть очень талантливых людей хотя бы выносима, то взаимная лесть плохих артистов тошнотворна.) Звезды наслаждаются своей звездностью и с нерасколотыми имиджами, не показав зубов, послушно исполнив свои номера, приличные, как дети в школьном концерте, покидают сцену. Покойному певцу Гинзбургу позволялось чуть-чуть припугнуть буржуа призраком скандала, быть или казаться пьяным. Всегда присутствует обязательный имитатор, обязательный гость из-за океана (актер или певец, обыкновенно третьестепенный). Количество умных людей среди знаменитостей ничуть не больше, чем среди незначительных, потому на teleshows произносятся ничуть не более умные речи, чем в кафе на рю де Бретань. Но концертные программы безопасны, а главное — полезны. “Если посредственность — норма даже на балу у звезд, — говорит себе Золушка-секретарша, — то все в моей жизни идет как надо. Да останется вечно моим секретарское место в этом самом посредственном из миров”. Огни “Елисейских полей”¹⁵⁵ гипнотизируют и успокаивают секретаршу у ее телевизора. Если случается легкий скандал (как при вручении премии Цезар — сюрреалистское хулиганство актрисы Анемон), умелый пожарник Друкер, скрывая раздражение, заливают пожар.

В Соединенных Штатах писатель или ученый-звезда смешивается в одной телетолпе со звездами синема, спорта, политики и поп-музыки. Во французском санатории существуют специальные литературные и историко-познавательные teleshows. Так же как и в концертно-эстрадных shows, охранительная статика и спасительное ханжество — господствующие тенденции и в литературно-научно-познавательных программах. Приглашенные мало или вовсе не двигаются, потому что это неудобно для камерменов. Они обязаны избегать определенных тем, потому что ведущие желают их избежать. Втиснутые в искусственное пространство, распяты в креслах, мучаются они на фоне “библиотеки” — рисованных (!) полок с книгами, “концертного зала” — пейзажа ванной комнаты — зеркал, лампочек, искусственных лестниц и зеркальных полов. Опасность возбуждения у личностей, приглашенных ведущими, невелика, как правило, почти все они известные персоналиты, члены истэблшмента, лауреаты

153

154

155

премий, профессора, академики, писатели-звезды. Однако hosts всегда настороже. Нельзя, чтобы беспокойство нарушило безмятежную гармонию телемира — зеркало безмятежной гармонии санаторного мира. Ведущие-инспектора без промедления одергивают всякое отклонение от темы. Углубившуюся в лес овцу вначале оставляют, переводя камеру на овцу незаблудшую... Если заблудшая упорствует в заблуждении, ее микрофон лишают мощности. (Благородно, т.е. постепенно.) Зная отлично о том, что телескандал увеличивает аудиторию следующей передачи, инспектора — hosts все же пресекают скандалы. Идеальная ситуация — скандал неслучившийся. (Интересная встреча: ведущий Друкер — порнозвезда Чучолина — закончилась полной победой Друкера. Профессионал манипулирования, он сумел усмирить даже порнобомбу.)

Уже отобранные именно за неопасность, за невозбуждаемость, приглашенные ведут себя на *teleshows*, как обысканные и заколотые транквилизаторами (перед визитом большого начальства) заключенные в тюрьме. Гипнотизируемые hosts, они становятся то безудержно болтливы, то, молчаливые, западают в кресла.

В литературе и науке теле уже воздвигло, к несчастью, свои фальшивые параллельные иерархии. Минковский, Шварценберг — лучшие ли доктора во Фракции? Нуриссье, д'Ормэссон, Филипп Лабро — лучшие ли писатели? (Вообще для здоровья литературы было бы полезнее, если бы теле оставило ее в покое.) Тоталитарное, теле внушает населению *ready-made* “гениев” сегодняшнего дня. Можно было бы не заботиться о сфабрикованных телевидением “гениях”, но другой, параллельной, могущественной иерархии не существует сегодня. У “гениев” теле нет конкурентов. Потому что могущественнее, тоталитарнее теле нет в санатории средства внушения. Старая добрая молва “из уст в уши” и профессиональная критика в прессе способны указать на своих гениев трем-пяти тысячам читателей. Потому можно без преувеличения утверждать, что влияние Бернара Пиво на французскую литературу губительнее постановлений сталинского министра культуры Жданова. 15 лет фабрикавал Пиво фальшивых писателей-“гениев”, пятерых в неделю.

В таких условиях именно принцип селекции, личные пристрастия ведущего, структура и классовость его сознания (это всегда миддл-классовое сознание) приобрели могущественное значение. Как бы ни представляли сами себя hosts-инспектора, функции, ими выполняемые, есть жандармские функции охранителей средней нормы в культуре в ущерб исключительности, а именно она и есть высшая форма таланта. И гипнотизирующий ящик дал hosts тоталитарные возможности.

Фильмы — иллюстрируемые актерами живые новеллы — пользуются популярностью благодаря своему несложному построению. Именно потому СИНЕМА — развлечение в основном слаборазвитых стран (Китай, Индия, Египет). Большинство телеаудитории так или иначе ассоциирует фильмы с действительностью. Разумеется, реальность синема — это не действительность, но ее подмена, в лучшем случае — точка зрения на действительность кинорежиссера, разрешенного к работе администрацией. Большинство современных фильмов принадлежит к расплывчатому жанру бытового реализма (“реализм” в кино всегда условен, послевоенный итальянский неореализм также не исключение). Говорящие на популярном жаргоне, облаченные в современные одежды, персонажи фильмов есть, по сути дела, условные типы условной реальности, и это заранее известно зрителю. Условностей за без малого сотню лет активной истории синема обнажилось такое множество, что они саморазрушили фундаментальную иллюзию реальности фильма. (Телеинтервью с актерами и актрисами добавили немало ложек дегтя в медовую бочку с надписью “Синема”.) У современных зрителей не осталось и минимальной доли способности предыдущих поколений — плакать, восхищаться

или негодовать. Наши дедушки и бабушки знали, что Голливуд — “фабрика грез”, но их не испорченное еще визуальной инфляцией воображение с удовольствием предавалось этим грезам. Современный зритель катастрофически теряет способность грезить, глядя на движущиеся картинки, по техническим причинам. Смысл демонстрации фокуса потерян, ибо аудитория давно знает секрет. Потому с сюжета фильма интерес зрителя переместился на детали. Откровенно условные фильмы о Джеймсе Бонде или первые фильмы Спилберга смотрятся лучше. В них зритель не должен верить в правдоподобие и отдает свое восхищение экзотическим пейзажам, эффектам и техническим игрушкам. Телезритель выродился в охотника за редкостями, он целый вечер обыкновенно переключает каналы, ища чего-нибудь особенного. Так же, как в performance ¹⁵⁶ лидеров на экране, в фильмах его интересуют случайные детали — предмет его гурманства. “Le petit detail”¹⁵⁷ в речи Ле Пена соответствует неожиданно свежий показ отрубленной руки в полицейском фильме или фильме ужасов. Можно лишь догадываться о степени безграничного удовольствия, какое получил бы зритель, если бы Ле Пен (или Миттеран, или Рейган) заговорил бы с ним нормальным, “открытым языком”, каким он говорит со “своими”. А в фильме ему показали бы, не жалея его, всю серьезную мрачность убийства, так же, как убийства запечатлены на фотографиях в полицейских архивах. Однако, несмотря на реки крови в полицейских фильмах и фильмах ужасов (а может быть, именно благодаря рекам крови и карикатурному избытию револьверов и выстрелов), насилие подается зрителю, как ребенку, в облегченном, разбавленном, уже высмеянном виде. Даже порнофильмы, парии культуры, не избежали чистки, несерьезность — в них заранее заданный элемент. Телезрителя твердо и уверенно воспитывают, скрывая от него возможность мужественного взгляда на жизнь. Прогрессизм, легкий гуманизм и оптимизм без принуждения создают искусственный, санаторный климат, в котором фильмы выполняют те же функции, что нормандский пейзаж для коровы, в то время как она, жуя траву, производит молоко и увеличивает свой вес. Фильм развлекает санаторного больного, избегая его раздражать. (Почему нельзя его раздражать? Считается, что граждане не созрели для взгляда на жизнь в полную силу. Их таки относят к недочеловекам.) Жанр художественного фильма находится в кризисе не потому ли, что даже самые невинные больные потеряли интерес к условным, облегченным историям? Фильмы одинаково неинтересны и в кинозале и на теле, но телеэкран в нескольких метрах, возможно выбрать один из нескольких фильмов, разогреть телеобед и жевать, а синема находится на бульваре Монпарнас или на Мэйн-стрит, до него нужно еще доехать или дойти.

Теле пришло, чтобы остаться с человеком. Вынуть телезрителя из кресла невозможно. Теле часто противопоставляет жизни, но оно есть всего-навсего добровольная замена гражданином части жизни разглядыванием движущихся картинок. И гражданин, больной, будет добровольно отказываться от части жизни для теле до тех пор, пока жизнь не станет интереснее, экзотичнее (или суровее и страшнее), чем теле. Качественные же, изобретательные фильмы еще прочнее привяжут телезрителя к креслу. Телевидение — невиданное в истории явление даже в его профанированном, примитивном виде, и человечеству не избавиться от его чар.

Общность же телемену спланирует общество санатория и санатории. Сидя в деревне нормандской, возможно видеть на экране тот же фильм, что и в деревне американского Среднего Запада. Теле — более могучее средство унификации мира, нежели некогда было христианство. И телескорость ослепительна. Телеколлектив более реален сегодня, чем реальные соседи по улице или соседи по деревне. Он

156

157

реальнее нации.

Телепаблисити, развившееся в отточенную и острую форму, так или иначе воспроизводит грезу производителя продукции об идеальном клиенте. Идеальный покупатель должен со взрывчатой энергией радоваться эффективной марке нового стирального порошка (потому вскоре, погрузив в воды Северного моря ступню, можно будет вынуть ее без кожи), должен быть бездумен, красив, зловеще молод... Паблисити (так же, как и музыкальный видеоклип) довольно часто — маленький шедевр и оставляет многие фильмы далеко позади по качеству исполнения. Тем сильнее его влияние на население, вполне невинное, если паблисити призывает потреблять персики или виноград, и куда более зловещее, если речь идет о продуктах, заражающих среду. Герой же паблисити — идеальный потребитель, без сомнения, это — сумасшедший. Улыбчивый и энергичный, красиво одетый, но абсолютно безумный. Устаревший интеллектуализм выбрал паблисити как символ “коммерциализации” теле в ущерб “культурному” теле, однако это заблуждение, как если предположить, что в смертной казни виновна деталь гильотины. Концепция человека-машины, производителя и потребителя, есть вредная и злобная концепция, а паблисити скорее скрашивает скучное потребление.

Если бы санаторное общество соответствовало его же претензиям, являлось “демократическим”, средство массового гипноза должно было бы принадлежать People. Но оно принадлежит администрации и продающей свои продукты касте бизнесменов. На экранах появляются те, кому по занимаемому ими положению в санатории разрешено появляться. Рупор администрации, выражающий лишь ограниченную часть всего спектра общества,— теле, могущественное средство внушения, образования и воспитания, служит в жалкой роли, игнорирующей его суть. Мощь телевидения намеренно сдерживается. Как если бы прекрасный суперсовременный автомобиль, игнорируя мощный его мотор, владелец-самодур стал бы использовать, запрягши в него лошадей, для прогулок в окрестностях деревни.

Казалось бы, лучшее средство дискредитировать “Аксъен Директ” или корсиканских экстремистов, вообще любую экстремистскую группу — засадить их за стол теледебатов с социологами и философами. Но в санаторном обществе, где из девяти кандидатов в президенты четверо появляются на экранах теле впервые лишь за две недели до выборов, “Аксъен Директ”, дебатирующая свои идеи на теле, может привидеться, перефразируя Шекспира, лишь “в тяжком сне после обеда”.

Выпустить теле из рук администрация не может. Из боязни создать аппарат коллективного мышления, отдать трибуну дискуссии иному, нежели администрация, органу — самому населению. Теле, без сомнения, тотчас превратится в суперклуб якобинцев — “возбуждающихся” и благодаря способности проникать сквозь стены непосредственно в семьи сделается мгновенно непобедимым. Посему администрации выгодно насильственно удерживать теле в деревянном веке, употребляя лишь несколько процентов его мощности.

Можно услышать мнения, что начавшаяся satellite revolution ¹⁵⁸ угрожает телемонополиям местных администраций. Это было бы верно лишь при двух условиях: если бы существовала subversive ¹⁵⁹ страна, телепрограммы которой, будучи уловлены и распространены спутником, представляли бы опасность для стабильности санаторных режимов. И второе условие: владельцы интернациональных телеспутников (Руперт Мурдох, Берлюкони, Бриг и люди их типа) не будут препятствовать распространению программ subversive страны. Оба условия невыполнимы. Такой страны нет на глобусе, а если возникнет,

Мурдох/Берлюскони станут злейшими врагами ее.

Поп-музыка как средство оглупления

Никогда еще в истории человечества не раздавалось вокруг столько музыки. Хотим мы этого или нет, нас купают в музыке в супермаркетах, на вокзалах и в аэропортах, в офисах, в ресторанах и квартирах друзей. Собравшись в компанию, ныне мало разговаривают, но, сидя и стоя, топают ногами в такт доминатриссе музыке, подпевают ей или раскачиваются. Какой-то части People, как видно, мало этих порций, и они разгуливают по улицам и в метро с наушниками “walk-man”. Видеоклип — эта смесь музыкального номера и короткого фильма — уверенно завоевал телевидение.

То, что обществу выгоден интерес молодежи к поп-музыке, выяснилось не сразу. Обыкновенно, спорт и старого вида развлечения были использованы в качестве умиротворителей и оглупителей молодежи. Но после второй мировой войны в арсенале транквилизаторов появилось новое средство. Вот что писал критик Хэмфри Луттелтон в журнале “Men Only” за 1960 год:

“С 40-х годов экономический баланс перевесился резко к тинэйджеру... Это факт, что подростки имеют больше свободных денег потворствовать своим вкусам и фантазиям, чем любая другая секция общества, вне пределов супертаскового ремня.¹⁶⁰ Прямое последствие этого то, что граммофонная пластинка заменила “песенную копию” как барометр популярности... И в большинстве случаев это исполнитель, а не песня — наиболее важный фактор... В основном на деньги тинэйджеров джаз наслаждался беспрецедентным бумом”, —

констатирует мистер Луттелтон.

В 50-е годы джаз стал фундаментом субкультуры beat-generation.¹⁶¹ Хипстеры и битники показались обществу вначале опасными, но, понаблюдав, отцы администрации поняли “единственного крайнего нон-конформиста его поколения”, как назвала хипстера Каролин Бирд в “Харпэрс Базар” в 1957 году. Заметив по пути, что

“очень соблазнительно охарактеризовать хипстера в психиатрических терминах как инфантильного, но стиль инфантилизма есть знак нашего времени”.

“Джаз — это оргазм, это музыка оргазма...” — со свойственной ему восторженностью писал молодой Норман Мейлер¹⁶² в знаменитой статье “Белый негр”. Оргазм или нет, но джазовые клубы того времени постепенно наполнились, и пластинки раскупались.

Потом пришел рок-н-ролл.

“Кого винить?” — спрашивал тот же Луттелтон, жалуясь на

160

161

162

качество поп-музыки своего времени. “Мы не можем приколоть все на тинэйджеров. Да, правда, они заказывают мелодию в наши дни. И это благодаря их жажде шумной музыки с четким ритмом рок-н-ролл и родственные ему стили сейчас преобладают в поп-музыке. Но если общество снабжает своих подростков карманными деньгами, оно не может осуждать их за траты (денег) в незрелой и незрелой манере...”

Очевидно, обрадовавшись этой манере подростков тратить деньги, образовалось множество музыкалозаписывающих компаний, а радио и позднее теле завели у себя программы с популярными диск-жокеями в седлах, диктующими популярную моду. (В ретроспективе, оглядываясь назад, увидим жирного Элвиса в фуражке-капитанке и с гитарой, соблазняющего *chick's* ¹⁶³ на мексиканско-калифорнийском пляже, как ныне недосыгаемый эталон мачо. Уже Элвис срывался порой на сладкие ноты кастрата и совершал туловищем движения, в те годы неотнормимые к движениям мужчины, но Элвис был, без сомнения, мужественный тинэйджер, лишь грозивший стать пэдэ отцам — поколению тяжелых асексуальных гангстеров и бизнесменов, в случае, если отцы не подвинутся. Они подвинулись и поделились рынком.)

Flower-children¹⁶⁴ озвучили свое существование, как ни одно поколение до них. Философия хиппизма нашла свое наиболее яркое выражение в сладеньких песнях группы “Битлз”, в заунывном бормотании Боба Дилана. К инфантилизму, унаследованному от бит-поколения, прибавилась заметная феминизация — длинноволосая четверка “Битлз” на фотографиях того времени выглядит переодевшимися самочками, не говоря уже об общей нежноголосости и сладкодевичесестве их голосов. Стриженными в скобку миловидными девочками, выпорхнувшими на сцены концертных залов мира, сладкие мальчики “Битлз” точнейшим образом выражали психоструктуру нового поколения европейской молодежи — ее бессилие, женственность, сладчайший эгоизм и безграничную эмоциональность. Культ эмоций, начавшийся джазом, растянулся на все 50-е, 60-е и добрую половину 70-х годов. (Real man¹⁶⁵ исчез куда-то, засмуцавшись, может быть, уехал воевать в Конго, Алжир или Вьетнам, уступив место сладкоголосым и длинноволосым гитарным соблазнительям.) Может быть, потому, что энергия молодежи выразила себя в таком количестве музыкального шума, ярость ее была успокоена марихуаной, активность была убита открытием психоделических наркотиков, отрицание санаторной цивилизации ограничилось переворотом в модах одежды и поведения. В пацифизме, sex promiscuity¹⁶⁶ (она же сексуальная революция), в непротивлении насилию — “love”... Хиппи-движение сумело выразить себя лишь в безвольных молодежных бунтах. (Май 1968 года в Париже, волнения 1969 года в Беркли и пр....) Парижские молодежные волнения гордо втиснулись в историю под названием “Революция”. Однако, судя по множеству фильмов-документов, они были скорее массовым мюзиклом в жанре рок-оперы “Иисус Христос — Суперзвезда”. Революция — серьезный жанр, и для постановки его требуются трагические актеры, не актеры водевиля. А именно водевильными были участники хиппи-движения. (За исключением криминального Мэнсона, случайно попавшего на водевильную хиппи-сцену. Единственного мужчины в движении.)

163

164

165

166

Любая параллельная социальная мода, очевидно, оттягивает силы и внимание поколения от задачи (чисто биологический инстинкт) отъема власти у старших самцов. Если бы русские юноши 1917 года имели возможность потерять часть энергии, выразив ее в музыкальных воплях или растворив в наркотиках, кто знает, может, Революции не случилось бы.

Нормально, что общество встречает всякое новое явление враждебно. Старики — охранители санаторных нравов некоторое время не признавали в переодетых под грязных девочек хиппи своих детей. Но, убедившись, что дети так же успешно делают деньги на сладких песенках и крашенных вручную тканях, как их папы в адвокатских конторах и докторских офисах, охранители успокоились. С тех пор у каждой новой бригады администраций нет больших проблем с ряжеными юношами, терзающими музыкальные инструменты на сценах мира. Условность *message*¹⁶⁷, несомого поп-музыкой, понята обществом. Уже черному миллионеру Бобу Марлёу позволялось распевать и миллионами экземпляров продавать “Я застрелил шерифа” и “Революцию” без того, чтобы кому-нибудь пришло в голову убивать шерифов или совершать революцию. Однако когда из магазина одежды Малколма МакЛаррена на Кингс-роад вышли в 1975 году в порезанных футболках *Sex Pistols*, старички в администрациях все же вздрогнули. Джонни Роттэн того периода был великолепным образцом тинэйдж-мужественности, куда более привлекательным, чем все герои поп-музыки от Элвиса, через кастрированного Боба Дилана до найтклубкого и двуполого Дейвида Боуи. Хулиганистый и агрессивный, злой Джонни Роттэн — как бы реинкарнация *of bad boys* — Рембо и Лотреамона, мог появиться только в бедном и абсурдном санатории Великобритании, где лорд Х. порой служит членом парламента от рабочей партии. В подлинности, на начальном этапе, связей стихии поп-музыки с эмоциональной стихией каждого поколения не приходится сомневаться. “Белый бунт” группы “*Clash*” и “Анархия в Юнайтед Кингдом” — *Sex Pistols* так же выражали свое поколение, как репертуар Фрэнка Синатры — свое время, а “миссис Робинсон” и “Люси в небесах” — свое. Однако приручить движение, именно возникшее из АГРЕССИВНОСТИ подростков, оказалось нелегко. Музыказаписи-вающему бизнесу пришлось потрудиться. (Пусть они и имели опыт, сам метод отрыва сообщения от его смысла был прекрасно использован бизнесом и средствами массовой информации уже не раз.) Общими усилиями общества, музыкального бизнеса и части самих *punks*, движение было одомашнено и кастрировано в несколько лет. Сохранив внешние агрессивные атрибуты: металлическую неприятность звукового оформления, кожу, сталь и черные одежды (превратив их в утрированно театральные) — *punk*-движение лишили его антисоциальной сути. (*Punk*-движение было близко к анархизму, было как бы его дада-вариантом, нигилизмом.) Тщательно остриженные и загримированные, *punk* и *post-punk* группы играют сегодня роли бунтовщиков, одетые в одежды бунта (выполненные авангардными дизайнерами) и издавая звуки, каковые положено издавать бунтовщикам. “*Clash*” превратились в такую же странствующую театральную группу, как и “*Kiss*”. Даже откровенно тяготевший к культур-фашизму Билли Идол приручен и оформлен в образ свежего атлета. Кажется, вот сейчас он предложит публике покупать только зубную пасту “Сигнал”, вынув тюбик из кармана. “*Pretenders*”¹⁶⁸ — название одной из групп может служить символической характеристикой *punk*-групп сегодня. Порой кажется, что Нина Риччи или Елена Рубинштейн производят *post-punk* группы вместе с одеклонами.

Новейшие, 80-х годов, звезды и суперзвезды поп-музыки близки к Микки Маусу, Батману, Доналду Даку, Супермену и персонажам Визарда оф Оза. Дедушками,

167

168

первой моделью этой серии являются, несомненно, знаменитые “Kiss”, “Свирепые, огнедышащие, блюющие кровью... безумцы” (цитата из фанзина) на семиинчевых платформах достигающих колен сапог, они были названы “Gallup Poll” как предпочитаемая группа американских тинэйджеров в 1979 году. Дженни Симмонс, прославившийся ненормально длинным языком, им он умело манипулирует во время концертов, похож в гриме одновременно на Дракулу и прибежавшего из комиксов ящера-бронтозавра. Интересно, что Фрэнк Синатра в свое время был кумиром девочек того же тинэйдж-возраста. Налицо явная инфантилизация вкусов подростков.

Мужчина совершенно разгромлен в новом издании *рок-звезды*. Только примеров Майкла Джексона и Принца достаточно, чтобы иллюстрировать процесс иммаскуляции. Не мужчина, не женщина, но смесь — травести, смахивающее на инопланетное существо, прыгает по сцене. Существо вызывает вначале неприязнь и недоумение, позже — стыд за него и в конце концов жалость к уродцу-обезьянке. Неопределим не только пол уродца, но и раса. Дабы покупатели пластинок и видео сумели преодолеть подсознательный расизм в целях безграничного расширения рынка, кожу Джексона подбелили, выпрямили и выкрасили негритянский колючий кустарник волос, искромсали нос и губы. Любопытно, что писклявое существо воинственно антисексуально. Широко разрекламированная virginity¹⁶⁹ Майкла Джексона, его принадлежность к секте свидетелей Иеговы, сладкая любовь к ламам и черепахам, может быть, и есть его индивидуальные странности, но уж очень набор их соответствует агрессивному антисексуальному стилю 80-х годов. Похоже, что некто ловко и профессионально собрал Майкла Джексона из частей в имидж star 80-х годов, дабы сделать большие деньги. Если коротконогий и жопастый Род Стюарт, похожий на обрюзгшую хозяйку борделя на пенсии, сочтется жирным сексом 70-х, “Я — эпохи”, то хрупкий ЕТ-травести Майкл Джексон и вульгарный до тошноты latin-antlover¹⁷⁰ маленький Принц (машущие конечностями в сопровождении ансамбля балетных пэдэ в костюмах балетных хулиганов) есть барышни-старушки нового времени — эпохи пресной информативной революции бухгалтеров. Английский стиль изгнания мужественности, вполне в традиции ветхой англосаксонской эксцентричности выживших из ума джентльменов, коллекционирующих женское интимное белье,— это Бой Джордж.

Женщины отделались куда легче. Тина Тернер в реинкарнированном виде хотя и смахивает на лесбиянку и садистку одновременно и на блатную, только что освободившуюся из сибирского лагеря, и намекает на испорченные радости, которые могут внести в жизнь “бондаж и дисциплина”, все же остается очевидной женщиной. Хотя и немногие мужчины представляют свой идеал в виде Тины Тернер.

Несмотря на его культурную легковесность, феномен поп-музыки следует зачислить в важнейшие феномены нашего времени. Содержание сообщения, несомненно пластинкой или видеоклипком, в лучшем случае второстепенно (так же, как и секс, “поп” не имеет знака. “Рок-н-ролл за мир” — нонсенс), важен сам факт присутствия поп-музыки в жизни вот уже нескольких поколений санаторной молодежи. И теперь уже молодежи всего мира. И не только молодежи! Media же, разумеется, возвела исполнителей “поп” в ранг героев нашей цивилизации и спешно присоединила их к Пантеону человечества.

Все это не так безобидно, как кажется. Непомерное изобилие музыки угрожает мышлению. Социальная мода необыкновенно могущественна, и индивидуумам невозможно противостоять массовому психозу, потеснившему, а для некоторых возрастных групп (в случае подростков) диктаторски убравшему беседу, обмен

169

170

мнениями из мест человеческих сборищ и заменившему речь музыкальным шумом. Сама — эмоции, стимулируя эмоции, поп-музыка противоположна мышлению. Враждебна мышлению.

Неужели никто не манипулирует увлечениями человечества, и новый консерватизм и СПИД являются на сцену именно в момент, когда из других кулис (сами, без тычка в спину?) выпрыгивают Майкл Джексон, Принц, Бой Джордж и вся банда? Невозможно доказать, разумеется, что верховное главнокомандование санаторной цивилизации, его старейшины единожды собрались, скажем, в Женеве и решили поощрять распространение поп-музыки и управлять ею. И выбрали комитет, надзирающий за деятельностью музыкозаписывающего бизнеса, и назначили хотя бы по одному представителю в каждую музыкальную и видеокомпанию. Вероятнее всего, такого комитета не существует. Однако не следует забывать, что санаторная цивилизация обладает достаточной гибкостью, чувствительностью и способностью к присвоению-обезвреживанию новых культурных явлений. (Невозможно было представить, что “Clash”, кричавшие в 1977 году: “Бунт! Бунт! Я хочу бунт! Я хочу мой собственный бунт!” — уже через несколько лет станут приличной, кастрированной группой.)

Санаторной цивилизации выгодно сегодня приковать свою молодежь к “walk-man”, к радио, к стерео и теле, выгодно кормить молодежь музыкальным шумом, выгодно популизировать поп-легенды в ущерб легендам о Мужчине-воине, выгодно, чтобы в видеосценках молодые мужчины, одетые, как дети в детском саду, высмеивали свою собственную мужественность. Подросток на пороге половой зрелости, старая блядь, кастрат и гермафродит — вот герои поп-сцены сегодня. Но мужчина? Где же мужчина?

Мужественность изгоняется потому, что она представляет собой ненужные и враждебные санаторию и его укладу жизни качества: воинственность, самостоятельную волю человека, его достоинство. Именно они опасны для санаторного общества. Задача санаторной цивилизации — отвлечь молодежь и провести ее без крупных волнений в спокойный период, в тихие воды, лежащие где-то за тридцатилетием. Если искусственно, путем трюков, продержат поколение в подростковой стадии как можно дольше, не давая совершиться превращению подростка в молодого мужчину, возможно таким образом выпустить пар из раскаленного котла и избежать взрыва. Даже администраторы куда менее поворотливой разновидности санаторной цивилизации, ее восточной, российской модели, и те поняли наконец умиротворяющее, миротворческое влияние поп-музыки на молодежь и приобщили ее к арсеналу средств оглушения.

Переоцененная активность: секс

Прославившие Оруэлла строки, авторский комментарий к сексуальному акту Джулии и Винстона Смифа: “Это был удар, направленный против Партии. Это был политический акт”, — есть лишь напыщенная краснота. Все партии с удовольствием отправляют гражданина в постель. (Общность жен в Утопиях будущего осталась лишь мечтой сексуально не удовлетворенных утопистов прошлого.) Разумеется, администрация возражает против того, чтобы гражданин задерживался в постели надолго, дабы не страдала основная активность, к которой он предназначен в санатории, — трудозанятость (employment). Однако “Travail, Famille, Patrie”¹⁷¹ было предпочитаемым кредо пред-санаторных обществ Европы и

зародилось за тысячелетия до того, как было сформулировано. И в санаторном обществе “Работа, Семья, Родина” не потеряло смысла (через полстолетия после Петена его повторили Раймон Барр и Рональд Рейган), ибо, чтобы содержать семью, необходимо трудиться, и именно этого же хочет от гражданина Родина. Лозунг будет звучать более разумно, если подчеркнуть его смысл простейшей вставкой частиц: “Travail pour Famille et Patrie” — работай для поддержания маленького коллектива (сексуальный союз с последствиями) и большого коллектива (духовно-экономическое содружество миллионов семей в Родину).

Существует гипотеза, что оседлое земледелие вовсе не являлось в свое время самым передовым и выгодным методом производства и добычи питания и переход к оседлости был совершен насильственно. Оседлость была вызвана к жизни необходимостью политической — она облегчала администрирование. Оседлое население куда легче контролировать, потому кочевника одомашнили. Именно для этой же цели в 50-е годы в СССР пытались создавать цыганские колхозы. (Чингисхановские завоевания в XIII в. имели в основе своей восстание кочевников против оседлых цивилизаций Азии. Куда более осмысленное, нежели антимашинизм луддитов в Англии XIX в.)

По тем же причинам сексочевничество не приветствуется администрациями, и феодалы средневековой Европы предпочитали, чтобы крестьяне жили семьями, а администрация СССР охотнее отпускала за границу семейного функционера.

Famille есть узаконенная, ответственная, оседлая форма секса с желательными администрацией последствиями: дети, новые граждане. (Она же есть и самая нездоровая форма насильственного секса: продолженного в постсексуальное общежитие.) Мирно сосуществуя в течение тысячелетий со второй сексуальной реальностью, контркультурой секса — конкубинажем¹⁷² и проституцией, традиционная семья подверглась в XX веке двум крупным атакам. Первая, теоретическая, была ведома Фрейдом. Секс, область, где обыкновенно человек мог укрыться от общества и его социальных законов, был завоеван Фрейдом для общества и присоединен к домену социального. Ошибочно и карикатурно подчинив секс зависимости от отношений между родителями партнеров, смоделировав отношения, свойственные семье восточной, еврейской, представив их как универсальные, Фрейд лишил человека свободы секса. Фрейд подложил тушу общества в постель между секспартнерами.

Вторая атака произошла в 60-е годы. Именно тогда под давлением молодежи санаторные общества осмелились наконец модернизировать ежедневную жизнь. Вынуждены были освоить (резким скачком) уже имевшиеся в наличии технологические достижения и продукты prosperity: пластинки, теле, новый стиль траты свободного времени, открывшиеся возможности передвижения — авто и мото. (В не пострадавшей от войн и потому забежавшей вперед Северной Америке это произошло чуть раньше.) Закономерным образом модернизация жизни повлекла за собой изменения в области нравов, привела к новым моделям поведения и к новой сексуальной морали. Отношения между полами сделались более свободными, promiscuity восторжествовало, по крайней мере, среди городской молодежи санаториев. Главным же толчком к сексуальной революции (так тогда называли отступление от старой модели сексуальности: семья — конкубинаж — проституция) послужило изобретение противозачаточной пилюли.

Сексреволюция бушевала, утихая, примерно два десятилетия, вплоть до появления таинственного вируса СПИД. Все 80-е годы наблюдается процесс, обратный сексреволюции, — возрастает супружеская (или конкубинная) верность, уменьшается количество секспартнеров... Разумеется, эти явления в первую

очередь есть результат страха СПИДа, поощряемого администрациями, а не результат коллективного вдруг возврата к консерватизму. Но уже в самом конце 70-х годов, еще до появления фатального вируса, сексреволюция стала затихать. Очевидно, каким бы сильным импульсом секс ни являлся, он не основной и не самый сильный в человеческом существе, и Фрейд создал лишь (как и Маркс) увлекательную гипотезу. Испытав promiscuity, немногие остались его адептами, и каждый устроился согласно своим потребностям.

Откуда бы ни появился вирус (точнее, вирусы) СПИДа, из лесов Африки, из пробирок ЦРУ, несомненно, что появился он к удовольствию администраций санаториев. Пройдя сквозь опыт 60-х годов, администраторы поняли, что “революционность” свободного секса — нонсенс, однако внесемейный секс лишал их граждан. Серьезное снижение рождаемости в санаториях озаботило головы футурологов-администраторов нешуточными видениями расплодившихся афро-азиатских масс, наступающих на испуганные несколько миллионов бледно-белого населения санаториев. За 1.500 лет Европа не забыла судьбу Рима, поглощенного, залитого морем варваров (среди них и “наши предки” галлы). Залитие Европы афро-азиатами — реальная перспектива. Варвары же они или, напротив, воспитаны в восхищении санаторной цивилизацией, имеет значение подчиненное. Рим был захвачен не сразу, но в результате многих перипетий истории, смешений крови. Вначале варвары были допущены на военную службу... Многие варвары обожали Рим, как сейчас они обожают Париж... Санаторные страны, с Европой-метрополией во главе, стабилизировали свою рождаемость, следуя машинной, сознательной логике распределения доходов в семье, эмоциональные же “неразвитые” населения чудовищно разбухли. Грозные человеческие массы колышутся в нескольких областях планеты, грозя вылиться и растечься в чужие пределы в поисках пищи, подобно стадам саранчи. Разумный в году “0” от рождества Христова, на слабо заселенной Земле, лозунг церкви “Плодитесь, размножайтесь!” сегодня — преступен. В свое время, в XVIII—XIX веках, индустриальная революция способствовала демографическому взрыву (куда более скромному) в Европе. Но тогда было куда выселяться. Была Америка. Принеся в жертву прогрессу американских индейцев, европейцы затопили континент.

Сегодня выселяться некуда. А прогресс медицины выразился в катастрофической перенаселенности неразвитых стран. Наладить медицинское благополучие человеческих коллективов много легче, чем накормить их. Именно неравномерность различных видов прогресса привела к волнам голода, прокатывающимся каждый год в Африке и Азии. Эмоциональная озабоченность европейян (Фронт насъеналь) ростом населения стран южных берегов Средиземноморья обоснованна. Когда дело касается хлеба и жизненного пространства, нежности, присущие словарю либерального времени, упраздняются мгновенно. То, что сегодня с неприязнью называется расизмом, завтра благородно станет “идеологией” и будет означать ПАТРИОТИЗМ и защиту от нашествия варваров, со всеми на то основаниями. Пример Средиземноморья можно расширить примером Китая, безуспешно сражающегося со своей рождаемостью. Алчным глазом глядит Китай на слабо заселенную российскую Сибирь. Расстояние от четырех миллиардов до пяти (численность населения планеты) человечество преодолело с такой впечатляющей скоростью, что рассуждения о будущем все более похожи на чтение вслух Апокалипсиса.

Свободные сексуальные нравы, да, расшатывают мораль и, очевидно, волю населений, но так как не армия, а орудия extermination охраняют сегодня санаторий, то расшатавшиеся сексуальные нравы не причиняют его безопасности (стабильности) большого вреда. Санаторий может себе позволить декадентство в очень большой дозе, ибо охраняется он не солдатами — гражданами. Более того,

декадентство в определенной степени поощряется и предпочитается воинско-солдатскому мировоззрению. Сегодня администрации санаториев включают семью в лозунг фундаментальных ценностей не по причинам охраны моральности населения, но дабы не прекращалось производство будущих граждан. Это единственная функция семьи в санаторном обществе. Функция воспитания детей переместилась в значительной степени от родителей к телеящику и к школьному коллективу.

Секс же (и семейный тоже) употребляется в санаторном обществе в качестве substitute.¹⁷³ Он отлично отвлекает внимание и энергию от куда более мощного биологического импульса — инстинкта к доминированию. (Для разных особей в различной степени и на разного размера территориях, в прямой зависимости от генетических возможностей.) Не сексуальные функции являются первичной характеристикой человеческого самца (как нас пытается заставить поверить культурпропаганда санаториев, вооруженная бездоказательным фрейдизмом), но способность подчинить себе других самцов, сила, агрессивность, способность создать и охранять (управлять) семью, клан, племя. Отдавая сексу не принадлежащее ему первенство, литература, кино, теле, радио санатория толкают массы молодежи в секс, отвлекая их от ЕДИНСТВЕННО РЕАЛЬНОЙ проблемы — отъема власти у старых самцов. (“Совокупляйтесь, а мы будем иметь власть!” — очевидно, так могли бы сформулировать ситуацию администраторы, размышляя они о подобных вещах.) Только в искусственном санаторном климате утверждено первенство сексуальности над инстинктом доминирования. В несанаторных обществах секс находится на отведенном ему месте среди других активностей. И как доказывает опыт, санаторные больные, оказавшись в чрезвычайных условиях катастрофы: в джунглях, в пустыне или на необитаемом острове, — мгновенно излечиваются от цивилизации. Биология тотчас, и без труда, одерживает победу, и знаменитый (справедливый) закон джунглей торжествует. Женщина достается сильнейшему (во всех смыслах, не только физически) вместе с единственным карабином, рыболовной сетью и увеличительным стеклом для зажигания огня.

Новые разрешения и новаторства в области индустрии секса, от “революционного” в 50-е годы журнала “Плейбой”, прогрессируя в “Пентхауз”, к куда более непристойному “Хастлеру”, через фильмы “Эммануэль” и “Калигула” к сексобъявлениям в прессе (кульминация процесса: сексобъявления на экранах минителей и порнофильмы на КаналПлюс теле), производятся с молчаливого разрешения администраций. “Неспособные на наш собственный бунт (цитируя опять “Белый бунт” группы “CLASH”), *мы бродим по улицам слишком цыплята даже попытаться*” (отнять власть). Свой секс можно иметь в санатории, но не свой бунт. Возможно иметь почти любой мыслимый секс, ибо желание отвлечь молодых мужчин от “своего бунта” заставляет администрации разрешать ранее запрещенные виды секса. Из когда-то длиннейшего списка извращений исчезли мало-помалу гомосексуализм, лесбийство, анальный секс, умеренный садомазохизм, и только педофилия и инцест являются никем не отмененными табу.

Певец мужественности Хемингуэй заметил:

“Секс и южная кухня чрезмерно overrated.¹⁷⁴ Безусловно, есть нервное удовольствие в любви, нервное удовольствие (thrill) в сексе, но существует и множество других удовольствий. Мужская жизненная сила и потенция может быть продемонстрирована, когда вы наблюдаете ракету, покидающую пусковой механизм на мысе

173

174

Канаверал, или глядите на хрупкого мужчину, противостоящего быку в тонну (весом) на арене”.

Сегодня “другие thrills” или перестали существовать, или потеряли свой thrill. *Войны*, где можно было проявить личную храбрость, *на территориях санаториев прекратились* ¹⁷⁵, невозможны по причине PAIX ATOMIQUE. Выехать в качестве наемника воевать в неразвитые страны достаточно сложно. Не говоря уже о неприятии такой добровольной помощи сражающимися группировками неразвитых стран (они предпочитают оружие, людей у них хватает), законы рассматривают наемников не как солдат, но как бандитов. Если далее профессия солдата сделана непопулярной, то репутация наемника совсем разрушена. (Вспомним суровые смертные приговоры наемникам в Анголе и на Сейшелах.) Путешествия в “дикие страны” сегодня невозможны, ибо их нет, и уже Хемингуэя обвиняли в том, что его поездки в Африку были организованными safaris, то есть не авантюрами, но туризмом. Охота на больших зверей в Африке ввиду исчезновения больших зверей становится дорогостоящим удовольствием, доступным лишь очень богатым. Удовольствия схваток с врагом сведены к спорту, возбуждение моей борьбой — к воплям болельщиков на стадионах, возбужденным чужой борьбой (они страстно желают сделать борьбу своей. Вспомним убитых на стадионе Эзеля). Раздаются настойчивые голоса, требующие запрещения бокса и регби как опасных для жизни спортсменов, насильственных видов спорта. Их не запретили еще, но европейский бокс, ограниченный все большим количеством правил, все менее интересен. И если тореадоры по-прежнему выходят на арены стран Средиземноморья, то лишь потому, что многовековую традицию эту нелегко уничтожить. Остается из всех возможных авантур лишь одна — сексуальная, из thrills — thrill охоты на Самку. Но и охота на женщину, вопреки завету Папы Хема (“женщина, взятая без бою,— ничто... абсолютное Nada, как мы говорим по-испански”), в санаторном обществе выродилась в предугадываемую церемонию. Не подняв женщину до уровня мужчины, сексреволюция и влияние феминистского движения на общество лишь опустили мужчину — равности партнеров не получилось (и не могло получиться. Об этом позаботилась природа), налицо конфуз функций и ролей мужчины и женщины. Результат — thrill уменьшился до степени сексуальной игры и акта животных в зоопарке. Оба одомашненные и усмиренные, они ошибаются друг в друге: он, думая, что обнаружит в ней “свободную” женщину, она — думая, что обнаружит в нем мужественного мужчину. Оба обмануты. К тому же, так как запретов в области секса осталось немного, thrill секса уменьшился еще и по причине отсутствия запретов. Современные мадам Бовари — банальны, ибо, сократив “грех” до размеров адюльтера, общество лишило своих Бовари трагичности.

Секс стал насильственным блюдом. Мифология секса, таинственность секса (обыкновенно таким он кажется подростку в возрасте полового созревания), его чары распространены (пульверизируются) на все население санатория. Бесчисленные “I love you, baby!”, вырывающиеся из глоток прославленных и поющих в метро за несколько монет исполнителей, фильмы-анекдоты о любви, во всех ее видах (дорогая любовь в шато, с модными извращениями, и дешевая, романтическая love на фоне большого города, гомосексуальная love...), журналы, телешоу, романы — все наполнено сексом. (Сексиклип — новейшая форма телестриптиза.) Не умершие в синемаатиках сексимволы прошлого соперничают с сексимволами сегодняшнего дня. Актрисы Валерия Каприсски и Марушка Дитмэрс с Мэрлен Дитрих и Джин Харлоу. В независимости от качества фильмов и таланта сексимволов можно констатировать, что sex и love занимают в развлекательной

индустрии санаториев диспропорциональное место. Впечатление такое, что они есть единственная, помимо work, активность населения. (Вполне логично заменить в святой троице санатория *famille* на *sex-love*.)

Интересно, что зрелые писатели первого санаторного поколения, “звезды” Роб-Грийе, Соллерс, Матцнеф,— все так или иначе оказались к концу 80-х годов настойчивыми (и порой вульгарными) воспевателями *sex-love* в его наиболее провокационных видах, от садо-мазохистского донжуанства до педофилии и инцеста. Почему от нового и нового-нового романа, от гошизма и формализма обратились они к сексу? Потому, что иных неколебимых ценностей, на которых возможно построить популярное творчество, не существует? Потому ли, что санаторное общество и его климат не способствуют этуализации¹⁷⁶(появлению на телеэкранах) писателей — социальных критиков типа Золя и Селина; поощряются Р-Г, С, М.— как *безопасные* писатели? Потому, что мужественность в ее цельном виде обязательно ассоциируется с фашизмом? Потому ли, что только кафкианская жертва и искатель сексуального thrill могут быть близки больным санатория?

Sex-love, несомненно, служит в санаторном обществе заменителем, эрзацем thrill мужественности. В порнографии (каковая есть в ее современном виде всего лишь безобидная область эротики для бедных) решительно господствует лишь комический показ секса. Присутствующий всегда в сексуальных актах реальных мужчин и женщин элемент насилия, агрессивности удален из порнофильма, как кофеин из бескофеинного кофе, ибо пропаганда насилия запрещена в санаториях. Упоминание насилия запретить невозможно, но возможно его истолковать безобиднее. В Соединенных Штатах очень *hard* порнофильмы циркулируют на черном рынке, запрещённые законом. “Взрослый” секс черного порнофильма никогда не проникнет на широкий экран. Премьера в Нью-Йорке фильма “Ночной портье” вызвала и протесты еврейской общественности (ввиду неординарной трактовки любовной истории между экс-эсэсовцем и его экс-жертвой), и протесты и бойкот кинотеатра религиозными и даже профсоюзными организациями города. В то же время комические порнофильмы показываются в порнотеатрах Нью-Йорка ежевечерне уже четверть века, не вызывая особого возмущения.

Вместе с комическим сексом поощряется обществом секс подростковый. “I love you, baby!” в тысячах вариантов и есть низведение секса к подростковой версии. Культура довоенных, предсанаторных обществ (пусть и популярная, и развлекательная) была все еще “взрослой” культурой. Большой частью “взрослый” (*man — woman*) *sex-love* предлагался массам как модель для подражания. Пусть и фальшивые герои, звезды досанаторного синема все же были женщины и мужчины — Марлен Дитрих и Лорэн Бокалл, Хэмфри Богарт и Гарри Грант. Звезды сегодняшнего синема — мальчики и девочки. Среди сонма французских актрис от 20 до 40 лет нет ни единой женщины. (Аджани, Каприски и еще десятки им подобных — девочки, вплоть до старой девочки Джин Биркин и ее девочки-дочери Шарлотты Гинзбург...) Знаменитый Жерар Депардьё — не мужчина, но мальчик-гигант... Это санаторная реальность диктует нам (и производителям, и потребителям культуры) моду на тинэйдж-секс — легкий, нетрагический, школьный. Не выбравшие партнера жизни, актеры и актриски в морщинах, жеманничая, признаются в телеинтервью, что еще не встретили объект желаний, с которым хотели бы остаться надолго. И это объясняется санаторным климатом. Ибо если подростковый возраст растянут в санатории, то и тинэйдж-поведение (в том числе поиски *sex*-партнера) растягивается на десятки лет. И поискам этим придается несвойственное им значение. В санаторном обществе выбор *sex*-партнера для жизни приобрел абсурдно раздутую важность. Санаторный мужчина-подросток не понимает, что женщина и связанные с

нею активности (секс и семья) лишь части жизни мужчины, и далеко не самые важные.

Мертвые идеологии

Ensemble, nous ferons Gagner la France!
Ensemble nous construirons une France fran?aise, forte et
fraternelle!
La France unie est en marche!
В?tissons ensemble une France forte et fraternelle!¹⁷⁷

Вышеприведенные лозунги есть избирательные призывы кандидатов самых крупных партий на президентских выборах в 1988 году. Сложно догадаться, кандидату какой партии принадлежит каждый из них. Лишь Ле Пен выдает себя с “France fran?aise”. Лозунг Раймона Барра (последний) отличается от лепеновского лишь отсутствием “fran?aise”.¹⁷⁸ К сожалению, пятеро более мелких кандидатов не посчитали нужным сформулировать свое кредо единой фразой. Можно предположить, что в кредо присутствовали бы модные слова “ensemble”¹⁷⁹ и “France”, “fran?aise”.

Зачем Франции сплачиваться ensemble? Чтобы gagner — выиграть? Где выиграть? В чем? В Олимпийских играх? В третьей мировой войне? В Олимпийских играх Франция gagne всегда плохо, третьей же мировой войны Франция не желает. В чем же gagner? Наиболее правдоподобным является объяснение, что Франция должна выиграть в экономическом соревновании между странами. Вначале, может быть, в соревновании с Германией, ближайшим соседом. Лозунг Миттерана “La France unie est en marche!”¹⁸⁰ подразумевает, несомненно, то же самое: Франция находится на марше в направлении gagner. Присоединив в виде эксперимента к миттерановскому лозунгу — кличи Ширака, Ле Пена и Барра, получаем сборный клич — кредо, под которым каждый из них подпишется: “En marche pour gagner et betir ensemble une France forte et fraternelle!”.¹⁸¹ Не зная реальности жизни Франции, несанаторный человек (предположим, тот же абориген из песков Австралии) может предположить, что Франция, бедняжка, лежит в развалинах и на ее улицах — человек человеку волк. Невозможно выйти из дому без карабина, настолько она не братственная. Символическая преувеличенность очевидна и допустима, но то, что четыре самые сильные партии прибегли к одному (практически одному) лозунгу, неизбежно наталкивает на мысль, что “fran?aise”, “ensemble”, “gagner” — сегодня ингредиенты успеха. Коллектив в моде сегодня, как диктатор в моде в своей стране, пока он силен.

В санаторном обществе коллективы есть отдельные клетки социального организма, а не индивидуумы. Посему оно должно бы называться коллективократией, а не демократией. Не Сократ или Алкивиад являются действующими лицами санаторной жизни, но CGT, CFDT.¹⁸²(CNCF¹⁸³ответственна

177

178

179

180

181

182

за большее количество жертв, чем все террористы, вместе взятые, а “Ресторан Сердца” выглядел одно время более положительным, чем Жан-Поль-2).

Синдикализованные рабочие объединены в коллективы, синдикализованные патроны — также. Одновременно каждая фабрика, завод, бюро или ателье являются коллективами производственными. Политические партии санатория объединяют каждая в коллектив People, имеющих общие представления о том, как должен администрироваться санаторий. Одни коллективы внедрены в другие. Например, отношения профсоюзов и партий. Дублируя активности друг друга или, напротив, как в случае синдикатов и патрональных объединений, взаимоуничтожая их, деятельность коллективов создает иллюзию бурной социальной жизни санатория. Между тем речь всегда идет только и исключительно о производстве и его организации и о распределении прибыли. (Собственно политическая жизнь в санатории отсутствует.)

На любом митинге, даже удаленном тематически от внутренней санаторной жизни, например, против апартеида в Южной Африке, представители многобуквенных организаций занимают большинство мест в президиуме. Священнослужитель, писатель или философ — представители архаических активностей общества — в такой компании выглядят смешными анахронизмами. (В то же время супруга известной жертвы заложника — Жоэль Коффман или свежеприбывшая жертва апартеида Пьер-Андре Альбертини выглядят уместно, ибо культ жертв в санатории сильнее традиционных религиозных культов.) Представляющие профсоюзные коллективы Анри Кразуки или Андре Бержерон вызывают у санаторных больных сильные эмоции не благодаря оригинальности мышления или особой мудрости, но поскольку коллективы, ими представляемые, могучи и многочисленны.

Мнение индивидуума, никого не представляющего (если ему удастся публично высказать свое мнение), весит рядом с мнением коллектива, как перышко в сравнении с тонной свинца. (Между тем коллективы опаснее индивидуумов. Они много жаднее отдельного среднего индивидуума и куда более жестоки и безответственны.)

Сотни и тысячи мелких и среднего размера коллективов сливаются в большой — в санаторий (Франция, Соединенные Штаты Америки, Великобритания etc.).

Ранее People обыкновенно сгоняла в коллектив идеология. Сегодня сгоняет паблисити. По принципам паблисити сделанные специалистами предвыборные лозунги, заметьте, начисто лишены идеологической терминологии. “Gagner”, “ensemble” — безыдеологичные термины. Раскрыв агитационные предвыборные брошюры партий, избиратель также не обнаружит в них идеологии. Экономический язык, язык цифр и броские фразы паблисити упразднили идеологические доводы. Пользоваться языком идеологии сегодня (как это сделали мелкие кандидаты в президенты Лагуйер, Буссель) — значит заведомо обращаться лишь к узкому кругу посвященных (в случае Л. и Б. к тем, кто идентифицирует себя с *travailleurs*¹⁸⁴). Даже традиционный и универсальный *citoyen*¹⁸⁵ давно заменен в санаторном обществе на более теплое обращение — *Framais*.¹⁸⁶ В санатории живут не граждане. Граждане принадлежали к миру хорошо переплетенных книг, квартир с отдельной “обеденной” комнатой, железных дорог — короче, к миру развивающегося капитализма. В мире телеаудитории, где все свои, где миллионы запросто жуют совместно в одно и то же время телеобеда, испытывая одни и те же чувства по

183

184

185

186

поводу одних и тех же мелодрам на телеэкране, можно и должно называть больных запросто: *Framais, Americans...*

Обращения лидеров к своим коллективам закономерно трансформировались. В них все больше чувств, сентиментальности и мелодраматичности. Все меньше социальной мысли. Трансформировались соответственно и сами лидеры. Из вождей — идеологов своих движений (и впоследствии своих народов) они преобразились в профессионалов средств коммуникации.

Показательным примером может служить карьера и личность Рональда Рейгана. Следует понимать, что он прежде всего радиожурналист, синдикалист и пропагандист (он был *after dinner speaker*¹⁸⁷ компании “Дженерал электрик” с 1951 по 1964 г.) и лишь в меньшей степени актер. (За 40 лет он снялся в 50 фильмах, то есть, учитывая, что он играл не главных героев, и халтурные скорости Голливуда тех лет, он был занят как актер несколько недель в году.) Лишь в 1964 году (ему было уже 53 года) Рейган — *after dinner speaker* был услышан калифорнийскими республиканцами, высоко оценен и взят в политику. Он не принес в политику никаких новых идей, но словесные клише времен Маккарти, много раз использованные им в годы его активности как “послеобеденного оратора”. (Путешествуя по Америке, произнося иногда до 14 речей в день, Рейган призывал служащих “Дженерал электрик” сплотиться против врагов Америки — внутренних, коммунистов, и внешних — СССР. Не по причине ненависти к СССР и коммунистам, но от отсутствия собственных идей. Уже тогда эти речи были старомодными.) “НОВЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ”, выдутый *media* санаториев из рейгановских клише, есть, таким образом, банальнейший, подражательный, *second-hand*¹⁸⁸ маккартизм 50-х годов. Перенесенный вдруг неестественно в 80-е годы (Рейган “заморозился” со своим маккартизмом вдали от политики), консерватизм этот поразил воображение манипуляторов *media*, всегда поверхностных, по необходимости. (Подобным же образом, применив устарелую образность Эдгара По в XX в., Хорхе Борхес прослыл писателем оригинальным.)

Коммуникатор, Рейган стоит куда ближе к теледиктору Иву Моруззи, чем к Иву Монтану. Актерская деятельность была лишь второй профессией в его жизни.

Во Франции, с ее сильнейшей кастовой системой, аутсайдеры, не принадлежащие к касте брахманов-администраторов, к власти не допускаются. Брахманская традиция тормозит процесс популяризации лидеров. Популяризация происходит, брахман Миттеран мелодраматичен, как и Рейган, однако он не мелодраматический коммуникатор по профессии, но квалифицированный профессиональный администратор-раджа. Никто не знает, какой тип результативнее в управлении санаторием, профессионал-администратор кажется более ответственным.

People, объединенные в коллективы, не желают никаких оригинальностей от новой группы администрации. Лучшей жизни — да, оригинальности — нет. Они хотят безопасных для People лидеров. Посему администраторы по желанию People услужливо посредственны. Самые энергичные отсеиваются по мере продвижения к власти. Ложное возбуждение, в котором держит *media* население санатория в момент президентских выборов, есть беспочвенное возбуждение, ибо никто в здравом уме не ожидает, что Джордж Буш или Билл Клинтон вдруг на завтра после инаугурации объявят насильственную коллективизацию фермерских хозяйств и национализацию заводов и фабрик Соединенных Штатов. Весь ансамбль западноевропейской мысли сформировался в XVII—XIX веках. Монтескье и Адам Смит (лишь несколько имен, дабы не загружать текст) заложили основы

либеральной мысли, Прудон и Маркс — отцы мысли социалистической. (Обе системы мысли — идеологии либеральная и социалистическая — ориентировали человека на постоянное повышение уровня жизни.) Таким образом, сегодняшние идеологии всецело принадлежат XIX веку. Идеология была, по сути дела, путем, каковой должна была преодолеть в XIX веке мысль образованного буржуа, дабы прийти к выводу, что либерализм или социализм — единственно возможное построение для человеческого общества. Обоснованные неспешные доказательства нужны были умам того времени. (Но никогда эти доказательства не были доступны массам. Уже Ленин вынужден был расшифровывать марксизм своему безграмотному народу на поп-языке как захват собственности: “Фабрики — рабочим! Земля — крестьянам! Мир — народам!” “Капитал” прочли до конца, может быть, всего лишь десятки из его соратников.)

Две сотни лет индустриального развития изменили кардинально условия существования человека на планете до такой степени, что идеологические системы XIX века никак не применимы к нашему времени. (В этом смысле индустриальная революция куда более важна для человечества, чем Французская революция.) По сути дела, идеологии следовало бы выбросить за ненадобностью в век реальной угрозы ядерной катастрофы, в век, когда планета умирает под ногами человека. (Ни Адам Смит, ни Маркс даже не подозревали о возможности появления проблемы гибели окружающей среды.) Как орлы и львы национальных гербов, идеологии сохранены в санаториях, но так же, как орлы и львы, они выполняют роль орнаментальную.

1968 год неожиданно проиллюстрировал транквилизирующее влияние идеологий. Лидеры молодежной “революции” в Париже принадлежали не только к хиппи-поколению, были не только пропитаны духом love и pleasure и, следовательно, были мало способны на необходимое “революционное” насилие, они еще были и транквилизованы идеологиями. Все они принадлежали к многочисленным коммунистическим и социалистическим молодежным организациям (UEC, ESU, UJC, UNEF, FUA, JCR, FGEL... etc.). Куда лучше организованная, чем большевики в России 1917 года, молодежь 1968 года в Париже, запутанная в программы партий, в иссушающие мозг теологические дискуссии, оказалась неспособной на простую биологическую акцию — на бунт. Рассуждая и ораторствуя дни и ночи напролет в аудиториях Сорбонны (бюрократы уже в 20—25 лет!) об идеологических деталях общества, которое они устроят, ниспровергая “чужие” модели, они забыли взять власть. Просто неосмысленный и неорганизованный бунт был бы куда более результативным. Парижская *революция* оказалась чем-то вроде “танца войны”, исполненного племенем “дикарей”, привезенных на колониальную выставку в Европу. Раскрашенные старинными боевыми узорами, размахивающие каменными топорами, “дикари” никого не убили. Оттанцевали свое и ушли. С тех пор идеология употребляется в санаториях в прямо противоположных замыслу ее отцов целях — не для возбуждения масс больных, но для их успокоения.

Безобидная санаторная “прогрессистская” традиция требует, чтобы, прежде чем сделаться примерным больным (буржуа, профессором социологии, журналистом), молодой человек прошел через Лабиринт. Долгое время компартия была таким обязательным Лабиринтом. Впоследствии “прогрессистская”, “жидкая” Социалистическая партия и организации вокруг нее (“SOS Racisme” — среди прочих) дали возможность молодежи исполнить церемонию блуждания по Лабиринту. Светлый, окрашенный в яркие цвета, в отличие от темных коридоров марксизма, “прогрессизм” обманывает юношу тупиками “прав человека”, фейерверком Band-aid, белыми халатами “M?decins du Monde”. Переодетые в freedom-fighters бандиты выманивают у него денежную помощь и сочувствие. Скелеты африканских детей появляются и пугают. “Прогрессизм” так же полон фальшивых стен, ловушек и

тупиков, как и лабиринт марксизма.

Противник “прогрессизма” — “Силы Зла” — также сменился. Для марксизма это было “полицейское государство” правых партий. Так как социалисты сдвинулись вправо, правые либерализировались, то, образовав общий либеральный “прогрессизм”, эти силы противостоят Фронт насъеналь. ФН, разумеется, считает себя “Силой Добра”, а социал-“прогрессистов” — силами Зла. Интересно, что ФН оперирует поп-категориями, сходными с категориями ментальности “религиозных фанатиков” Исламской республики Иран. “Etrangers”¹⁸⁹ выглядят уместно в одном ряду с “Grand Satan” или “Petit Satan”. Etrangers в союзе с социалистами и “космополитами” (эти явно заимствованы из лексикона “сталинизма”) образуют единый фронт против Фронт насъеналь.

Вспомнив раннюю рейгановскую формулировку: он охарактеризовал СССР как “Империю Зла”, можно понять, что, покинув категории идеологии, санатории мыслят себя в традиционных категориях, восходящих к Библии и народным мудростям, то есть в стиле поп.

Идеологии, марксистская и антимарксистская, дряхлые и тяжелые, как христианская теология, продолжают отвлекать какое-то количество возбуждающихся от прямой конфронтации с санаторной системой. (Полные пиетета перед историческим прошлым идеологий, возбуждающиеся не замечают, что идеологии принадлежат к доброму старому иному времени, когда citoyen Маркс ездил в Лондонскую публичную библиотеку в omnibusе.) Все еще крепкий опиум для народных мозгов, идеологии стоят в медицинском шкафу санатория на полке с надписью: “Сильные транквилизаторы”, “Снотворное”...

За пределами санаториев марксизм, социализм все еще способны возбуждать массы.

Заключение

Подобно Бинстону Смифу на первой странице “1984”, взгляните в окно. Несмотря на то, что (из снобизма) санаторная цивилизация оставила нетронутыми скорлупы конструкций прошлых веков, пейзаж в окне — научно-фантастический. В небе висит полицейский вертолет (невидимые в облаках, вертятся спутники), по улицам, помыкая, двигаются стада механических существ: автомобилей и грузовиков, электрический свет заливают исторические монументы и улицы, празднично иллюминированы витрины и вывески. Из открытых окон автомобилей и квартир слышны радиомызыка и телеголоса, звонки телефонов... Привычные нам, в совокупности все эти элементы создают атмосферу сверхорганизованного искусственного мира — цивилизации, возвысившейся над природой. Прилетев из старых, пожелтевших книг, просится на язык слово УТОПИЯ. Мы живем в Утопии самого лучшего, самого искусственного качества. Действительность Утопии, созданной человеком, превысила все его самые безумные ожидания.

Густая и полная Утопия господствует на санаторных территориях земного шара, и цивилизация санаторного типа, но пожиже, покрывает южные берега Средиземного моря, Китай, территории Южной Азии. Блистательная Япония фосфоресцирует всеми лампами в океане, Корея и Тайвань рвутся к полным Утопиям и статусу санаторных обществ... Подстрекаемые богатством белого человека и его презрением к несанаторным цивилизациям, слаборазвитые страны Африки, Азии и Америки надрываются, чтобы стать развитыми, как можно более развитыми. Марксистские и либеральные режимы равно поощряют прогресс любой

ценой.

Двигаясь осторожно, ошибаясь, строя ненадолго Антиутопии, разрушая их, человечество соорудило-таки Утопию. В утопическом обществе хорошо ли большинству населения? Игнорируя брюзгливую критику Утопии “оппозиционными” партиями за неравномерное распределение богатств (она направлена лишь против деталей), скажем, что да, хорошо. (Задачей данной книги вовсе не являлось доказательство, что плохо.) Тепло, спокойно, сытно. Как животным на сверхсовременной ферме.

Не арифметическим всем 100 процентам населения, но безусловному разумному большинству. Достигнуты наилучшие условия для размножения и сохранения человеческого рода, свидетельство тому — небывалая населенность планеты. Под покровительством современной медицины выживает все большее число рождающихся детей, и протяженность жизни увеличилась разительно. Современный средний гражданин Европы имеет лучшее медицинское обслуживание (даже пересадка органов сделалась возможной!), бытовые условия его жизни сделались куда комфортабельнее, нежели некогда условия жизни европейских монархов. Мы, да, живем в УТОПИИ. Ура!

Но у прекрасной Утопии преступное происхождение. Преступное прошлое и преступное настоящее.

Так, за фасадами чистых домиков нацистской Германии скрывалось безжалостное ограбление завоеванных стран, в спрятанном от глаз гостей хлеву жили восточные рабы: поляки и украинцы, а в нескольких километрах от живописного городка располагался концентрационный лагерь... За санаторным, утопическим prosperity также скрываются преступления: ограбления, мародерства, убийства; необратимое уничтожение планеты; деформация Идеи Человека, уже совершившаяся, куда более криминальная, нежели ожидаемые со страхом генетические манипуляции... Германцы утверждали, что не знали о том, что происходит в концентрационных лагерях. Санаторный человек знает о преступлениях своей цивилизации, но не в силах преодолеть собственную жадность и слабость, предпочитает не верить в их серьезность. Еще в 1926 году была созвана первая Международная конференция на тему загрязнения морей, то есть знали уже тогда... Но не дрожали. В 1972 году санаторная цивилизация вздрогнула впервые. Был опубликован отчет Массачусетского института технологии (MIT) — результат четырехлетнего исследования группы ученых под руководством профессора Денниса Мидовса — под названием “Halte ? la croissance”.¹⁹⁰ В том же году группа британских ученых опубликовала в журнале “Эколог” документ под названием “Manifestepour la survie”.¹⁹¹ Заключение обоих научных документов были крайне пессимистичны, они настойчиво утверждали **“обязанность человечества оставить идею, что прогресс экономического развития может продолжаться бесконечно, не встречая преград”**. Оба документа поставили под вопрос “индустриальный способ жизни”. Манифест британских ученых пошел дальше, он, пусть и робко, рекомендовал “создание новой социальной системы” и одним из элементов ее предлагал “децентрализацию”. Следуя этим докладам, вызвавшим полемику во всем мире, была созвана в Стокгольме, в июне того же знаменательного года, Международная конференция по окружающей среде (1.200 делегатов из 112 стран, 3.000 наблюдателей). Создав комиссии, подписав декларации, делегаты разъехались. Ни People, ни администрация санаториев не испугались настолько, чтобы решиться: одни — преодолеть свою безграничную жадность, вторые —

190

191

подвергнуть серьезному риску свою власть — предпринять меры против Progress и Prosperity. Поучительное занятие сегодня — перечитывать книги по экологии, изданные в начале 70-х годов, ибо подавляющее большинство пессимистических предсказаний, высказанных тогда учеными, осуществилось, увы, сегодня. Фальшивая вторая “холодная война”, бранчливая перебранка между блоками-близнецами занимала внимание People, администрации и (позор!) интеллигенции все 70-е и половину 80-х годов. Но нереальная деятельность по спасению планеты, не борьба с криминальностью человечества. Сколько упущенных лет и возможностей!

В 1986—1989 годах вследствие крупных, бросающихся в глаза (в отличие от ежедневных, менее заметных, но более страшных) катастроф: Чернобыль и отравление Рейна (затронувшее пять стран!) — санаторную цивилизацию посетил новый приступ экологической сознательности. Наименее сонная часть больных-избирателей Франции, испугавшись, выбрали вдруг небывалое число экологов в муниципальные консульства и Европейский парламент. Bravo! Два десятка гектаров земли и тысяча кубических метров кислорода будут спасены. При всем уважении к, несомненно, полезной деятельности “зеленых” можно предсказать, что будет сделано ничтожно мало и бесполезно медленно, ибо, чтобы дать “зеленым” возможность действовать, следует первым делом отменить санаторий и его законы. Только крайние меры способны остановить уничтожение планеты. Только тотальная и полная остановка криминального Прогресса, замена “индустриального способа жизни” другим способом. Именно эти меры робко подразумевала под “созданием новой социальной системы” группа британских ученых, не решаясь в демократии 1972 года выступить против фундаментального принципа именно демократии. Чтобы успеть спастись, человечество должно заменить санаторную цивилизацию иным общественным строем.

Чернобыль и рейнская катастрофа уже в прошлом (но не их последствия!). Ограничившись (как и в 1972 г.) одной-двумя международными конференциями на тему уменьшения слоя озона в атмосфере, создав комиссии, подписав декларации, посадив несколько “зеленых” в парламент, санаторная цивилизация успокоилась. Занялась позорной и глупой защитой незначительной книжонки Рушди от свежего воображаемого Абсолютного Врага — Ислама. Администрация санатория Франции не потрудились даже запретить рекламу аэрозолей на телевидении! Приняты два-три незначительных министерских решения, и пляска смерти продолжилась.

Преступление разрушения планеты (для того чтобы поддерживать существование Утопии) соперничает по степени безумия с преступным нарциссизмом человеческого рода, позволившего себе расплодиться безмерно и опасно. Используя достижения современной медицины (детская смертность снижена до предела), человечество удваивает себя каждое поколение. (Если в самих санаториях рождаемость невысока, то в малоразвитых, но уже развивающихся странах населения чудовищно разбухли.) К 2000 году население планеты достигнет 7 миллиардов человек. Увы, невозможно удвоить, даже с помощью губительных гербицидов, пестицидов и гормонов, количество питания, производимого на планете. Размеры будущей катастрофы вследствие перенаселенности, ужас этой катастрофы четко выражают следующие цифры: если сегодняшней чудовищной прирост населения не снизится, через 600 лет на каждое человеческое существо будет приходиться один квадратный метр территории планеты, и это включая пустыни и полюса! Нетрудно вообразить, что ценность человеческой жизни в таких условиях упадет до 0. Без сомнения, возникнут тысячи Аушвиц, лагерей массового уничтожения. Без сомнения, будут поощряться массовые убийства... Злобная фантастика? Нереально? Но за последние 30 лет население Китая увеличилось с 500 миллионов до 1.100 миллионов человек! Возможно представить как

“нормальные” следующие новости, сообщенные Би-би-си из недалекого будущего:

“Демографы надеются, что по меньшей мере семь миллионов детей в возрасте менее пяти лет умрут в Бангладеш этой весной”;
“Расстрел еще 720 бизнесменов, ответственных за загрязнение пресных водоемов штата, приветствуется общественностью штата Нью-Йорк...”

Новая, ответственная мораль, пусть она и будет болезненна для сознания человека, должна родиться сегодня. В противном случае она родится завтра, внезапно и будет куда более свирепой. Первым шагом должно быть снятие католической церковью преступного запрета абортот и средств предохранения от беременности.

Наименее заметное, но от этого не менее чудовищное преступление санаторной Утопии — преступление против природы человека: уничтожение индивидуума (и идеи индивидуума) коллективом. Человечество сегодня не индивидуумы, составляющие, если желают этого, коллектив: племя, нацию, по исключительно и только коллектив. Освобожденный санаторным климатом от материальных Souffrance/Douleur, больной санатория — не хозяин своей личной судьбы: он разделяет коллективную судьбу животных на ферме. (О том, что орудия массового уничтожения могут быть применены тем или иным государством-санаторием намеренно или вследствие несчастного случая, известно населением санаториев, но они предпочитают об этом не думать. Забыть. Так, коровы, свиньи, куры и кролики на фермах стараются (кто знает?) игнорировать существование бойни и ножа...) Со смертью индивидуальной воли, индивидуальной цели жизни (цель санатория — продуктивность) отмерли, как ненужные аппендиксы, индивидуальная честь человека, его индивидуальное достоинство. Захваченные на Ближнем Востоке заложники западных стран проявляют все как один поразительную трусость, все без исключения вызывают послушно к своим правительствам с мольбами выполнить требования врага и тем спасти их. Опросы показывают, что 60 процентов населения Франции готовы сотрудничать с любым оккупантом.

Желая контролировать гражданина тотально, санаторий взял на себя заботу не только об удовлетворении материальных нужд больного, но взялся удовлетворить и его моральные нужды. Коллективная сострадательность “Ресторана Сердца”, коммерческая сострадательность исполнителей-музыкантов и покупателей дисков Band-Aid — коллективное милосердие освобождает гражданина больного от личной ответственности. Санаторный человек одновременно труслив и аморален...

Утописты, мечтавшие, что у человека в обществе будущего будет множество свободного времени для творчества, для искусства, должно быть, переворачиваются в своих истлевших гробах. Искусство не только не развилось в обществе leisure time, но, напротив, исчезает прямо пропорционально повышению prosperity санаториев. Становится очевидным, что искусство есть привилегия страдающего, буйного, свободного внесанаторного человека. У домашних животных не может быть искусства.

Бесстрастная, сытая жизнь после смерти царит в Утопии. Несмотря на изобилие развлечений, она необыкновенно тосклива. В обмен на ровный санаторный климат Утопии гражданин вынужден жить в режиме ежедневного монотонного труда, Добровольного Подчинения и Дисциплины. Авантюра и Свободная Воля остались за стенами, вместе с Mis?re, Souffrance, Douleur и Историей. Парадоксальным образом всеми порицаемая Южная Африка, к примеру, не мертва, но живет в трагедии, в Истории, в Жизни...

Санаторная Утопия временна. Крайнее напряжение всех сил планеты для

поддержания ее существования долго продолжаться не может. Наиболее достойные из “мутонов” вынуждены будут понять это и проснуться. К тому же, даже очень спокойным и послушным животным “хорошая жизнь” становится однажды поперек горла. Монотонный труд, переваривание пищи, мирный секс — прекрасные вещи, но они удовлетворяют лишь часть потребностей человеческого животного. Агрессивность человека также требует удовлетворения. Вырваться из теплого вольера, вытоптать красивые клумбы с цветами, разрушить административные постройки, заporоть насмерть пастухов — тоже удовольствия, и очень высокого качества. Битва, опасность и смертельный риск так же нужны People (не говоря о возбуждающихся, для тех битва, борьба, схватка — единственная функция), как и покой, мир и “хорошее время”. Легальных возможностей для ежедневного выпуска пара агрессивности у больных, населяющих санатории, нет. Полагаясь всецело на соблазны хорошей жизни, санаторная система их не предусмотрела. Но биологическая структура человека подчиняется лишь временному усыплению. Агрессивность (вспомним, это утверждал биолог Конрад Лоренц, вызвав бурю негодования сторонников домашнего человека) есть фундаментальный импульс в натуре человека. Свирепость последних мировых войн доказала, что человек не цивилизуется навсегда. Как и первое поколение от Сотворения мира, человеческие существа сегодняшних поколений нуждаются в возможности проявления своей агрессивности. В предсанаторных обществах человек (и возбуждающиеся, и People) мог это сделать в различных формах: участвуя в куда более мускулистых политических движениях своего времени, отправившись на колониальную войну... В санатории его все суровее карают даже зауличную драку. Общество, не использующее, но подавляющее агрессивность человека, никогда не будет стабильным. PAIX ATOMIQUE не есть защита от взрывов изнутри.

Прогресс не будет вовремя остановлен администрациями, и уничтожение планеты будет продолжаться.

Абсолютным Врагом санаторной цивилизации уже назван ислам. Однажды, детонированные или супер-Чернобылем, или войной со слаборазвитыми странами, санатории взорвутся. Серия страшнейших катастроф, экологических ли, вызванных ли оружием массового уничтожения, приведет (не может не привести) к периоду хаоса и “войны всех против всех”. Предсказать, чем окончится война всех против всех,— невозможно. Однако появление “крепких мужчин в ЗЕЛЕНЫХ униформах, с железом подбитыми сапогами и дубинками в руках” — неизбежно...

Отдельные феномены в популярной культуре и (даже) в административной жизни санаториев, случившиеся в последние годы, позволяют увидеть, что санаторная УТОПИЯ уже далеко не всем нравится. Появились “протофашистские” (определение критика “Нью-Йорк мэгэзин” Дэйвида Дэнби) эпопеи “Рокки” и “Рэмбо” с супергероем Сильвестра Сталлоне, фильмы о сверхчеловеках, исполняемых Чаком Норрисом и Шварценеггером. Нигилистические антиутопические фантастические фильмы, действие которых происходит в будущем, самый представительный из них — киноэпопея “МэдМакс” (1, 2, 3...) с героем нигилистом-анархистом, одинаково противостоящим и “хорошим” и “плохим” коллективам.

Фильмы Сталлоне были плоско истолкованы критиками как очередной приступ комплекса неполноценности коллективного сознания Соединенных Штатов по поводу поражения в войне во Вьетнаме. Однако, отвлекшись от вьетнамской войны и преувеличенных психоаналитических клише, можно увидеть в героях Сталлоне, Норриса и Шварценеггера знакомый лик возбуждающегося. Их разрушительный гнев (в особенности героев Сталлоне) в не меньшей степени направлен против администрации, нежели против условных врагов: “вьетнамцев”, “русских”, “кубинцев”, “варваров” времен постъядерной катастрофы или, как в фильме “Конан”,—

“варваров” на заре истории. Вспомним нападение Рэмбо на “компьютер-банк”, запланировавший его миссию, исполненное исступленной ярости. Американский патриотизм Рэмбо не должен смущать зрителя, это патриотизм нигилизма. Он сродни патриотизму русских террористов прошлого века, видевших в цареубийстве средство спасения и перерождения России. (Герой совершает свой подвиг, именно спасая Родину, свое племя от власти “плохой” администрации — от Дракона, Минотавра, Зверя.) В интервью “Нью-Йорк таймс” Сталлоне заявил:

“Я не right-wing, не left-wing¹⁹², я люблю мою страну. Я защищаю ordinary¹⁹³ американцев, неудачников, каковые многие из них...”

В сущности, он “защищает” сильных, но подавленных людей из народа, ни в коем случае не жертв, но возбуждающихся, чей успех, реализация себя в санаторном обществе, где послушание — достоинство, невозможен или маловозможен. Конан, Мэд Макс, Рэмбо — мускулистые супермены-возбуждающиеся, не помещаются в контекст современной реальности санаторной жизни, потому они условно помещены в первые века истории, во времена постъядерной катастрофы, во “Вьетнам”. По сути дела, им всем место в будущем, они — герои будущего восстания против санаторного режима, удобного для миллионов маленьких Шарло. Они — симптомы тоски возбуждающихся по свободе, симптомы того, что культ жертв начинает утомлять возбуждающихся.

В санатории Франции, где культура жестко управляется отборной кастой (подобно тому, как Брамины были кастой, удерживающей Знание в старой Индии), устарелый интеллектуализм не способен немедленно откликнуться на новые явления в жизни общества. Французские “жрецы культуры” замкнулись в своей кастовости, и поп-действительность им недоступна. (Новейшая французская философия напоминает непроницаемое облако пыли.) Они растерянны и нечувствительны. Культура во Франции всегда была намного старше общества. Но сегодня проникновение новых моделей героев в культуру затруднено как никогда. Потому феномен Сталлоне отсутствует в культуре (популярной или жрецов-интеллохратов. Исключение — “несерьезная” область: bande dessinée — комиксы), но заметен в активности Фронт насъеналь. Проще, разумеется, назвать ФИ “расистской партией” и тем отделаться от нее. Однако вместе с эколожистами (пусть они и не походят друг на друга, как день и ночь) ФН является (пусть она и не денонсировала ПРОГРЕСС) объединением, озабоченным не мертвыми идеологиями, но современностью: проблемами демографии и засильем касты администраторов (держателей скрижалей идеологий). Характерно, что ФН возник и пользуется популярностью в санатории с традиционно самой сильной администрацией в Европе. Безусловно, ни одна даже самая радикальная партия не состоит сплошь из возбуждающихся, однако присутствие их во Фронт насъеналь и среди эколожистов чувствуется. Скорее всего, ФН остепенится и станет еще одной партией администрации. Чтобы возглавить восстание мускулистых Рэмбо и Рокки против “компьютер-банков”, ФН в ее настоящем виде не хватает многого. Однако ФН и эколожисты, несомненно, начали процесс, имеющий будущее.

А теперь отойдите от окна и взгляните на телеэкран, на лицо **Тонтона**.¹⁹⁴ Разве он похож на главу государства?

Скорее на дядюшку-профессора: мудрого Директора санатория.

192

193

194